

ELIZABETH RICHARDS

BLACK CLIFF

Мрачная и нежная постапокалиптическая история любви, происходящая после кровавой войны.

В городе, где люди и Дарклинги разделены высокой стеной, а напряжение меж двух рас по-прежнему кипит после ужасной войны, шестнадцатилетний Эш Фишер, наполовину Дарклинг, и Натали Бьюкенан, человек и дочь Эмиссара, встречаются и происходит немыслимое – они влюбляются. Связанные загадочной связью, которая заставляет давно впавшее в спячку сердце Эша биться, они с Натали поначалу отрицают, а затем изо всех сил начинают бороться со своими запретными чувствами друг к другу, зная, что если их поймают, то казнят – но их чувства слишком сильны.

Когда Эш и Натали оказываются в центре смертельного сговора, грозящего вновь начать войну между людьми и Дарклингами, они должны сделать трудный выбор, который может грозить смертью им обоим.

Перевод: vikaz, refuse, Athena777, IvOlga26

Редактор и оформитель: Луна "Aileen" Алехнович, Евгения Безрукова

Глава 1

Эш

Где-то вдали воеет сирена, предупреждая о воздушном налёте и наставляя граждан Блэк Сити запереть двери и выключить свет. Они не хотят находиться в темноте в одиночестве. Они могут встретиться с кое-чем опасным. С кем-нибудь вроде меня.

Я направляюсь под мост через канал и жду девчонку, достав из заднего кармана предписанные Стражами сигареты и прикурив. Никотин течёт по венам, заставляя их трепетать от адреналина: ощущение, почти напоминающее пульс... почти.

Слышу приближающиеся шаги на мосту. И из тени появляется маленького роста девушка с короткими взъерошенными чёрными волосами. На ней мужские рабочие ботсы, обтягивающие чёрные штаны и фрак, сшитый из лоскутов ткани. Её светло-карие глаза всматриваются в мои. Смелая. Не многим из подобных девчонок хватит мужества посмотреть мне в глаза. Она протягивает мне старую игральную карту с изображёнными на ней двумя сердцами: красное и чёрное. Это моя визитка. Кажется, она подходит больше всего: вот, что я собираюсь ей продать — иллюзию любви. Я убираю карту в карман тёмно-зелёного кителя.

— Ты опоздала, — говорю я. — Последнее, что мне нужно, — быть пойманным Ищейкой, после наступления комендантского часа. Они только и ищут причину бросить меня в тюрьму.

— Извини, они установили дополнительные контрольно-пропускные пункты и на каждом останавливают. Танки везде! — лепечет она. — Мне кажется, они не будут слишком осторожничать, когда в город вернулся Страж-Эмиссар, что с пограничными переговорами с Легионом и...

— Ты заплатила Жуку? — прерываю я её.

Девчонка кивает.

— Сроки и условия, — говорю я. — Отказ не принимается. Ты не получаешь удовольствия, тебя тошнит, ты фриг — не мои проблемы, ясно?

Она снова кивает.

— Ты беременна? — Она краснеет от злости. — Будем считать, что ты ответила «нет». Это может вызвать сонливость, поэтому потом нельзя будет ни садиться за руль, ни управлять тяжёлой техникой. — Она улыбается в ответ, а я ухмыляюсь. Всегда одно и то же. — И не повторяй. По крайней мере, в течение двух недель, поняла? Я не шучу.

— Это всё?

— Никаких поцелуев. Только бизнес, поняла?

Кажется, она несколько разочарована этим, но я не люблю смешивать дело с удовольствием. Она застенчиво расстёгивает воротник своего пальто, открыв стройную бледную шею. От этого зрелища у меня сводит живот от голода.

— Что мне делать? — спрашивает она.

— Наклониться назад, — отвечаю я.

Она повинуетя, как послушная девочка. Одной рукой я опираюсь о стену, вторая скользит у неё между бёдер, осторожно раздвигая ей ноги. Прикосновение к ней не будоражит меня, но я издаю возбуждённый стон — знаю, ей это понравится. Им всем нравится, даже парням, — вот почему они приходят ко мне, взамен они получают Дурман. Я

сам встаю между её бёдер лицом к лицу. От её неглубоких вздохов на мою холодную кожу струится тепло.

— Расслабься, ладно? Будет приятнее, если ты расслабишься.

— Моё сердце бьётся со скоростью миля в секунду. — Она издаёт нервный смешок.

— Не могу сказать, что мне знакомы подобные ощущения, — замечаю я.

Она осторожно прижимает руку к моей груди, и её глаза округляются.

— Так это правда? У тебя нет сердца?

— У меня есть сердце, — ворчу я, с силой толкая её к стене. Оно просто не бьётся.

По её щеке стекает слезинка, а тонкие губы дрожат.

— Шшш, всё хорошо, милая. Я не хотел тебя пугать. — Я осторожно смахиваю её слезу.

— Простишь меня?

Она кивает, потом наклоняет голову набок, обнажая гладкую белизну своей шеи. Мешочки с ядом в дёснах у моих клыков раздуваются.

Сосредоточься, Эш, не грузись.

Я наклоняюсь к ней, прижимаясь губами к её нежной шее чуть ниже уха. Пульс трепещет под моими губами, и я почти его теряю. Я начинаю покусывать кожу, щекоча своим языком крошечные волоски, намокающие от моей слюны.

— Давай же, — шепчет она.

Многовато для прелюдии. Я вонзаю свои клыки в её яремную вену. Горячая кровь орошает мой язык, заставляя вкус взрываться сладостью. Блин, люблю новичков — они всегда самые вкусные. Она вздыхает, когда мой яд распространяется в её крови. Я жду, когда наступит дурманный эффект, прежде чем испытать. Это бонус; мои клиенты получают максимум от меня, а я в свою очередь — максимум от них, когда пью их насыщенную наркотиками кровь. Это беспроблемный вариант.

Кислый, горький вкус вдруг наполняет мой рот, и я, прикрывая рот рукой, отскакиваю назад.

— Что за... — Я сплёвываю кровь.

Девушка смотрит на меня своими стеклянными глазами, кровь стекает из двух проколов на её шее.

— Всё искрится, — говорит она мечтательно.

— Разве Жук не предупредил тебя, что я не беру клиентов, сидящих на медикаментах?

Она кренился в мою сторону, и я перехватываю её до падения в воду.

— Я люблю тебя, — бормочет она, пытаюсь поцеловать меня.

Я грубо встряхиваю её. Она бьётся спиной о стену, сползает на землю. Её глаза закатываются, она начинает биться в конвульсиях, в уголках рта пузырится белая пена.

— Нет, нет, нет! А ну очнись! — Я опускаюсь на колени и снова встряхиваю её. Меня охватывает паника.

Девушку трясёт, её черные ботинки оставляют на булыжнике черные царапины. Дерьмо! Вот почему я не беру клиентов на лекарствах. Никогда нельзя сказать, как Дурман повлияет на них. Я стаскиваю с себя куртку и кладу ей под голову.

Караульный танк катится по мосту, я закрываю глаза и жду, когда он пройдёт. Хотя война официально закончилась, от этого звука у меня всё ещё бегает мурашки. Где бы они ни были, за ними всегда следовала Смерть. От войны у меня осталась пара царапин. В те дни тот факт, что я был полноправным гражданином и получеловеком, для них не имел значения. Если ты не был человеком на сто процентов, ты был врагом. Каждый день — это

борьба за выживание. С тех пор не стало лучше, я всё ещё оставался врагом в глазах большинства людей. Во мне они видели лишь Дарклинга. Танк повернул к Унылой улице по направлению к штаб-квартире Эмиссара.

Девушка стонет. Здесь слишком опасно, я должен уходить. Я мог бы просто оставить её. Нет, это не вариант, но я не могу взять её в больницу. У меня может возникнуть много проблем.

Жук!

Я смотрю вниз на канал. В ста футах пришвартовалась жёлтая баржа. Огни не горят. Где он? Он должен был быть моим ведомым; именно поэтому, в первую очередь, я пришёл на этот мост. Это может обернуться очень плохо...

Грудь взрывается болью, я кладу руку на своё безжизненное сердце. Чувствую, что кто-то стоит у меня за спиной и оборачиваюсь.

Девушка стоит в проходе, освещаемая фарами проезжающего грузовика. В мимолётном проблеске света я успеваю заметить ярко-голубые глаза, мечущиеся между мной и девчонкой, скорчившейся на полу.

Наконец её взгляд фиксируется на мне.

Я падаю на спину, ударившись, когда в груди снова отдаётся боль.

По моему телу бегут мурашки, стремясь лишь к одной точке в груди. Вспышка электрического разряда, а потом:

Взрыв.

Глава 2

Натали

— Я ничего не видела, ладно? Я не ищу неприятностей, — выпалила я. Страх пронизывает до костей.

Молодой человек сжимает грудь, словно ему больно. Он смотрит на меня сверкающими черными глазами. Моё сердце спотыкается и начинает биться чаще, чтобы догнать ускользающий ритм. Он моргает, трясёт головой, словно пытается вспомнить, где находится. В это время у меня кружится голова, как будто я откуда-то знаю его. Но откуда? Даже в таком паническом состоянии мой мозг соображает, что мы не могли встречаться раньше. Я уверена, чёрт побери, я бы его запомнила. Мне не нужно видеть его клыки, чтобы понять: волосы, как чёрный огонь, и сверкающие глаза. Это единственное доказательство, что было мне необходимо. Полукровка-Дарклинг.

Я должна была уже за это время убежать на милую — все инстинкты кричали об этом, но ноги приросли к земле, тело парализовало, в то время как ко мне возвращались воспоминания, которые я упорно подавляла в течение года: пара белых клыков, измученное лицо моего отца, растёкшаяся по потолку кровь.

Опьянённая наркотиком девушка рядом с ним застонала, её тёмные волосы рассыпались, открывая лицо. Она была похожа на мою сестру Полли.

— Помогите мне, — шепчет она.

Я в замешательстве, не знаю, как поступить. Что если бы она была моей сестрой? Разве я оставила бы Полли здесь... с ним?

Я принимаю решение, и в этот момент по дороге у меня над головой проезжает караульный грузовик и глушит двигатель. Я ныряю под мост и прижимаюсь к покрытой плесенью стене, приложив палец к губам. Мгновение спустя дверь открывается и раздаётся эхо шагов, ступающих по дороге над нашими головами. Парень-Дарклинг весь напрягается и смотрит туда, откуда идёт звук.

— Уверен, что видел её, — раздался голос над нами. Себастьян.

На какое-то мгновение воцаряется тишина. Я закрываю глаза и начинаю молиться, чтобы он ушёл.

Какой-то другой мужчина фыркнул:

— Вечно она ввязывается в неприятности. Она того не стоит. — Судя по грубости голоса, это был Курт — один из лидеров военных отрядов Себастьяна.

— Советую тебе держать свой язык за зубами, если не хочешь, чтобы я его отрезал, — отвечает Себастьян.

— Прости, командир, — тут же спохватывается Курт. — Я не хотел проявлять неуважение.

— Давай попытаем удачу на Унылой улице, — предлагает Себастьян.

Я слышу, как шаги удаляются, и вздыхаю с облегчением, как и полукровка-Дарклинг. Мы сверлим друг друга взглядами в течение нескольких секунд. Не думаю, что он собирается напасть на меня, когда в непосредственной близости находятся Ищейки. У него схожая кровь, не то, что как у безмозглых Разъярённых, поэтому он понимает, чем рискует, если попытается напасть. От этой мысли стало чуть легче.

— Спасибо, — говорю я ему.

— Не бери в голову, блондиночка. Любой враг Стражей — мой друг, — растягивая слова, говорит он.

Меня охватывает незнакомое ощущение, когда я делаю шаг к нему. Я замираю. Это странно. Делаю ещё один шаг. И вот снова оно же, определённо, меня будто тянет к нему, заставляя подойти поближе, несмотря на внутренний голос, твердящий держаться на расстоянии.

Я опускаюсь на колени рядом с ним и одурманенной девушкой, моя чёрная тюлевая юбка веером окружает меня.

— Что случилось? — спрашиваю я, поворачивая голову девушки и обнаруживая две колотые ранки. — Дурман?

Он кивает.

— Ей нужно в больницу, — говорю я.

— Этого не будет. Она знала, на что идёт.

— Она может умереть.

Он пожимает плечами.

— Не моя забота. Мне не хочется быть казнённым по её вине.

Я снова взглянула вниз на девушку и с беспокойством прикусываю губу, на которой выступает кровь. Большая ошибка. Голова Дарклинга резко вскидывается вверх, ноздри раздуваются, а воздух вокруг искрится от статического электричества. Его острый сумрачный взгляд скользит по моему телу, холодный взгляд как зимний мороз прикасается ко мне, оставляя после себя мурашки.

Взор.

С помощью этой силы Дарклинги помечают жертву, чтобы никто из их вида не покушался на неё. Только один раз я испытала на себе Взор — в ту ночь, когда умер мой отец. Дарклинг медленно исследует меня, его глаза приближаются к ярко-красному шраму на моей коже, проходящему через сердце. Его видно под тонким кружевом моего корсета. Я поспешно прикрываю шрам рукой. Чары разрушены — он отводит свой взгляд.

Кто-то шагает по мосту, у меня перехватывает дыхание. Себастьян с Куртом вернулись.

— Давай вернёмся в штаб-квартиру, — говорит Себастьян Курту, забираясь в грузовик. — Натали, наверное, ушла домой.

— Лучше бы ей так и сделать, — бормочет Курт. — Эмиссар мне башку оторвёт, если её дочь достанется на съедение какому-нибудь уроду Дарклингу. Чёртовы клыкастые, понятия не имею, как они умудряются перелезть через стену.

Дарклинг щурит глаза:

— Ты дочь Эмиссара?

К моему позвоночнику ползёт страх. Я с усилием сглатываю, понимая, в какой опасности нахожусь.

— Я не хочу ни каких неприятностей, — говорю я.

— Позднjack метаться, блондиночка.

Уголки его губ поднимаются, чтобы обнажить его клыки.

Я немедленно отодвигаюсь от него. Врезаюсь спиной в холодную каменную стену. Я в ловушке.

Одурманенная девушка стонет.

— Думаю, с ней всё будет в порядке. Не нужно больше никого вовлекать, — говорю я, и в моем голосе слышится нарастающая паника.

Мы смотрим друг другу в глаза, ожидая, что же произойдёт дальше. Существуют только два возможных варианта развития событий: он отпускает меня и будет надеяться, что я не донесу на него. Или он убьёт меня.

Моё сердце бешено колотится в груди. Я затаила дыхание и жду.

— Расскажешь кому обо мне, и ты труп, — рычит он.

Он поднимается на ноги и спустя мгновение исчезает.

Тёмные мощёные улицы мертвенно тихи, когда я шагаю домой, но это нормально в это время суток. Нужно быть самоубийцей или сумасшедшим, чтобы шариться в темноте после наступления комендантского часа. Я пока ещё не решил, кто я: псих или мне просто надоело жить.

Я спешу домой, понимая, что вряд ли сегодня вечером нарвусь на неприятности, но не хочу искушать судьбу. По обе стороны от меня в темноте растворяются дома из шлакоблочного кирпича, которые все ещё стоят обгоревшими после прошлогоднего артналёта, разрушившего город.

Я не могу удержаться и провожу пальцами по мягкому пеплу, покрывающему стены домов, от чего моя кожа чернеет. Чёрный. Это цвет моего здешнего мира: чёрные улицы, чёрные здания, чёрные небеса. Везде один сплошной чёрный. Я уже почти и забыл, какие ещё есть цвета.

В памяти всплывает голубоглазая девчонка из Стражей, и моя грудь сжимается. Что же случилось там под мостом? Клянусь, я почувствовал как моё сердце... что? Забилось? Я смеюсь. Какая дурацкая мысль; моё сердце за всю мою жизнь и на миллиметр не сдвинулось. Оно просто безжизненно сидит у меня в груди. Должно быть, это какая-то гадость, которая попала мне в кровь от одурманенной девчонки. Должно быть, это всё и испортило. Ну да, вполне возможно. Я не могу позволить себе надеяться.

Надо мной, на крышах, высятся цифровые экраны размером с рекламные щиты, оглядывая окрестности столетних зданий готической архитектуры. Экраны передают непрерывную видеозапись из ЭсБэЭн, правительственной сети. Они показывают только сообщения пропагандистского характера, объявления и новости, продвигающие правительство Стражей.

Из мониторов гремит женский голос:

— А теперь прослушайте сообщение от нашего правительства.

На экранах появляется пара пронизывающих серебристых глаз. Я мгновенно узнаю их. Они принадлежат Пуриану Роузу — духовному лидеру и главе Соединённых Штатов Стражей. Сообщение строкой бежит внизу экранов: *Его Всесилие видит всех грешников.*

По моему телу пробегают мурашки, и я ускоряю шаг. Я инстинктивно прихожу к Городской Окраине и замираю, как вкопанный. Почему я всегда в конечном итоге оказываюсь здесь, даже если не хочу этого? Я смотрю на Пограничную стену, каменная стена высотой в тридцать футов увешана плакатами Пуриана Роуза, призывающими голосовать за его Закон. Стена разделяет город надвое, отделяя людей от Дарклингов. Уйдёт весь день, если вы решите обойти стену по всему периметру, — она обхватывает всё гетто Дарклингов, известное как Легион, крупнейшим в Соединённых Штатах Стражей. В каждом городе девяти мегаштатов СШС есть огороженные гетто, такие же, как наш, держащие Дарклингов отдельно от людей.

За Пограничной стеной есть ещё одна стена, поменьше, вся утыканная шипами и обмотанная колючей проволокой, а за ней... моя семья. Там живут все мои родственники Дарклинги: тёти, дяди, кузены. Я отворачиваюсь, не желая сегодня вечером иметь дело с этим и выбираю дорогу домой подлиннее, к Высотке. Район в северной части города, где

проживают беднейшие горожане.

В Блэк Сити пять больших районов: Высотка, Парк, Кратер, Легион и Узел, где располагается штаб-квартира Эмиссара. Общее количество Эмиссаров — девять, по одному на каждый мегаштат, и наш Эмиссар — худший. Отстойно, что она вернулась в город; было гораздо лучше, когда она была эвакуирована в Центрум во время воздушных налётов в прошлом году.

Я ныряю под забор из колючей проволоки, который окружает Высотку. Этот забор — довольно сомнительная попытка оградиться от Разъярённых, которые перелезают через Пограничную стену. Это одичавшие Дарклинги, заразившиеся смертельным вирусом С18, и они бродят по улицам, охотясь на тех, кто оказывается достаточно глуп, разгуливая после наступления комендантского часа. На таких идиотов, как я.

Я украдкой ступаю по мощёным сонным улицам, тускло освещённым масляными лампами, которые чадят, следуя своей обычной дорогой домой. «Высотка» получил своё название благодаря сотне высотных многоквартирных зданий, которые преобладали в городе. Правительству Стражей пришлось в спешном порядке возвести несколько жилых домов после бомбёжки Блэк Сити, но они не собирались возвращаться, чтобы закончить начатое. Несколько зданий уже разрушались, угрожая рассыпаться от малейшего прикосновения. Шесть месяцев назад одно здание развалилось и погубило сотни людей. Об этом даже не сообщили в новостях ЭсБэЭн. Всем плевать на нас.

Я подхожу к двум заброшенным многоэтажкам, которые склонились друг к другу, словно спящие великаны. В щели между ними стоит старая церковь: её серые каменные стены душит плющ, колокольня слегка накренена. Дом. Возле церкви растёт с десятков яблонь, которые так и ломаются от спелых красных плодов. Эти деревья посадила мама, чтобы кладбище не выглядело таким мрачным. На камне сидит миссис Бирт — рыжая полосатая кошка, которая шипит на меня, когда я прохожу мимо. Я рычу в ответ, и она даёт деру.

Я чуть прибавляю ходу, а потом останавливаюсь. Волоски на моей шее встают дыбом. Я всматриваюсь в темноту в поисках движения, но ничего не вижу. Ха. Должно быть, я себе просто напридумывал. Я добираюсь до входной двери и хмурюсь. На темной деревяшке свежее граффити — только два слова, написанных большими буквами: ПРЕДАТЕЛЬ РАСЫ. Буквы не очень чёткие в тех местах, где папа пытался соскрести слова. Я вздыхаю и вхожу внутрь.

Папа сидит на одной из церковных скамеек и ждёт меня. Кажется, с того времени, как я утром ушёл из дома, он постарел ещё на год. Его густые каштановые волосы стали ещё седее у висков, борода ещё неряшливее, а голубые глаза поблекли ещё больше. Сложно поверить, что это всё тот же мужчина, который заставляет маму хихикать будто школьницу, просто улыбаясь ей.

— Где ты пропадал? — спрашивает он.

— Снаружи, — отвечаю я.

— Где твоя куртка?

— Потерял, — отвечаю я, что с формальной точки зрения неправда. Я знаю наверняка, где она: под головой у одурманенной. Возможно, я завтра завернусь под мост и погляжу, не оставила ли она её там. Я любил свой мундир, он достался мне от legionera Дарлинга из Освободительного отряда, сражающегося за свободу, ещё во времена войны, как раз перед тем, как был схвачен Ищейкой.

Я прохожу мимо отца к тесной комнатёнке в задней части церкви. К двери, запертой на

висячий замок, которая ведёт вниз, в склеп, прислонена проржавевшая старая раскладушка. Папа иногда спит на ней, когда не спускается в склеп, что бывает не очень часто. Мне кажется, он уже неделями не видел дневного света,— наверное, с тех самых пор, как она вернулась. Я поворачиваюсь спиной к двери склепа, даже не взглянув на неё, не желая думать, что скрывается за ней.

Остальная часть комнаты занята маленьким столом и кое-какой кухонной утварью. В комнате грязно. Грязь повсюду. Она на стенах, на тарелках. На всех поверхностях. На полу стоит несколько ящиков, доверху заполненных консервами; пожертвования от местных жителей для раздачи на нашей очередной благотворительной организации. Вокруг кухонного стола три стула: один для отца, другой для меня, а третий никто не занимал вот уже восемь лет. На спинке последнего висит меховое манто из волка, которое папа подарил матери в день их свадьбы.

Я беру манто и прижимаюсь носом к серебристому меху. Я почти верю, что могу почувствовать аромат лилий Кальдера, запах времён, которые были гораздо счастливее нынешних. В моей груди возникла знакомая боль, и я осторожно возвращаю пальто обратно.

На загромождённом столе гора счетов. Я беру их в руки, а мой разум возвращается к девочке из Стражей. Как там охранники называли её? Натали.

Я уныло просматриваю счета, стараясь сосредоточиться на других вещах, но моё настроение ухудшается с каждой новой красной буквой. Мне нужно разжиться новыми клиентами, чтобы оплатить это, и от этой мысли меня тошнит. Ненавижу подкарауливать детей у своей школы и подсаживать на Дурман, но у меня нет выбора. Либо это, либо выгонят на улицу. В Блэк Сити это смерти подобно.

— Ты собираешься рассказать мне, где был? — спрашивает отец, когда входит на кухню.

— В библиотеке. Надо было вернуть кое-какие книги, — самозабвенно лгу я.

— Ты рисковал быть схваченным после наступления комендантского часа, только из-за того, что тебе надо было вернуть книги?

— Ну, что тут скажешь? Библиотека дерёт просто астрономические штрафы.

— Библиотека сгорела ещё на прошлой неделе.

Вот блин.

— Господи, Эш, если тебя схватят после наступления комендантского часа...

— Да знаю я.

— Тебе следует быть ещё осторожнее. Ищейки снуют по всему городу, особенно теперь, когда Эмиссар вернулась.

Ему не нужно напоминать мне об этом. После того, как Эмиссар эвакуировали в прошлом году, в городе, чтобы его контролировать, были оставлены только основные силы полиции (охрана Стражей). Теперь она вернулась, чтобы начать переговоры с Легионом о расширении своих владений, а город кишит Ищейками — специально обученными людьми, чтобы охотиться только за одним: за Дарклингами.

Я бросаю счета на стол.

— Я добываю для нас деньги. Кто-то же должен всё это оплачивать!

Папа щурит свои голубые глаза и смотрит на меня:

— Чем ты занимался?

Я потираю тыльную сторону шеи.

— Я же говорил тебе, больше не связываться с Дурманом! — кричит отец. — Что, если

они схватят тебя? Честно говоря, порой мне кажется, тебе хочется, чтобы тебя убили.

Мой рот кривится.

— Хочешь умереть? — папа упорствует и говорит напыщенно.

— Я уже мёртв.

— Только то, что твоё сердце не бьётся, не означает, что ты мёртв.

— Ты не понимаешь, — быстро отвечаю я. — Ты себе представить не можешь, каково это — быть уродом. Куда тебе? Ты же человек; ты совершенно не такой, как я.

У отца есть бьющееся сердце, а у матери даже целых два. Однако ж, мне по какой-то причине не досталось ничего, кроме холодного камня в груди. Не имеет значения, сколько раз он пытается объяснить мне — моё сердце не бьётся, потому что ему не нужно этого делать, мою кровь питают и насыщают кислородом симбиотические простейшие; просто это один из удивительных побочных эффектов смешивания человеческой и дарлингвской ДНК — это не имеет никакого значения. Я ведь всё-таки чудовище.

— Я не хочу, чтобы ты впредь выходил ночью, — говорит он.

Я раздражённо вздыхаю.

— Эш, я серьёзно. Мне не хочется, чтобы какая-нибудь Ищейка рыскала тут и задавала вопросы.

— Ладно, ладно, — бормочу я.

Папа идёт к шкафу и достаёт конверт.

— Это пришло по почте, — спокойно говорит он.

Отец протягивает мне конверт. Внутри брошюра и медный браслет. Я просматриваю содержимое листовки: *ЗАКОН О РЕГИСТРАЦИИ ДАРКЛИНГОВ ПО ПРИКАЗУ ПУРИ. РОУЗА, главы Соединённых Штатов Стражей: Граждане Дарклинги, проживающие на территории Стражей, обязаны постоянно носить идентификационные браслеты. Невыполнение карается смертью.*

Я рассматриваю браслет. На нем выгравирован текст: *Эш Фишер #000121 Собственность Гарольда Фишера, Церковь Плюща, район Высотка.*

Я глубоко вздыхаю.

— Они же это не серьёзно. Я ведь не пёс какой! Я не могу быть ни чьей собственностью.

— Прости, сынок, — говорит отец, не в силах посмотреть мне в глаза. — Только пообещай мне, что оденешь его. Не хочу, чтобы ты попал в какие-нибудь неприятности.

Я сглатываю, пряча подальше свою обиду, и надеваю браслет, не желая давать отцу ещё причин для беспокойства из-за меня. Я прикрываю браслет рукавом, но всё равно знаю, что он там. Это унижительно. С разницей всего каких-то несколько минут я перестал быть чьим-то сыном и стал домашним питомцем.

— По крайней мере, так Ищейка не примет тебя за одичалого Дарклинга, — говорит отец напряжённым голосом.

— Ага. Слушай, да фигня это всё; это всего-навсего браслет, — упоённо лгу я, только до конца всё никак не разберу, ему или себе.

Я бросаю взгляд на дверь, ведущую в склеп.

— Она ела? — интересуюсь.

Отец качает головой.

— Я ждал тебя.

Я иду к холодильнику и вытаскиваю из него пакет с синтетической кровью, первая

положительная — Кровь Синт-1. Стражи создали её в очень короткие сроки, сразу же после войны, лет восемь назад, чтобы накормить Дарклингов, которые были насильно переселены в огромное гетто за новой возведённой Пограничной стеной. Тем, кто поудачливее, удалось благодаря подкупу и торгам выбить себе место в гетто — в Легионе, понимая, что это их лучшая возможность выжить. Остальных отправили в «миграционные лагеря» в Бесплодных землях. Теперь единственные Дарклинги, которых можно встретить, находятся по эту сторону стены: несколько горничных, обученных вести хозяйство, кое-какие нарушители границ, скрывающиеся в благополучных домах организаций — «Люди за Единство», одичалые Разъярённые, да я. Последний оставшийся полукровка в Блэк Сити.

Папа идёт к раскладушке и отпирает висячий замок на двери. Мы молча спускаемся вниз по каменным ступенькам. В склепе стоит вонь смерти и разложений. В центре комнаты стоит потрёпанное кресло с брошенной на подлокотник книгой. Я заставляю себя смотреть на создание, которое сидит, сторбившись, в углу комнаты.

Она шевелится.

Мои руки сильнее сжимают мешок с кровью.

— Я тут... — я откашливаюсь, прочищая горло, которое пересохло. — Я принёс тебе кое-что на ужин.

Тварь рычит и дёргает цепи, которыми прикована к стене. Я ставлю пакетик с кровью на пол и пинаю его к ней. Она хватает его, рвёт, слизывает кровь с пакета своим чёрным языком и жадно пьёт, разбрызгивая кровь по своему практически сгнившему лицу, обнажая длинные изогнутые клыки.

Я сажусь в кресло, наблюдаю с безопасного расстояния. Вирус Разъярённых не передаётся воздушным путём, но я по-прежнему подвергаюсь риску, если она укусит меня. В уголки моих глаз набегают слезы, и я сердито смахиваю их. Отец прав. Мы должны быть осторожнее с Ищейками, которые наводнили город. Я смотрю на существо.

Они не должны знать о маме.

Глава 4

Натали

Я спешу по сверкающим белым ступенькам в региональную Сторожевую штаб-квартиру, мой новый дом. Одно крыло из белого мрамора всё ещё находится на реконструкции после артналёта, но другое относительно невредимо. Не так как во всем остальном городе. Как оказалось, построить Блэк Сити из дешёвого шлакоблочного кирпича было не самым мудрым решением наших предков. Если он начинал гореть, огонь было невозможно потушить. Конечно, для начала реакции требуется высокая температура, но откуда им было знать, что наш «великий предводитель» ПурианРоуз будет использовать для бомбёжек зажигательные снаряды?

Я скучаю по Сторожевой штаб-квартире в Центруме, в штате, где находится столица государства Доминион. Там мы провели последний год после того, как нас эвакуировали из Блэк Сити. Та была намного лучше, чем эта; проще, не такая роскошная. Мне никогда не нравилась штаб-квартира Блэк Сити, так же как и отцу,— он не думал, что здесь можно растить детей в безопасности. Именно поэтому он настоял на том, чтобы мы жили в загородном поместье, где я и выросла. Он не мог так ошибаться. Но теперь я снова здесь, в Блэк Сити, — в месте, которое никогда больше не желала бы увидеть снова.

Я прохожу мимо нескольких часовых у входной двери, они приветствуют меня. Я провожу своим удостоверением личности через сканнер и вхожу в стерильный коридор. Под мышкой у меня куртка полукровки-Дарклинга. Её отдала мне одурманенная девушка, ссылаясь на то, что ей она не нужна. Только из простой куртки в руках по моей спине пробегала дрожь.

Я должна быть благодарна, что ничего серьёзного сегодня вечером не случилось; было безрассудно бродить по городским улицам в одиночку после наступления темноты, но я просто хотела принести своей сестре Полли какой-нибудь сувенир из моего старого дома.

Я никогда не пошла бы в особняк после встречи с этим полукровкой. Я до сих пор не понимаю, почему он отпустил меня. Может, ему не терпелось убраться оттуда и оставить меня саму разбираться с той девчонкой под кайфом? Меня опять передёрнуло. *«Расскажешь кому обо мне, и ты труп...»*.

Я и не собираюсь никому говорить. В этом нет никакого смысла — мы больше никогда не увидимся. Кроме того, я не хочу, чтобы у моей матери появился повод усилить мою охрану. Моего телохранителя, Себастьяна, вполне достаточно, спасибо большое. В конце концов, я могу обвести Себастьяна вокруг своего маленького пальчика и иногда получить немного свободы.

Я направилась прямо к лестнице, намереваясь найти Полли, когда светловолосая секретарша замахала рукой и посмотрела на меня.

— Эмиссар Бьюкенан ждёт тебя. Она внизу, в лаборатории.

— Но мне нельзя в лабораторию...?

Она пожимает плечами.

— Эмиссар Бьюкенан дала ясно понять, что желает встретиться с тобой там, внизу.

У меня не было возможности избавиться от куртки Дарклинга, поэтому мне пришлось взять её с собой, когда я вошла в стеклянный лифт, растерянная от того, что меня попросили спуститься в лабораторию. Почему мама позволила мне это именно сейчас?

Двери лифта начинают закрываться, но между ними вклинивается рука, заставляя их открыться вновь. Свирепые зелёные глаза с яростью смотрят на меня.

— Я повсюду тебя искал, — бросает Себастьян, заходя следом за мной в лифт.

— Тебе не обязательно бегать за мной.

Себастьян стискивает зубы и бьёт по кнопке подвального этажа. Лифт медленно опускается, пока мы стоим в тишине, пытаюсь игнорировать возникшее между нами напряжение. В отражении стекла мне видно его лицо: широкие глаза, обрамлённые густыми бровями; загорелая кожа оттенена однодневной щетиной; маленькая родинка на нижней губе, которую я целовала тысячи раз.

Но никогда больше не буду.

Мои мысли возвращаются к парню под мостом, и на сердце появляется какое-то тянущее ощущение. Странно все это.

— Ну и? — говорит Себастьян.

— Что?

— Ты не хочешь извиниться за то, что заставила меня беспокоиться? — говорит он.

— Ты не хочешь извиниться за то, что охотился на меня, как на какого-то Дарклинга?

— Не драматизируй.

— Всё, чего я хотела, — несколько минут одиночества, ты же не можешь дать мне даже этого. Ты всегда ходишь за мной.

— Это моя работа, — нетерпеливо говорит он. — Твоя мать попросила меня охранять тебя.

— Мне не нужна нянька. И к твоему сведению, единственной причиной, по которой она дала тебе эту работу, была моя просьба. Глупая просьба.

«В то время, когда я ещё любила тебя».

Двери лифта со свистом открылись. Я протискиваюсь мимо Себастьяна и выхожу на металлическую платформу с видом на лабораторию.

Себастьян хватает меня за запястье.

— Ладно, хорошо, я признаю это. Я следил за тобой и что? Я беспокоюсь о тебе. Почему ты не можешь принять этот факт?

— Почему ты не можешь принять тот факт, что между нами всё кончено? Кончено уже несколько месяцев назад.

— Потому что не могу. Я люблю тебя.

Я выдернула руку.

— Ты не любишь меня. Ты просто хочешь встречаться со мной, потому что думаешь, это поможет твоему продвижению по карьерной лестнице.

Его глаза потемнели.

— Не делай вид, что тебе это претит. Мы бы оба выиграли от этой договорённости. Я куплю тебе всё, что захочешь; я дам тебе ту жизнь, к какой ты привыкла. Я постепенно иду к своей цели, Натали. Когда-нибудь я займу место Пуриана Роуза и хочу, чтобы ты была со мной, когда это случится.

— Как заманчиво звучит от тебя слово «договорённость», — с сарказмом говорю я. — Я никогда снова не стану твоей девушкой. А тем более, уж после того...

Мамин голос звучит из лаборатории внизу.

— Когда будет готов новый штамм, Крейвен? — спрашивает она.

— Несколько недель. Я думаю, мы выделили ген, который вызывает подобную

проблему, — отвечает Крейвен.

— Лучше бы у тебя получилось. Я больше не могу допустить провалы, — говорит мама.

— Натали вернулась, — кричит им Себастьян.

— Спускайся, пришло время, чтобы ты это увидела, — говорит она.

Мы направляемся вниз, в лабораторию, в место из бетона и стали, вызывающее клаустрофобию. И я в восторге от того, что могу, наконец-то, увидеть, что там находится. Справа от нас находится четыре двери, ведущие в клетки.

— Что там? — спрашиваю я Себастьяна.

— Образцы, конечно же.

Образцы? Я задыхаюсь, когда заглядываю в камеру через окошки.

Дарклинги.

Десятки и десятки их, засунутых в крошечные клетки, словно скот. Я была столь ошеломлена этим зрелищем, что не могла пошевелиться. Настолько же, насколько меня пугали Дарклинги, видеть их в тесноте всех вместе было также ужасающе.

В первой клетке была целая стая Дарклингов Шу'Цин — существа с пурпурными глазами и когтистыми ступнями, встречающиеся в Медеплавильном штате. Они были прикованы к стене тяжёлыми серебряными цепями. Волосы у них были полностью сбриты, так что было трудно отличить особь мужского пола от женского. Они смотрят на меня стеклянными пустыми глазами, словно они уже мертвы.

Себастьян тянет меня за руку, пытаюсь увести, но я должна увидеть то, что было годами от меня укрыто. Во второй клетке находится небольшая семья Дарклингов Нордин, свисающие с потолка вниз головой, их шелковистые крылья обёрнуты вокруг тел. Это самый редкий вид из ныне обитающих Дарклингов в вулканических регионах в штате Горного Волка. Они известны огненного цвета глазами и белоснежными волосами. Это единственная порода Дарклингов, у которых есть крылья, и которых я боюсь больше всего. Разъярённый, который убил моего отца, был из рода Дарклингов Нордин.

Себастьян захлопывает окошко клетки, насмехаясь над Дарклингами.

— Мы целые семьи находили, прячущимися в домах по всему городу, — говорит он. — Понятия не имею, что творится в их крошечном умишке. Они знают, что это противозаконно — перелазить через Пограничную стену — и всё равно продолжают это делать.

Мой отец, должно быть, в гробу переворачивается. Он хотел помочь Дарклингам после того, как стал свидетелем того ужаса переселения их в Пустынные Земли. Он потратил последние месяцы своей жизни на тайную работу для них, и что получил взамен? Разъярённые убили его.

Мы продолжали идти. Мне было не видно, что находится внутри третьей клетки с серебристой меткой над дверью, потому что окошечко было закрыто. В итоге я заглянула в последнюю клетку. Сгорбившись, спиной ко мне на полу сидел мальчик-подросток. Я не видела его лица, но тёмные волосы и бледная кожа показались очень знакомыми. Это же полукровка! Они нашли его!

Почувствовав меня, мальчик поворачивает голову. Это вообще не полукровка, это Дарклинг Элока — наиболее распространённый вид в штатах по всей стране. Его лицо наполовину сгнило от вируса, превращающего его в Разъярённого. На меня накатывает отвращение.

Мама и доктор Крейвен, отец Себастьяна, стоят рядом с каталкой в центре комнаты, которая похожа на окровавленную хирургическую клинику. Дарклинг лежит на носилках; по

крайней мере, мне так кажется. Трудно сказать, когда они разрушаются до состояния Разъярённых, когда их поражает чума, убивающая Дарклингов. Всё, что остаётся,— это кости и зубы, скрытые под желеобразной мембраной.

Моя грудь сжимается, и я делаю глубокий вдох, пугаясь возможного приступа паники, если я в скором времени не выберусь отсюда. Я чувствую себя рыбкой в ёмкости с акулами, окружённая всеми этими монстрами. Если бы я знала, что лаборатории заполнены Тёмными, я никогда не пришла бы сюда.

— Не знаешь, который сейчас час? — спрашивает мама.

Я невинно смотрю вниз на старинные наручные часы, принадлежавшие моему отцу. Бронзовый корпус потемнел, цифры выцвели, но необычный цвета слоновой кости циферблат всё ещё отливает красивым золотистым цветом, словно покрытый блестящей лакировкой.

— И? — дожимает мама.

— Мне жаль, — мямлю я.

— Тебе жаль? Половина всей стражи искала тебя. Ты вообще знаешь, насколько опасно там? Комендантский час у нас не просто так. Что, если бы на тебя напал Дарклинг?

На ум тут же приходят слова мальчишки-полукровки. Я прикусываю губу.

— Я думала, ты уже выросла из того возраста, когда убегают по ночам. Мне интересно, думаешь ли ты вообще когда-нибудь, Натали, — говорит она.

А почему бы просто об этом не спросить? Но она никогда не спрашивает. Мама любит думать за меня. В таком случае я могу выглядеть хорошей и послушной дочерью. Может быть, если бы она оставила меня в покое, хоть раз, у меня не возникало бы желания убежать. Колеса по ночным улицам, я чувствую себя свободной.

— Я лишаю тебя карманных расходов на месяц, — говорит мама.

— Но...

— Это окончательное решение. И больше никаких ночных прогулок, тебе ясно, юная леди?

— Да, мама.

Дарклинг на каталке издаёт жалобный стон и смотрит своими жёлтыми глазами на меня. Они зловеще пусты, я понимаю, чего им не хватает: надежды. Взмолвленная, я отвернулась, не имея ни малейшего желания испытывать к нему жалость, которую невольно чувствовала часть меня.

Крейвен приспускает хирургическую маску и одаривает меня улыбкой во все зубы. Он такой же высокий, как Себастьян, и у них обоих зелёные глаза. Единственное различие — волосы. У него они тонкие, цвета меди, тогда как у Себастьяна они русые и вьющиеся. Крейвен — глава Анти-Дарклингового Научного и Технологического Департамента, в котором они создают оружие защиты от Дарков.

— Ты сильно подросла с тех пор, как я видел тебя последний раз, — говорит он.

— Год прошёл. Сейчас мне шестнадцать.

— Надеюсь, мой сын хорошо о тебе заботился там, в Центруме? — спрашивает он.

— Конечно, я хорошо заботился о ней, — отвечает Себастьян.

Путаный комок эмоций скручивает мой живот. По крайней мере, Себастьяну не за что стыдиться. Он остался жить со мной, мамой и Полли, когда нас эвакуировали в Центр, а Крейвену было приказано остаться в Блэк Сити продолжать свою работу. Себастьян был приписан ко мне в качестве персонального телохранителя, и это был отличный план до тех

пор... до тех пор, пока не произошло одно событие. Ненавижу думать об этом.

— Что ты делаешь с тем Дарклингом? — спрашиваю я Крейвена.

— Тестирую новый спрей от превращения в Разъярённых, — радостно говорит он, показывая на аэрозоль, стоящий на верстаке.

На баллончике были написаны слова «*Уходи, спрей от Разъярённых внутри!*» угловатыми красными буквами. Ещё один аэрозоль? Они, похоже, каждый месяц выпускают новый. Я боюсь, что это рынок, у которого огромный спрос, — все боятся нападения Разъярённых. Это ужасный способ умереть.

— Это всего лишь прототип, но он очень эффективен. Смотри, — Крейвен поднимает аэрозоль и распыляет вонючий газ на Дарклинга, лежащего на каталке. Существо немедленно начинает корчиться от боли.

Себастьян закрывает нос от отвратительного запаха, в то время как я прикрываю рот, чтобы скрыть свой ужас. Это не наука — это пытки.

— Превосходная работа, Крейвен, — говорит мама.

Я увидела достаточно.

— Можно мне уйти, пожалуйста? — спрашиваю я маму.

— Не стоит быть такой чувствительной. Это просто животное, — бросает мама. — Тебе следует быть жёстче, если хочешь здесь работать.

— Что ты имеешь виду? — спрашиваю я, сбита с толку.

— Ты была принята в Ускоренную Научную программу, — говорит Крейвен. — После того, как закончишь этот школьный год, ты станешь моим интерном. Мне кажется, тебе захочется увидеть, где ты будешь работать ближайшие пять лет. Обещаю, что не буду относиться к тебе, как к рабыне.

— Поздравляю, — говорит Себастьян.

Мои плечи опускаются, я думаю, что это, должно быть, шутка.

— Я подала запрос на Политическую программу.

— Я подумала, что карьера политика не для тебя, — говорит мама.

— Ты поменяла мой запрос, даже не посоветовавшись со мной?

— Я знаю, что будет для тебя лучше. Не все из нас рождены для политики, Натали, — говорит мама.

— Но...

— Не будь неблагодарной. Не очень многие получают возможность поступить в Ускоренную программу, и Крейвен дёрнул за нужные ниточки, чтобы ты попала в Научную программу.

Почему бы маме не «подёргать за нужные ниточки», чтобы я попала в Политическую программу, как я хотела? И карьерный, и денежный вопрос там куда перспективнее; не говоря уже о том, что все мои друзья из Центрума записались именно в неё. Я не хочу быть единственной, кто этого не сделал. Это так неприятно, особенно с тех пор, как моя мать стала Эмиссаром.

— Не унывай, душечка. Работать со мной не так уж и плохо, — говорит Крейвен.

Что-то в этом я сомневаюсь. Никаким образом не хочу принимать участия в его «научных экспериментах». Это, видимо, очень явно отразилось на моём лице, потому что у мамы вырвался усталый, раздражённый вздох — звук, который очень мне знаком. Вся моя жизнь — сплошное её разочарование. Я устала от этого.

Значит, моя мать хочет закалить меня? Отлично! Моё лицо каменеет и лишается всяких

эмоций, насколько это возможно. Я решаю вести себя так, словно всё происходящее вокруг меня, меня же и не касается. При этом все, чего я хочу, это сбежать.

Крейвен возвращается к Дарклингу на каталке. Существо снова поворачивает голову в моем направлении, мои глаза прикованы к его груди, в которой под прозрачной кожей пульсирует два сердца. Одно сердце значительно меньше другого, но бьётся чаще.

Крейвен замечает мой взгляд.

— То, которое больше, основное. А это просто дублирующее, — говорит он, показывая на меньшее. — Как правило, они не бьются, но иногда нам попадаются случаи, как сейчас, когда они запущены, хотя мы не уверены, как и почему. Это увлекательно, почти также увлекательно, как физиология полукровок. Чего бы я только не отдал, чтобы добраться до одного из них. Живое существо без сердцебиения...

Себастьян громко зевает. Он ненавидит разговоры о науке.

Крейвен бормочет себе что-то под нос, взяв в руки шприц и воткнув иглу в руку Дарклингу. Липкая кровь заполняет ёмкость, Дарклинг издаёт дикий вопль, разбрызгивая повсюду слюну. Некоторые капли попадают мне на лицо.

— Я ведь не превращусь сейчас в Разъярённого? — паникую я, думая о заражённой слизи, покрывающей моё лицо.

— Нет, душечка, — смеётся Крейвен. — Настолько глубоко вирус поражает только Дарклингов, полукровок и некоторых отдельных собак. Но и им нужно быть укушенными или выпить заражённой крови.

Мне не нравится, каким тоном он произносит «настолько глубоко», — словно есть вероятность, что вирус распространится и на людей.

Он ставит образец с кровью на шкаф рядом с острыми деревянными кольями.

— Готова к своему завтрашнему важному дню? — говорит он.

Не могу поверить, что он хочет поговорить о моей школе здесь, в этом месте. Тогда я напоминаю себе, что должна вести себя так, словно меня это не задевает.

— Почему я должна туда идти? Почему я не могу быть на домашнем обучении? — говорю я.

— Потому что Пуриан Роуз требует от тебя ходить в школу, — говорит мама, и холодок пробегает по моей коже от упоминания его имени.

— Почему? — спрашиваю я.

Мама и Себастьян обмениваются понимающим взглядом.

— Потому что Пуриан Роуз так говорит. Это его приказ, так что ты будешь делать то, что тебе сказано, — говорит мама.

— У меня не будет ничего общего с другими ребятами. Они все Бутцы. Они возненавидят меня, — говорю я.

Между рабочим классом, называемым Бутцами из-за ужасных кожаных ботинок, и людьми из Центрума, правящим классом, всегда существовала напряжённость. Только те, кто из Центрума, могли работать в администрации, именно поэтому его называют Правительством Центрума; это просто способ напомнить Бутцам их место.

— Так нечестно. Мне нравится моя Сторожевая школа вместе с моими друзьями-Стражами, — продолжаю я.

— Просто делай так, как тебе велено, Натали, — шипит мама. — Я не хочу, чтобы ты разозлила ПурианаРоуза; тебе ведь известно, какой он. Хочешь снова подвергнуть риску свою сестру?

— Нет, — шепчу я, к горлу подкатывает ком страха.

Себастьян бросает на меня сочувствующий взгляд. Ему хорошо известно, что случилось с Полли. Я доверилась ему, когда мы встречались, да и мама рассказала Крейвену, поскольку он единственный близкий ей человек в Блэк Сити.

— Хотите, я останусь с Натали и удостоверюсь, что она доберётся куда надо? — спрашивает Себастьян.

— Нет! Мама, пожалуйста. Мне не нужен телохранитель, когда я в школе. Там безопасно, — говорю я.

С тех пор как Полли была ранена, мама решила, что мне необходим телохранитель, следящий за каждым моим движением. Это просто душит меня.

— Он может отвозить меня туда по утрам и забирать в обед, — предлагаю я быстро. — Пожалуйста. Я не хочу быть единственной, у кого есть телохранитель. Это сделает меня объектом для придилок куда больше, чем любая другая причина.

Мама обдумывает это. Она смотрит на Себастьяна.

— Убедись, что приводишь её туда и обратно каждый день, без заигрываний.

— Да, Эмиссар.

— Я позвоню директору и договорюсь, чтобы какая-нибудь девочка составила ей компанию, — отвечает мама.

— Мне не нужен друг напрокат, — говорю я.

Мама смотрит на меня испепеляющим взглядом.

Существо на каталке рядом со мной шевелится, и я заставляю себя не обращать на него внимания.

Мама замечает, что у меня в руке всё ещё находится куртка Дарклинга.

— Где ты это взяла?

— Поменялась, — говорю я быстро. — Думала, что буду носить её в школу, чтобы не отличаться от остальных детей. — Отличная идея на самом деле!

— Моя дочь не станет носить одежду Бутцов.

— Мне будет трудно вписаться в коллектив. Я должна выглядеть как они, — говорю я.

Она открывает рот, чтобы затеять спор.

— Да, пока не забыл! — говорит с преувеличенной жизнерадостностью Крейвен, когда проходит по лаборатории, достаёт из ящика стола баночку с таблетками и отдаёт мне. — Здесь достаточно лекарств, чтобы тебе хватило на месяц. Да, твой пропуск действителен для лаборатории; не стесняйся, приходи, когда захочешь, и я покажу тебе всё оборудование. Добро пожаловать в команду.

Я взяла бутылочку с лекарством для сердца в руку. Я не должна настолько зависеть от белых маленьких таблеточек. Ещё одна вещь, которая управляет моей жизнью.

На каталке Дарклинг внезапно вопит от боли, заставляя остальных Тёмных в клетках выть с ним в унисон. Крейвен берет с верстака деревянный кол и два раза погружает его в грудь существа, пронзая оба сердца. Он бьётся в агонии несколько секунд, разбрызгивая кровь и слюни, после чего безжизненно падает на каталку.

— Неужели было необходимо убивать его, когда я стою так близко? — восклицает Себастьян, стирая со своей красной куртки слизь от Дарклинга.

— Я проявил гуманизм. Ему было больно, — отвечает Крейвен. — Акация убивает мгновенно. Лучше так, чем умирать Разъярённым.

Он смотрит на маму, которая отвечает ему ледяным взглядом.

Крейвен открывает металлический ящик, достаёт бледно-зелёную хирургическую простынь и накрывает мёртвое тело Дарклинга. Кровь пропитывает материал, напоминая мне кровь отца, проступающую сквозь одежду...

Мне обязательно нужно уйти отсюда прямо сейчас.

Я бросаюсь наверх в комнату Полли. Это единственный человек, с которым мне хочется проводить дни. Она сидит в простом деревянном кресле напротив окна, глядя на опущенные шторы, руки сложены на коленях. Она не узнает меня, но я и не жду, что она узнает — она почти не разговаривает с той ночи, когда погиб отец. Доктора говорят, что это пост-травматический стресс. Иногда её поведение становится нормальным, и кажется, что моя старшая сестра вернулась, но большую часть времени она находится в ловушке своего собственного разума. Порой она целыми днями ни с кем не разговаривает. Иногда молчит неделями.

Наша домработница Марта уже распаковала её одежду и вещи. Не то чтобы моей сестре было нужно много одежды, поскольку большую часть времени она проводила в халате и тапочках. По всей комнате были развешаны фотографии Полли: балетные фотографии её сольных концертов и школьных постановок; кадры, сделанные папарацци в дни её яркой прошлой жизни; чёрно-белые портреты известного художника Кендра, которому мама заплатила деньги, стиснув зубы. Она такая изящная и красивая на всех фотографиях. У неё всегда была мечта стать сногшибательной актрисой в Центруме, а теперь этого никогда не случится. Я не знаю, как она может находиться среди всех этих фотографий, напоминающих ей о том, что она потеряла.

На некоторых из них есть и Себастьян. Они были однокурсниками, он был без ума от неё так же, как я была одержима им. Когда она отвергла его, он выбрал вторую из лучших: меня. В то время это не имело для меня значение, было важно, что такой привлекательный парень, который был старше меня, пожелал со мной встречаться. Знаю, что я с Полли и рядом не стояла. Она высокая, с шелковистыми прямыми волосами и роскошными серебристо-серыми глазами. Я же невысокого роста, у меня голубые глаза и необузданные вьющиеся светлые волосы. Как у отца. Сложно найти в нас общие черты и сказать, что мы родственники.

Я положила мундир полукровки у ног Полли и раздвинула шторы. Звёздный свет окрасил её лицо, открывая рваные, как лоскутное одеяло, шрамы на коже. Одна сторона лица была неузнаваема, изрезанная плоть искривила некогда прекрасные черты. Но вот что странно: я не замечаю её шрамов; она всё равно выглядит для меня как моя старшая сестра.

Серебристые глаза Полли устремляются к зелёному мундиру на полу.

— Я нашла его. Ну, вообще-то я не находила его, — я рассказываю ей о встрече с полукровкой под мостом. — Это безумие какое-то, он мог меня убить. Если мама узнает или Пуриан Роуз...

Она смотрит на меня сверху вниз.

— Я ничего такого глупого больше не сделаю, обещаю. Я не стану рисковать тобой.

Она хватая меня за запястье и тянет к себе, этот внезапный порыв меня удивляет. У неё очень напряжённое выражение лица.

— Не бойся делать то, что считаешь правильным. Пусть смерть отца не будет бессмысленной.

Она отпускает меня, и её глаза затуманиваются, теряются в мире её фантазий. Иногда я завидую ей; должно быть, хорошо жить в другой реальности. Я целую её в лоб, подбираю

китель и направляюсь в свою спальню, её слова звучат у меня в голове. «*Не бойся делать то, что считаешь правильным*». Как она может так думать после всего того, что произошло с ней и отцом? Она всегда была смелее, чем я.

Я вхожу в свою комнату и отталкиваю ногой нераспечатанные картонные коробки, стоящие в беспорядке на белом плюшевом ковре. Балконные окна открыты весь день и здесь по-зимнему холодно, но я так люблю. Я бросаю тёмно-зелёный мундир рядом со своей подушкой и швыряю таблетки в потрёпанный рюкзачок.

Марта убирает в гардероб мою новую чёрно-красную школьную форму. Она единственная из Дарклингов, кого я могу выносить рядом все эти дни. Но это потому, что я знаю её всю свою жизнь. Кроме того в ней нет угрозы. Всех одомашненных Дарклингов стерилизуют, когда они начинают работать в семьях Стражей.

Я вздыхаю, переворачиваясь на своей кровати королевских размеров.

— Хочешь, я разберу эти коробки? — спрашивает Марта.

— Нет, я не буду их распаковывать. Я не останусь. Как только переговоры о границах закончатся, я тут же вернусь в Центрум.

Она улыбается мне грустной улыбкой. Мы обе знаем, что в Центрум никогда не вернёмся.

— А, чуть не забыла. У меня для тебя есть подарок, — я роюсь в одной из коробок пока не нахожу маленькую квадратную коробочку, завернутую в причудливую бумагу и отдаю Марте. Она аккуратно разворачивает и открывает коробочку, доставая оттуда браслет, сделанный из кручёных нитей белого и жёлтого золота.

— Там есть гравировка, — говорю я.

Марта читает надпись: *Марта Жао #00118. Собственность Натали Бьюкенен, Блэ Сити, Штаб-квартира, район Узел.*

— Это твой новый идентификационный браслет. Нравится? — спрашиваю я.

Марта слегка кивает, ничего не говоря. Она должна быть удивлена; это очень дорогой подарок. Она надевает его.

Слышится шипящий звук, и в балконном окне появляется мой котик Трюфелёк, он запрыгивает через перила и коврик в комнату. Его золотые глаза внимательно смотрят на Марту. Несмотря на то, что он выглядит как пёстрый меховой шар, он в десять раз по размерам больше, чем обычная кошка. Он опять шипит на мою горничную.

— Пожалуй, я пойду. Прежде, чем эта кошка нападёт на меня, — говорит Марта.

Она уходит, и Трюфелёк прыгает ко мне на кровать, взбираясь на мои колени. Я чешу ему спинку и бархатные розовые ушки.

— Ну, и где же ты был, а? — Трюфелёк мурлычет и тычется носом в мою руку.

Он спрыгивает с моих колен и обнюхивает зелёный мундир, лежащий на моей подушке, а потом вопросительно мяукает. Я с любопытством роюсь в карманах — хочу посмотреть, что внутри. Всё, что я нахожу, — это горсть мелочи, пачку сигарет и старую игральную карту. На рубашке переплетались спирали и волны, словно живые, они создавали новый рисунок с каждой секундой. Я переворачиваю карту и под своими пальцами вижу два сердца: красное и чёрное.

Я сбрасываю мундир на пол, откидываюсь на спину, глядя в потолок. В детстве мы с Полли играли в одну из разновидностей Шпиона, когда мы искали изображение на фигурной штукатурке. Я находила льва, кролика с тремя ушами, феникса, лицо парня-Дарклинга... Мои веки тяжелеют. Я быстро погружаюсь в глубокий, беспокойный сон,

который наполнен кошмарными видениями.

* * *

Я стою в тёмной и пустой пещере. Пространство огромное, здесь страшно, и я понимаю, что что-то не так. Стены какие-то странные. Я протягиваю руку и касаюсь гладкого камня, ожидая, что он окажется холодным и твёрдым, но он неожиданно тёплый и скользкий. Я отдёргиваю руку. Мои пальцы липкие от крови.

Где-то в темноте что-то шевелится. Я не одна.

Во мне растёт страх. Я помню, что украла что-то, что-то ценное, но не могу вспомнить, что именно. Всё, что мне известно, — они хотят это вернуть. Я должна выбраться отсюда прежде, чем меня найдут. Я пытаюсь пошевелиться, но ноги прилипли к мокрой рыхлой земле. Я чувствую, как что-то приближается, оно ищет меня. Я стараюсь оставаться спокойной, но потом происходит... Пещера начинает сжиматься вокруг меня. На меня накатывает паника, когда стены становятся всё ближе и ближе, пока не сжимаются вокруг меня. Я не могу дышать, я задыхаюсь...

* * *

Я мгновенно просыпаюсь, кожа покрыта потом, сердце бешено стучит. Этот ночной кошмар снится мне с тех пор, когда я была ещё маленькой девочкой, и всёещё меня пугает. Я достаю одну из таблеток, которые дал мне Крейвен, и иду на балкон глотнуть свежего воздуха.

Отсюда здания мерцают, как угли. Вдалеке я могу различить линию Пограничной Стены. Кажется, что Центрум был в моей прошлой далёкой жизни. Ненавижу находиться здесь. Внутри ощущаю пустоту. Я совсем одна: отца больше нет, мать едва ли замечает моё существование, а сестра большую часть времени ведёт себя, как зомби.

Трюфелёк, зевая, торопится меня поприветствовать.

— Ты знаешь, вообще-то кошки — ночные создания, — говорю я.

Он мяукает в ответ и прыгает на мраморные перила.

— По крайней мере, у меня есть ты, — говорю я.

Его шерсть вздымается дыбом, и он бросается обратно в мою спальню.

Я всматриваюсь в темноту, пытаюсь разглядеть, что так его напугало, но ничего не нахожу. Безумный кот.

Однако я не могу отделаться от ощущения, что кто-то за мной наблюдает.

— Просыпайся, ты, ленивый засранец!

Я бросаю камень в жёлтую баржу, пришвартованную недалеко от того места, где прошлой ночью была встреча. Одурманенная девчонка не валяется мёртвой на земле, значит, она либо жива, либо уже как зомби колесит по городу в моём кителе. Камень отскакивает от полусгнившего борта баржи и тонет в воде. Никакого признака жизни. Отлично, ты сам напросился. Я толкаю баржу изо всех своих сил и раскачиваю её до тех пор, пока в грязном окне не появляется бледное лицо Жука. Он лениво почёсывает свои каштановые волосы, а потом показывает мне средний палец. Я смеюсь и прыгаю на баржу.

Сложно подобрать приличные слова, чтобы описать его жилище; комната Жука просто свалка. По полу разбросана вонючая одежда, окурки, потушенные о потёртый ковёр, и несколько тарелок с чем-то зелёным на них. На стене старый плакат Фронт Легиона «Освобождение», со стилизованным чёрно-белым снимком Сигура Марвика (посол Дарклингов и бывший гражданский активист за наши права), вызывающе смотрящий вдаль, типа «завтра будет лучше, чем сегодня». Внутри меня клокочет ненависть.

— Мне нравится, как ты благоустроил это место, — говорю я.

Получаю ещё один средний палец.

Мои глаза замечают маленький флакон с Дурманом, спрятанным под кроватью.

— Что, чёрт побери, у тебя делает это? — говорю я, поднимая флакон.

Он чешет свои спутанные волосы, не встречаясь со мной взглядом.

— У Линуса раздобыл? — вопрошаю я, имея в виду дилера-панка, пытающегося отбить у меня клиентуру.

Он слегка кивает.

Я выбрасываю флакончик из маленького окна, я слишком зол, чтобы что-то говорить. Я потратил месяцы, чтобы отбить Жука у Дурмана; сейчас же он идёт и делает тоже самое. Учитывая его расширенные зрачки, бьюсь об заклад, он опять употребляет.

— Выглядишь хреново, — говорю я.

Он волосатый, тощий, как глист и, не сходя со своего места, я чувствую, как от него воняет. В этом нет его вины; его тётка Роуч не особенно заботилась о воспитании ребёнка. Всё, о чём она переживала, — Люди за единство.

— Да и ты далёк от совершенства, — говорит Жук.

Он попал в точку. Я не спал всю ночь в ожидании, что Стражи рванут мою дверь и арестуют меня, но они не показались. Это значило лишь одно: моя подружка Натали никому обо мне не рассказала. Хорошо. Должно быть, моя угроза дошла до её светлой головки. Я прикуриваю сигарету и делаю глубокую затяжку. Грёбаные Стражи. Без них мир был бы куда лучше, но я не знаю, что случится завтра.

— Эш? — голос Жука возвращает меня в реальность.

Я моргаю. Он что-то спросил у меня?

— Как всё прошло прошлой ночью? — переспрашивает он.

Я метнул на него сердитый взгляд.

— А ты где был?

Он показывает на кучу свеженарисованных плакатов у стены.

— Тётка всю ночь держала меня в Единстве, чтобы я рисовал это.

Я запрокидываю голову, чтобы прочитать перевёрнутые слова: «ГОРОД ЕДИН!», «НЕ ГРАНИЦАМ!» и «СКАЖИ «НЕТ» ЗАКОНУ РОУЗА!»

Закон Роуза. Только при мысли о нем мои клыки наливаются ядом. Правительство Стражей пытается провести этот закон, чтобы постоянно держать Дарклингов и людей отдельно друг от друга. Эмиссарам всех девяти мегаштатов было поручено убедить граждан голосовать на референдуме в конце месяца за закон Роуза. Если он получает большинство голосов, то станет действующим законом. Когда у вас в каждой столице штатов есть гетто Дарклингов, как у нас в Блэк Сити, воздействие будет огромным. Дарклинги никогда не освободятся.

Безусловно, Эмиссары делают вид, будто у Дарклингов есть право голоса, будто они могут повлиять на свою судьбу, и поэтому на следующей неделе для поддержания видимости этого будут проведены переговоры по поводу передвижения стены, чтобы дать Дарклингам больше пространства. Все, у кого есть мозги, могут сообразить, что это просто пиар-ход, чтобы остановить Дарклингов от причинения неприятностей в преддверие голосования, в отчаянной надежде, что они могут расширить свои территории. Это их последний шанс, и они это знают.

Я показываю на плакаты:

— Полагаю, это предназначено для пограничных переговоров, которые пройдут на следующей неделе?

— Ага, предназначено. Эти ублюдки-Стражи не могу удерживать Дарклингов взаперти за пограничной стеной. Обратный отсчёт пошёл. Если мы скажем Роузу засунуть свой закон куда подальше, может, и в других городах народ также выступит против.

Я хмыкнул в ответ. Нереализованные возможности не для меня.

Он потягивается словно кот, и его одеяло соскальзывает ниже пояса.

— У тебя аллергия на одежду что ли? — спрашиваю я, отворачиваясь.

— Чувак, так такими нас создала мать-Природа.

Я качаю головой.

— Поторапливайся, давай, а то мы опоздаем.

Он быстро натягивает на себя свою мятую школьную форму, и мы выдвигаемся в школу. Жук ничего не говорит, когда я пересекаю Унылую улицу, трамвайные пути и поворачиваю на Окраину города, даже если нам это грозит занять дополнительных пять минут к нашему путешествию. Он понимает. Мы прогуливаемся вдоль Пограничной стены, пробираясь сквозь дым к школе. Я провожу пальцами по шершавой стене, пытаюсь представить, какая она — жизнь по другую сторону. Неожиданно во мне начинает расти пузырь надежды при мысли, что, может быть, просто может быть, стена однажды падёт, но он быстро лопаётся. Мне нужно заканчивать гоняться за мечтой. Я одинок в этом городе — почему я просто не могу принять это?

На вершине зданий цифровые экраны вокруг нас начинают мерцать, когда загораются новые объявления. На них появляется красивая женщина с голубыми глазами и блестящими красными губами.

«Граждане! Нужен ID-браслет для вашего помощника Дарклинга? Приходите к Смизерс, Смит и Сыновья, к лучшим ювелирам в городе. Не медлите, товар распродаётся быстро!»

Текст внизу экрана гласит, что Дарклинг, найденный без идентификационного

браслета, будет казнён.

— Брат, можешь в это поверить? — говорит Жук, трясая головой. — Мы и опомниться не успеем, а они заставят всех Дарклингов нацепить эту фигию. Это отвратительно.

Я подсознательно потираю медную ленту, спрятанную под рубашкой, на запястье.

— Ага... просто ужасно, — бормочу я.

Не хочу ничего говорить ему про браслет. Он просто использует это в качестве очередного аргумента за то, чтобы я присоединился к их идиотским протестам на следующей неделе.

Я чувствую, как кто-то копошится на Пограничной Стене надо мной. Страж Легиона смотрит на меня сверху вниз сияющими полными любопытства глазами. Он с головы до пят одет в чёрную одежду, его бледное лицо скрыто под чёрной тканью, чтобы защититься от солнца. Я знаю, почему он смотрит. Я почти знаменитость в мире Дарклингов благодаря своей матери.

Рядом с нами по рельсам звенят паровые трамваи, в угольное небо валит чёрный дым. Из-за дефицита бензина большинство транспортных средств в эти дни паровые или конные. Только охранка Стражей заправляет свои танки да грузовики бензином. Рабочие ютятся в трамваях, словно скот, одетые в свои простецкие серые одежды и кожаные рабочие ботцы. Они смотрят на меня своими скучающими недоверчивыми глазами.

Один из рабочих, мужчина с бритой головой и татуировкой розы за левым ухом, бросает на меня убийственный взгляд:

— Эй! Иди туда, откуда пришёл, кровосос!

Он сплёвывает в моём направлении, когда трамвай проезжает мимо. И попадает мне на ботинок.

— Дерьмо! — бормочу я, вытирая ботинок.

— Забудь. Эти чистокровки просто жалкие, — говорит Жук.

Адепты Праведности, новая религия, возглавляемая ПурианомРоузом, которая со страшной скоростью обращает в свою «веру» всю нацию. Все они бреют свои головы и делают над ушами тату розы, в качестве доказательства их любви, веры и преданности ему. Как будто этому Пуриану Роузу недостаточно того, что он правит нашей страной, теперь ему понадобилось заделаться ещё и Мессией. Пока ещё нет закона следовать этой вере, но, бьюсь об заклад, что довольно скоро и такой закон появится.

— Пойдём, мы опаздываем, — говорю я раздражённо.

Мы заворачиваем. Я слышу запах, прежде чем вижу их: три мёртвые фигуры висят безмолвно на стене, три головы поникли на груди, три тела обнажены, руки их связаны. Они похожи на три гротескных пугала, коими они на самом деле и являются: предупреждение всем Дарклингам и людям, которые попытаются перелезть на другую сторону стены. Одно из пугал — человек; на его теле нацарапаны слова «предатель расы». Два других — Дарклинги, их кожа пожелтела и начала отмирать, признаки Разъярённых, прямо как у мамы. Я зажимаю нос, когда мы проходим мимо, чтобы не чувствовать этот смрад.

— Как твоя мама? — тихо спрашивает Жук.

Он единственный, кому я рассказал, что она снова с нами.

— Не думаю, что она долго протянет, — мой голос надламывается.

Он неожиданно останавливается.

— Ты чего? — спрашиваю я.

Он указывает на плакат на стене. На нём фотография подростка в роговой оправе. Над

фотографией подпись РАЗЫСКИВАЕТСЯ: ПРЕДАТЕЛЬ.

— Это Том, — шепчет он. — Он ушёл в САМОВОЛКУ от Людей за Единство несколько недель назад. Мы думаем, он покинул город.

— Наверное, лучше бы, если бы так и было, — я задумался, что же такого он сделал, чтобы правительство записало его в особо опасные преступники.

Оставшийся путь в школу мы проходим молча, оба понимая, что Том, скорее всего, уже мёртв.

Мы замедляемся при приближении к единственной сохранившейся средней школе Блэк Сити. Что-то не так. Повсюду съёмочные группы с камерами и охрана Стражей — такое ощущение, будто мы в цирке. Но не это привлекает моё внимание. В дальнем углу площади группа рабочих сооружает три внушительных деревянных креста.

— Для чего всё это? — тихо интересуется Жук.

Я пожимаю плечами, но это не может сулить ничего хорошего.

Рядом с нами, одетая в блузку с корсетом и обтягивающие чёрные кожаные штаны из лоскутков, стоит рыжеволосая репортёрша и спорит с одним из Стражей, размахивая своим пропуском перед его лицом. Я узнаю в ней Джуно Джонс из программы Новостей Блэк Сити.

— Я имею право быть здесь. После последней проверки я всёещё имею право на свободу слова!

Охранник отталкивает её, но я успеваю поймать репортёршу, предотвращая падение. Её глаза распахиваются, когда она видит меня, но она быстро берёт себя в руки.

— Спасибо, — говорит она. — Приятно узнать, что рыцарство не совсем умерло в этом городе.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Эмиссар делает большое объявление.

— Шевелитесь, — огрызается охранник.

Прежде чем Джуно успевает мне что-то рассказать, ей приходится пойти в другую сторону. Без всякого сомнения, она собирается найти более благожелательно настроенного охранника, чтобы очаровать его.

Когда Жук отвлекается, я показываю свой ID-браслет охраннику Стражей, а затем мы присоединяемся к остальным школьникам на городской площади, стоя навтыжку в море чёрных и красных мундиров. К востоку и западу от нас — остовы сгоревшего здания. Я стою в их зубчатой тени, оставаясь вне прямых солнечных лучей, хотя моя кожа всё ещё покалывает, словно по ней ползают красные муравьи. От сожжённых зданий шелухой отваливаются хлопья пепла и сыплются на нас, словно чёрный снег.

В северной части площади осталось всего одно почерневшее от сажи здание — старая ратуша, которая была переделана в Блэк Сити в среднюю школу. Её открыли только в прошлом году после окончания войны. Жалко, что и она не сгорела. Из серой черепичной крыши торчат три готических шпиля, на самом высоком встроены потускневшие медные часы, куранты которых меланхоличным звоном бьют каждый час.

Я рискую взглянуть на Пограничную стену позади себя, которая тянется вдоль южной стороны площади, пытаюсь представить, городскую площадь без неё. И никак не могу. Эта стена стоит здесь уже столько времени; я едва ли могу вспомнить время, когда её тут не было.

В центре стены массивные железные бронированные ворота — единственный

безопасный вход и выход в гетто. Ворота охраняют десятки сторожевых Стражей, в тоже время, как и на самой стене стоит не один ряд охранников Легиона. Никто не может войти или выйти без их разрешения. Не то, что бы уж очень многие пытались. Чтобы свободно перемещаться туда-сюда, требуется пропуск высокого уровня разрешения, и только лишь у небольшого числа государственных служащих, да у охраны Стражей есть подобный пропуск. Если вы хотите оказаться по ту сторону стены, то вам придётся взобраться на неё и молиться, чтобы вас не поймали.

Я думаю о пугалах, висящих на стене, и вздрагиваю. Я мог бы оказаться на их месте, если бы девчонка-Страж, Натали, растрепала обо мне прошлой ночью... Мою грудь сводит судорогой, внезапная острая боль заставляет меня сделать глубокий вдох.

— Ты в порядке? — спрашивает Жук.

— Изжога, — говорю я, не в силах придумать другое объяснение.

— Что-то не похоже. То, что твоё сердце не пашет... — Он замолкает, когда он видит выражение моего лица. — Должно быть, это из-за дешёвой Синт-1, которую Стражи пытаются пропихнуть вместо еды. Фашисты, наверное, действовали бы так же.

— Не думаю, что изжога находится у Зла в приоритете на повестке.

— Я бы за них не поручился. Фаза №1 в их дьявольских планах на мировое господство. Когда ты в последний раз пил настоящую кровь?

— Вчера у той девчонки под Дурманом мне немного перепало, но большую часть я выплюнул. Во всяком случае, это хоть что-то, — человеческую кровь можно купить только на чёрном рынке на Чантилли-лейн, но у меня таких денег нет:

— А что? Предлагаешь свою?

Жук посмеивается.

— Только если ты сначала купишь мне обед.

Острая боль пронизывает мою ногу.

— Ё-моё, твою мать...

Я оборачиваюсь, чтобы встретиться взглядом с Грегори Томпсоном, главой Старост, который насмешливо уставился на меня с палкой в руке. Старосты — это группа учеников, у которых есть полномочия поддерживать дисциплину среди остальных. Для своих лет он невысокого роста, едва ли достигает моей груди, но недостаток роста он компенсирует избытком высокомерия. Убирает свои прямые волосы с водянистых глубоко посаженных глаз.

— Почему ты не надел свой берет, кровосос? — говорит он гнусавым голосом.

Я достаю свой смятый алый берет из кармана и надеваю его. Он сразу же падает. Головные уборы и Даклинги несовместимы. Мои волосы живые, всегда в движении, всегда в поиске свежей крови вокруг меня. Здесь же кровь повсюду, если поискать. Порезы на девичьих ногах после бритья, расцарапанные коленки и разбитые губы. Здесь все переполнено кровью.

За Грегори стоит его брат—близнец Крис, который повсюду следует за Грегори словно тень... очень высокая, до тошноты привлекательная тень. Видимо, когда дело дошло до распределения генов, Крис получил львиную долю. Грегори маленький, средненький и безликий, в то время как Крис атлетичен, прост в общении, а на лице у него всегда играет улыбка (это, наверное, потому, что он высоченный). Он — один из моих лучших клиентов. Единственное сходство между Грегори и Крисом — светло-карий цвет глаз.

Крис медленно подбирает мой берет и протягивает мне.

— Спасибо, — бормочу я.

Крис небрежно кивает и засовывает руки в карманы.

Грегори сердито сверлит меня глазами.

— В чём проблема? — спрашиваю я.

— Ты моя проблема, кровосос, — он тычет в меня палкой, и я хватаю её, притягивая его к себе.

— Отвали. Ты ещё пока не Ищейка, — я хватаюсь за палку, половина её осталась у меня в руке.

Грегори хлещет меня по лицу оставшейся половиной:

— Ты заслужил, чтобы тебя взяли под стражу после школы, помесь.

Моя щека горит в месте удара, но я не допущу, чтобы они увидели, что мне больно.

— Грег, оставь его в покое, — вздыхает Крис.

— Им не следовало позволять тебе приходить сюда, — говорит Грегори, не обращая внимания на брата.— Всё было прекрасно до того, как таким как ты позволили ходить в наши школы.

До конца войны меня должен был дома обучать отец. Вот это были деньки.

— Ну, ты, крутой,— перебивает Жук.— Эш — такой же гражданин, как ты и я, так что он обязан ходить в это идиотское заведение, как и все остальные. Таков закон.

— Ненадолго. Когда будет принят закон Роуза, первое, что они сделают, убедятся, что такие полукровки, как он, по всему городу будут загнаны в гетто со всей остальной такой же швалью, — говорит Грегори, проходя мимо.

Крис, когда проходит мимо, закатывает глаза и бормочет: «Извини».

Я прикасаюсь к оцарапанной щеке и поворачиваюсь обратно лицом к школе. Как со страниц книги к школе приближается девушка с карамельного цвета кожей. На ней надеты очки в металлической оправе и аккуратный красный берет. Тёмные длинные волосы струятся по её плечам. Она стоит рядом с четырьмя пустыми креслами и как-то смущённо держит руки перед собой.

— Чего там Дей делает? — интересуется Жук.

Я приподнимаю бровь:

— Почему тебя заботит, что она там делает?

— Да я просто сказал, — кончики его ушей становятся розовыми.

— Это потому, что ты влюблён в неё?

— Заткнись.

— Ты хочешь её поцеловать.

Жук ударяет меня по руке.

— Ой! — восклицает он, потирая ушибленный кулак.

— Сверхпрочные кости, друг мой.— смеюсь. В том, чтобы быть полукровкой, есть и свои прелести.

Мы стоим по стойке смирно, пока директор шагает к микрофону, проходя мимо Дей. Позади него на ветру развевается флаг Стражей. У флага две горизонтальные полосы: одна красная, другая чёрная, а в центре полотнища эмблема — роза — последнее дополнение к флагу, символизирующее чистоту веры — Праведности.

— Доброе утро, школа! — голос директора потрескивает над городской площадью. Он поднимает руку к нам ладонью, и мы все следуем его примеру.

Школа начинает петь.

— Я дал обет служить во имя спасения нашего великого государства, ПурианРоуз...

Я шевелю губами, но слова не произношу. Жук поёт свои слова, какую-то похабщину, а я стараюсь не смеяться. Я помню предостережение отца: веди себя как они, не высовывайся, опусти голову. Ага, легче сказать, чем сделать, когда ты выше остальных почти на голову и имеешь смертельно-опасные на вид клыки. Я никогда не впишусь.

— Вверяю свою вечную преданность Соединённым Штатам Стражей, отстаивающим могущественную Людскую Власть! Ради создания единого государства, единой расы под руководством Его Всесилия, — продолжают школьники и Грегори громче всех.— Да здравствуют Стражи!

Эхом, по городской площади разносится стук копыт, и мгновение спустя на одной из боковых дорог появляется нарядная государственная карета, запряжённая шестёркой лошадей Кремелло. Карета проезжает мимо студентов, которые вытягивают свои шеи, чтобы рассмотреть пассажиров, хотя невозможно понять, кто же прячется за занавесками. Камеры разворачиваются к карете, которая останавливается возле входа в школу. Я чувствую странное подёргивание в груди, пока жду, чтобы увидеть, кто выйдет из экипажа.

Директор лучезарно улыбается.

— Я рад сообщить, что сегодня у нас особые гости. Прошу их тепло поприветствовать.

Лакей открывает дверь экипажа, и из него выбираются пять человек. Они идут к ступеням школы.

— Поверить не могу, — ворчит Жук себе под нос.

Первым пассажиром оказывается раздражительная тётка, в которой я немедленно узнаю Эмиссара Бьюкенан, в сопровождении двух пожилых мужчин. Они одеты в длинные чёрные мантии с эмблемой красной розы на груди — повседневная форма одежды Совета Стражей. Четвёртым вышел подросток, на несколько лет старше меня, одетый багряный военный китель, чёрные брюки и ботинки — униформа Ищеек. На рукаве три черные полосы, указывающие на его высокое звание. Следующая гостья — блондинка, она стоит спиной ко мне, знакомый зелёный пиджак перекинут через её руку. Она поворачивает голову, нервно оглядывает лица толпы, и её голубые глаза встречаются с моими. Её рот открывается в идеальной букве «О», зеркально отражая моё собственное удивление.

Это не может быть она!

Глава 6

Натали

ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОН!

По моей коже ползёт ледяной холод, когда я вижу, как он уставился на меня через всю площадь. Что он здесь делает? Почему он оказался именно здесь? Он не похож на тех, кто посещает школу. Его угроза засела у меня в голове. *«Расскажешь кому-нибудь, и ты труп...»* Что-то странное, какое-то непонятное ощущение вновь сжимает моё сердце, точно так же, как в последний раз, когда я его видела.

— Ты в порядке? — шепчет мне Себастьян.

Я киваю и прилепляю на свои губы фальшивую улыбку, зная, что моё лицо сейчас транслируют по всем ТВ в Блэк Сити. Перекинув через руку мундир полукровки, стою отчаянно желая не брать его с собой, но откуда мне было знать, что он окажется здесь?

На площади у Пограничной стены. Я вздрагиваю при виде охранников-Дарклингов, патрулирующих сверху. Почему мама согласилась взять меня сюда?

Движение справа от меня. Девушка рядом со мной выдавливает из себя улыбку. Должно быть, она моя новая подруга на прокат. Я поворачиваюсь обратно к толпе и обнаруживаю, что полукровка всё ещё смотрит на меня, его бледные губы сжаты в тонкую линию.

Над толпой раздаётся металлический голос директора школы.

— Мне выпала великая честь представить вам Натали Бьюкенан, дочь Эмиссара. С сегодняшнего дня она присоединяется к нам, чтобы стать одной из студенток. Прошу вас, пусть она почувствует себя желанной гостьей.

Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мои щеки розовеют, когда все бросают на меня жгучие взгляды. Его взгляд — самый пристальный из всех. Я ненавижу людей, пялящихся на меня. Мне хочется, чтобы земля подо мной разверзлась и целиком поглотила меня.

Аплодисменты стихают, и мама движется к микрофону. На городскую площадь опускается тишина, и всё, что я пока могу слышать, — слабый статический гул от микрофона. Когда мама говорит, её слова обращены не только к сотням студентов перед нами, но и ко всем тем, кто смотрят телевизоры, сидя у себя дома.

— Все мы столкнулись с трудностями, когда боролись за то, чтобы восстановить нашу великую нацию после окончания войны почти год назад, и никто не страдал больше, чем люди этого города. Правительство Стражей понимает это лучше, чем кто-либо, и мы не позволим оставить преступления без наказания, приложив все наши усилия, чтобы облегчить для вас переход. Однако время быть снисходительными закончилось.

Я опять отыскиваю глазами в толпе полукровку, и с удивлением обнаруживаю, что он продолжает смотреть на меня, а не на мою мать. Он поворачивает голову. Мать продолжает свою речь, а я делаю вид, что мне это интересно. Мы ведь должны соблюдать приличия, для прессы, верно?

— Вы видите новое дополнение к вашей городской площади, — все устремляют глаза на три креста, нависшими над ними. — Пуриан Роуз считает, что наше сострадание к вам позволило этому городу утонуть в грехе, и пришло время очистить его от скверны. Отныне любой гражданин, уличённый в совершении тяжкого преступления против Соединённых Штатов Стражей, будет казнён.

В толпе раздаются приглушенные вздохи. Мама делает паузу, чтобы все осознали её слова.

— Это возмутительно! — выкрикивает Джуно Джонс со ступенек рядом со школой. — Что квалифицируется как «тяжкое преступление против государства»? Мы все знаем, к чему это приведёт! Мы и опомниться не успеем, ни у кого не будет прав на свободу слову. Никакой свободной печати. Мы будем не лучше Дарклингов.

Мама едва взмахивает рукой, и, как по волшебству, горстка охранников Стражей махом хватают репортёршу и увлакивают в один из боковых переулков. Её крик быстро стихает. Больше никто не высказывается; никто не смеет. Мама улыбается одними губами, глаза остаются по-прежнему серьёзными.

— Разумеется, для того чтобы очистить город от этого порока, нам потребуется ваше содействие, — говорит она. — Таким образом, я опускаю минимальный возраст, в котором можно стать Ищейкой, и приглашаю всех вас сдать соответствующие экзамены, чтобы понять, удовлетворяете ли вы требованиям, чтобы присоединиться к ним.

Студенты встречают это известие со смешанными чувствами. Один неистово ликует, но большинство не проронили ни слова.

— На следующей неделе к вам в школу придут Ищейки, чтобы проэкзаменовать вас, — продолжает она. — Тестирование является обязательным для всех детей, возраст от пятнадцати до восемнадцати лет. Все, у кого обнаружится V-ген, будут автоматически зачислены в ряды Ищек. Спасибо за внимание.

Потребовалось некоторое время, чтобы собравшиеся начали аплодировать. Так как они были слишком ошеломлены, чтобы как-то отреагировать. Армия детей! О чём Пуриан Роуз только думает? Даже во время войны, в её самые мрачные дни, детей всегда держали подальше от сражений.

— Я думала, война окончена, — шепчу я Себастьяну. — Зачем нужно ещё большее количество Ищек?

Он ничего не отвечает, но его молчание говорит о многом. Он знает, что-то происходит, и хранит от меня это в секрете.

Звенит звонок, и студенты тихо просачиваются в школу, обходя подальше три креста.

— Я встречу тебя здесь сразу после школы, — говорит Себастьян, прежде чем сопроводить мою мать обратно к экипажу.

Репортёры поспешно собирают оборудование, явно потрясённые тем, что произошло с Джуно Джонс, которую схватили и избили. По площади гуляет морозный ветерок, устилая землю тонким слоем пепла. Я вздрагиваю, натягивая на себя куртку полукровки, и ищу его в толпе, но он исчез.

Я вхожу в школу вслед за остальными учащимися, Жук шагает сбоку. Моя кровь начинает пульсировать от мысли о Натали Бьюкенан. Стражи окончательно и бесповоротно вторглись в мою жизнь — теперь они и в моей школе? Я думал, что, таким как она, запрещено смешиваться с нами, простыми людьми. Так что она здесь делает? И что она делает с моим мундиром, вороватая сука?!

Я перехватываю через коридор её взгляд, когда Дей ведёт девчонку сквозь толпу. Студенты поспешно сваливают с её дороги, позволяя ей беспрепятственно шествовать по коридору, типа она — хренова королева.

— Давай, пойдём сюда, — говорю я Жуку, двигаясь в противоположном направлении. Даже если она учится со мной в одной школе, не обязывает меня с ней пересекаться.

Мы направляемся к главной лестнице, следуя за потоком студентов, заходящих в свои классы. Проходим мимо нескольких несчастных девятиклассников, которые несут наказание от группы Старост, и только Господу ведомо за что. Старосты найдут любое оправдание, чтобы бить нас. Для них это, как спорт. Моя щека ещё не зажила от удара Грегори.

— Поверить не могу, что правительство собирается вербовать Ищеек из школьников! Никогда не присоединюсь к этим фашистам. Ни за что, чувак, — говорит Жук, пока мы поднимаемся по ступенькам. — А ты видел эти кресты?

— Их сложно было не заметить, — говорю я.

— Очевидно же, что Пуриан Роуз таким образом посылает Людскому Единству сообщение. Он знает, что мы спланируем против закона Роуза. Он не хочет, чтобы мы объединялись с Дарклингами, и таким образом запугивает нас.

Я потираю лоб. Наверное, он прав.

— Слушай, может нам не стоит идти на следующей неделе на акцию протеста. Не стоит умирать за...

— Именно ты из всех людей должен быть там с нами. Слушай, брат, только честно, есть хоть что-нибудь ради чего ты готов умереть? — вопрошает Жук.

Я не отвечаю, меня заставляют молчать злость и чувство вины. Почему я просто не могу бросить всё это? Я не собираюсь умирать за безнадёжное дело. Почему он не может принять, что стена никогда не падёт? Я смирился с этим.

Мы поднялись к нашему классу, на пятый этаж, в молчании с привкусом горечи.

Комната с затхлым запахом и рядами деревянных столов с наклонёнными столешницами, которые разрисованы десятками граффити. Над доской висит портрет Пуриана Роуза в натуральную величину. Есть что-то глубоко волнующее в его лице с неестественно серебряными глазами и гладкой кожей, которая так туго обтягивает его череп, что есть ощущение, будто она порвётся, если он улыбнётся. Наверное, и хорошо, что он этого никогда не делает.

Моя парта в самом тёмном углу класса, подальше от Грегори и, что ещё важнее, подальше от окон. Даже если они покрыты металлической сеткой, я не могу рисковать, и подвергаться воздействию солнца, когда оно становится слишком ярким. Я могу вытерпеть только тусклый утренний свет, и всё.

Крис откидывается на спинку стула, руки за головой, и болтает с двумя самыми

красивыми девочками в классе. Грегори развалился на стуле рядом, не обращая на их разговор никакого внимания.

— В субботу грандиозная вечеринка, — воркует одна из них. — Может быть, мы бы опять смогли выбраться на этих выходных?

— О чем речь, малышка. Почему бы нам не устроить двойное свидание? — отвечает Крис.

Вторая девочка смотрит на Грегори, который предлагает ей бледное подобие улыбки.

— Я занята в эти выходные, — говорит она, поворачиваясь к ним спиной.

С губ Грегори слетает улыбка. Ха!

— Слушай, мне жаль, — говорит мне Жук, когда мы проходим по классу.

— Плевать. — Это самое близкое к извинению, которое он сможет добиться от меня.

— Берегись. Покойник прётся, — говорит Грегори, когда я прохожу мимо него к своему месту.

— Грег, успокойся, — бормочет Крис.

По моей шее вверх поднимается тепло. Это не моя вина, что моё сердце не бьётся, — я об этом никогда не просил. Я усаживаюсь на свой стул. Жук стонет и кладёт голову на парту, стараясь протрезветь от своего Дурмана.

— Это комната 5Б.

Я скидываю голову на звук голоса Дей. Она стоит в дверном проёме вместе с Натали. У меня что-то шевелится в груди, внутри происходит какое-то движение, слабое, словно дуновение ветерка, едва уловимое, так что я едва улавливаю, что оно происходит.

Столько усилий, чтобы избежать встречи с ней! И всё напрасно?!

Натали заправляет белокурый локон себе за ухо и бегло осматривает класс. Она находит на мне в углу и смело выдерживает мой взгляд. Я в ответ смотрю на неё, отказываясь сдаться первым. В конце концов, она отводит глаза.

— Мы приходим сюда утром и после обеда, — объясняет Дей, ведя Натали к двум свободным сидениям передо мной и Жуком.

Жук поднимает глаза, и кончики его ушей розовеют. Однако для неё он недостаточно хорош, и я понимаю почему. Она привлекательная худышка, вся такая чопорная. Её круглые очки сползают на нос, и она раздражённо поправляет их.

— Ты можешь оставаться здесь, если идёт дождь, но в противном случае ожидается, что мы будем снаружи во время перемены, — говорит Дей Натали.

Натали колеблется, чётко осознавая, чем ей грозит сидеть возле меня.

— Не переживай, он тебя не укусит, — говорит Дей.

— До тех пор, пока хорошенько не попросишь, — я мельком обнажаю клык.

— Фишер, повзрослей уже, — отвечает Дей, когда они обе садятся.

— А ты что, не собираешься нас друг другу представить? — спрашивает Жук у Дей.

Она выпускает раздражённый вздох.

— Натали, это чудо природы — Маттиас.

— Жук. Никто не называет меня Маттиасом, — поправляет он её.

Дей поворачивается ко мне.

— А этот очаровашка — Эш.

— Симпатичная курточка, — говорю я. — У меня был жакет один в один, прежде чем одна сволочь-Страж не стырила его.

— Может быть, она не крала его? Может быть, она нашла его под мостом, после того,

как его забыл там убогий придурок? — отвечает Натали. — Конечно, она могла просто вручить эту вещь охране Стражей. Уверена, они очень были бы заинтересованы в поисках её настоящего владельца.

Я щурю глаза, глядя на неё. *«Только посмей».*

— Слушай, братан, а это не твой мундирчик? — спрашивает Жук.

Дей одаривает Натали насмешливым взглядом.

— Вы знакомы?

— Имели удовольствие пересечься вчера вечером, — отвечает она.

— Я хочу назад свою куртку, — говорю я.

— Обломись. Находка принадлежит нашедшему, — отвечает она.

Я сжимаю кулаки под столом.

Жук издаёт стон и потирает лоб. Его Дурман оборачивается головной болью, одним из неприятных побочных эффектов от наркоты. Дей смотрит на него своими тёмными глазами.

— Ты под кайфом? — шепчет она.

Жук бросает в мою сторону виноватый взгляд — всё, она не нуждается в ответе. Дей резко поворачивается в мою сторону.

— Я не поверю не единому твоему слову, Эш Фишер! Ещё нет девяти, а ты уже накачал Жука?!

— Я этого не делал! — восклицаю в ответ.

Наши столы накрывает тень, которая прерывает спор.

Грегори протягивает Натали руку.

— Грегори Томпсон, — представляется он. — Мой отец работает в департаменте Управления подвидами, сортирует поставки Кровь Синт-1 для Легиона, и тому подобное. Может, ты о нём слыхала?

Натали вежливо улыбается.

— Это имя мне ни о чем не говорит.

Я стараюсь не смеяться. Грегори сказал это так, будто его отец какая-нибудь шишка в министерстве, когда как на самом деле он бригадир на фабрике по производству Крови Синт-1.

Он разочарован.

— Ну, это честь, что ты здесь. Я с радостью бы показал тебе школу...

— Дей уже это сделала, но всё равно спасибо, — говорит она небрежно.

— Тебе не захочется иметь дело с такими, как она. Она одна из детей Высотки, — говорит он Натали. — Я могу познакомить тебя с правильными людьми.

Щеки Дей горят алым.

— Я и сама смогу разобраться насчёт «правильных людей», — отрезает Натали. — И я уже хорошо себе представляю, с кем бы мне хотелось избежать общения.

Он откидывает свои прямые волосы с глаз.

— Ну, разумеется, мои извинения. Кстати, могу я принести тебе свои искренние соболезнования по поводу смерти твоего отца в прошлом году?

— Спасибо, — бормочет она.

Я закатываю глаза, и Грегори поворачивается ко мне.

— Прояви хоть немного уважения, кровосос.

Я ковыряю пальцем угол стола, отламывая щепки от столешницы.

— С чего бы это? Всё, что означает его смерть, это то, что одним Стражем на свете

стало меньше. Это же хорошо.

Натали вздрагивает и быстро поворачивается ко мне спиной, но не раньше, чем я замечаю слезы, которые блеснули в её глазах.

— Просто не обращай на него внимания. Он придурок, — шепчет Дей Натали.

Грегори ухмыляется мне и ковыляет обратно к своему столу.

Натали вытирает глаза, а ко мне подкрадывается чувство вины. Я прикладываю все силы, чтобы отбросить эмоции в сторону. С чего это меня должно волновать, расстроена она или нет? Она же всего лишь одна из долбанных Стражей.

— Понятия не имею, как я собираюсь протянуть оставшийся год вместе с ней, — говорю я Жуку сквозь стиснутые зубы.

— Чувак, просто избегай её, — советует Жук.

— Клянусь, нам повезёт, если под конец мы не переубиваем друг друга, — говорю я.

Я говорю это в шутку, но в какой-то степени я задумываюсь, а что, если я прав?

Глава 8

Натали

Я стараюсь как можно скорее покинуть с Дей класс, желая поскорее избавиться от присутствия Эша, всё ещё переживая из-за того, что он сказал о моём отце. Ещё раз напоминая себе, почему отец был не прав, защищая Дарклинггов; они грубые и жестокие, и им плевать на чувства других, они волнуются только о своих собственных.

Эш выходит из класса и идёт вниз по коридору, источая ненависть. Психуя, я хватаю Дей за руку и тащу её в женский туалет. Эш бросает на меня взгляд, полный отвращения, как раз перед тем, как дверь за нами захлопывается.

— Ты в порядке? — спрашивает Дей.

Я киваю, но мои руки всё ещё трясутся. Как я собираюсь пережить этот год, если рядом постоянно будет околачиваться Эш, когда только при одном взгляде на него у меня стынет кровь в жилах?

— Эш со всеми такой придурок? — спрашиваю я.

— Типа того, — отвечает она. — Просто избегай его. Как я.

Я вздыхаю. Похоже на руководство к действию.

— А что на счёт того низкорослого парня?

— Грегори Томпсон?

— Ага. Он может вести себя ещё отстойнее?

Дей смеется.

— Он изголодавшийся тролль. Он считает себя особенным только потому, что возглавляет Старост. Спасибо, мои старосты меня берегут. Он, и правда, порядком достал меня.

— Почему он тебе так не нравится?

— Ой, дай-ка подумать, — говорит она, в задумчивости постукивая по губе кончиками пальцев. — Он ненавидит девчонок, особенно он ненавидит тех, кто умнее его, он ненавидит, что я живу в Высотке, он...

— Короче, в основном, из-за того, что он всё ненавидит?

— Типа того. Итак, я слышала, что весь прошлый год ты жила в Центруме, — все говорят, что там потрясающе? — спрашивает Дей.

— И даже ещё лучше. Ты не поверишь, тот город просто огромен. Центрум, наверное, раз в двадцать больше Блэк Сити, и он свободен от предрассудков. Абсолютно все, без исключения, одеваются по последней моде, и там столько всего происходит.

— А какие там здания? Они, в самом деле, высокие, как горы?

— Не совсем, но очень близко к истине.

— А улицы, правда, вымощены золотыми монетами?

Я смеюсь.

— Нет, только булыжниками, но они имеют металлический отблеск, так что да, когда солнечно, камни блестят и весь город сияет золотом.

— Звучит просто замечательно; моя мечта жить там, но я никогда не смогу себе этого позволить на обычную зарплату Бутца, — Дей привычным жестом поправляет очки. — Поэтому я подала заявление в Ускоренную Политическую программу, чтобы работать на правительство Стражей. Я очень надеюсь туда попасть.

Я ощутила небольшой укол обиды, потому что сама буду участвовать в Научной программе.

— Уверена, тебя в неё возьмут, — лгу я. По правде говоря, очень маленький процент Бутцев попадает в Ускоренную программу. Только дети бизнесменов, чьи родители сумели наскрести достаточно денег, чтобы подкупить заявочный Комитет.

— Считаешь, что безопаснее свалить отсюда? — спрашиваю я.

Она кивает, и мы направляемся к первому уроку. Я с облегчением понимаю, что нигде не вижу Эша. День проходит, как в тумане, и к концу последнего урока, моя голова идёт кругом от количества новых имён и лиц, которые мне нужно было запоминать.

Дей ведёт меня к главному входу, руки её нагружены книгами. Я была разочарована, обнаружив, что у нас всего четыре совместных урока: искусство, драматическая литература, история и современные междисциплинарные науки. По всем остальным предметам, она в продвинутых классах, а я... а я нет. Я всегда была средней студенткой, за исключением естественной науки, единственный предмет, который я знаю довольно хорошо, хотя он никогда меня не интересовал с точки зрения карьеры, тем более теперь, когда я знаю, какие «эксперименты» они проводят.

Она болтает со мной о всяких вне учебных мероприятиях, которые проводит, чтобы это помогло ей в Ускоренной программе, а я киваю, чтобы показать, что слушаю, в то время как постоянно держусь настороже, чтобы вновь не нарваться на Эша.

И вот, когда я решаю, что всё чисто, моё сердце неожиданно ёкает. Рядом по лестнице вместе с Жуком спускается Эш. Когда он меня замечает, его рот плотно сжимается в линию. Какое-то мгновение я не могу дышать, и мы просто стоим и смотрим друг на друга.

Я моргаю и отвожу взгляд.

— Давай выбираться отсюда, — говорю я Дей.

Оказавшись снаружи, я сразу замечаю у подножия лестницы Себастьяна, готового везти меня домой, обратно в мою тюрьму. Он занят тем, что пялится на группу девочек, которые проходят мимо, так что пока он меня ещё не видит. А на меня вдруг снисходит вдохновение.

— А могу я прийти к тебе в гости и позависать у тебя какое-то время? — спрашиваю я Дей.

Она неуверенно смотрит на меня.

— Я... не думаю, что...

— Мы можем извлечь из этого пользу. Я как-нибудь представлю тебя своей матери. Она может рассказать тебе, каково это — быть Эмиссаром.

Я прямо таки вижу, как напряжённо заработал её мозг, пытающийся взвесить все свои возможности.

— А тебе известно, где я живу? — спрашивает она.

Я киваю. В Высотке — трущобах, не подходящем месте для дочери Эмиссара, но я не хочу идти домой. Пока не хочу.

— Ты, в самом деле, представишь меня своей маме? — спрашивает она.

— Обещаю.

— Хорошо, — говорит она.

— Мы не можем позволить Себастьяну заметить нас, хорошо? — я убираю волосы под красный школьный берет, чтобы спрятать свои характерные кудри.

Мы делаем всё возможное, чтобы слиться с остальными учениками, когда спускаемся по лестнице. Склонив головы, мы спешим мимо Себастьяна. Он всматривается в толпу, но

не видит нас. Он, наверняка, взбесится, когда поймёт, что произошло, но я подумаю об этом позже.

* * *

Поход пешком до Высотки занимает у нас около тридцати минут, и я начинаю жалеть, что обула изящные модные туфельки, которые мне подобрала мама. Когда я останавливаюсь уже в сотый раз, чтобы дать отдых ногам, Дей громко пыхтит и начинает выходить из себя.

— Натали, эти книги не становятся меньше, — говорит она мне, кивая на тяжёлую стопку учебников в своих руках.

— Извини, — бормочу я, взяв несколько себе и испытав стыд, что не предложила помощь ей намного раньше. Как правило, за меня подобные вещи делают слуги.

Однако ж, постоянные остановки были просто счастьем каким-то. Потому что благодаря этому, мы были довольно далеко от впереди шагающего Эша, чтобы он мог нас заметить. Я не смогла не заметить, что все вокруг ходят либо группой, либо в паре, но никто не ходит поодиночке.

Высотка ещё более ветхая и обнищавшая, чем я могла себе представить. Строения скрипят и стонут под собственным весом, по мощёным улицам сбегает чёрная вода, и снуют туда-сюда угольно-чёрные крысы. Единственным островком красоты в этом месте является шаткая старая церковь, увитая ярко-зелёным плющом, — единственное, что добавляет цвет этому мрачному месту. Когда мы оказываемся рядом с ней, то замечаю слова: ПРЕДАТЕЛЬ РАСЫ, которые как попало написаны на двери, и вскоре я понимаю почему, когда Эш идёт к церкви и заходит внутрь. Дей замечает, что я смотрю на церковь.

— Его отец Служитель Старой Веры.

Не могу скрыть своего удивления, узнав, что Эш — сын священника.

Мы идём немного дальше вниз по улице, и некоторые прохожие бросают на меня озадаченные взгляды, когда узнают. Но потом они качают головами, думая, что они, должно быть, повредились рассудком — с чего бы дочери Эмиссара соваться в их глухомань?

Дом Дей — маленькое одноэтажное шлакоблочное здание с гофрированной железной крышей. Она отпирает дверь и приглашает меня войти.

Её дом оказывается несколько не таким, каким я ожидала его увидеть. Конечно же, он слишком маленький (нет, я точно не смогла бы всё время жить в доме таких крошечных размеров), но он тёплый и уютный, со светлыми обоями, расписанными вручную, и лоскутными занавесками, которые, очевидно, очень дешёвые, но, тем не менее, довольно миленькие. Я ожидала, что будет грязнее и скучнее, но на самом деле оказалось, что здесь есть какой-никакой цвет, и дом очень чистый, почти такой же, как наш.

Мы находимся в небольшой комнате, которая, похоже, используется в качестве кухни и столовой. Деревянная мебель проста, но функциональна, а посреди комнаты находится стол с вазой с дикими цветами, которые источают аромат трав.

В кухню из соседней комнаты входит полная женщина со смуглой кожей и круглым красивым лицом, её руки нагружены одеждой. Когда она видит меня, то замирает как вкопанная. Её тёмные глаза смотрят то на меня, то на Дей.

У неё отвисает челюсть.

— О, Боже...

— Это Натали Бьюкенан, дочь Эмиссара. Нат, это моя мама, Самрина, — тараторит

Дей.

— Рада нашему знакомству, — говорю я.

— Мама, Натали может с нами поужинать? — спрашивает Дей.

Самрина слегка кивает, всё ещё находясь под впечатлением.

Дей приглашает меня пройти по очень короткому и узкому коридору в её комнату. Проход забит старыми довоенными книгами. Запретными книгами. Я изучаю их великолепные обложки, любуюсь иллюстрациями, цветами, наслаждаюсь их живостью. В наши дни все книги выглядят однообразно. Стражи решили, что у книг должны быть только красные и чёрные обложки. В глазах Дей появляется страх.

— Всё в порядке. У меня и самой имеется кое-какая контрабанда, — говорю я, и она расслабляется. Это не худшее из преступлений, если тебя поймают на хранении запрещённых книг; разумеется, это не квалифицируется как «тяжкое преступление». Всё, что за это может светить, так это публичное бичевание, но оно, тем не менее, отпускает большинство людей.

— Это папины, — объясняет Дей. — Они уже здесь столько времени, что я даже не замечаю их; они просто часть обстановки. У меня совершенно вылетело из головы, что они здесь.

— Так значит твой папа книголюб? — спрашиваю я, когда мы входим в её тесную спальню, роняя учебники к ней на стол.

— Он учитель, — говорит она.

Она предлагает сесть на кровать с металлическим каркасом, в то время как сама усаживается на деревянный табурет рядом со столом. Стены её комнаты увешаны фотографиями Эмиссаров всех девяти штатов Соединённых Штатов Стражей: космополитичный штат Доминион — правительственный; штат Чёрная река, специализирующийся на разработке полезных ископаемых, где находится Блэк Сити; покрытый льдом Горный Волк, дикие и опасные Бесплодные земли; индустриальный штат Медный; безмятежные воды штата Золотых песков; штат древних Провинций; сельскохозяйственный штат Плантаций; и штат лесов Изумрудный.

На большинстве фотографий Эмиссар Бредшоу, толстощёкий, краснолицый мужчина, который надзирает в штате Доминион, где расположен Центр. Это самый престижный штат и лучшая должность, которая может достаться Эмиссару. Мы оставались с ним весь прошлый год, когда нас эвакуировали из Блэк Сити. Он один из самых приятных Эмиссаров, как это обычно бывает. Они не все такие, как моя мама, у некоторых из них есть сострадание, как у Эмиссара Винсент из штата Медный. Недавно она приняла закон о запрете работать детям, не достигшим двенадцати лет на заводах.

— Я так понимаю, ты хочешь стать Эмиссаром в Штате Доминион? — поддразниваю её.

Щеки Дей краснеют.

— Ну, я определённо не хочу быть Эмиссаром Бесплодных земель.

Я смеюсь. Эта работа вредна для здоровья. Все Эмиссары, кого отправляют в Бесплодные земли, погибают в течение первого года. Кто от Разъярённых, кто от изгнанников, которые там живут. Это очень дикое место, и жители тех мест не очень-то приятные люди. Эмиссаров отправляют туда в качестве наказания.

В комнате Дей не так много вещей, за исключением стопки книг на её кровати. На одном из романов лежит фото, и я беру его в руки. На снимке она, когда ей было лет восемь.

Она стоит рядом с церковью, которую я уже видела (дом Эша). Её рука переброшена через плечо Жука.

— Вы с Жуком были друзьями? — спрашиваю я, опешив.

— Когда-то мы были близки. Мы все встречались в церкви преподобного Фишера.

— А теперь ты не с ним? — спрашиваю я.

Она мотает головой.

— Просто использую старое фото как закладку для книг.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Эш случился, — с горечью говорит она, а затем добавляет: — Родители Жука были убиты во время воздушного налёта в прошлом году. Он был раздавлен горем, как ты можешь себе представить. Он стал жить со своей тётёй, Люди за Единство подкинули работу, которая стала забивать его голову всякими опасными вещами. Короче, не важно, — говорит она, меняя тему разговора. — Жук проводил много времени в церкви преподобного Фишера, в поисках ответов, полагаю. Он всегда был в хороших отношениях с Эшем, но в итоге они стали лучшими друзьями. Я оказалась третьей лишней.

— Итак, ты не разговариваешь с Жуком, потому что он близкий друг полукровки Дарклинга?

— Нет, я не дружу с Жуком, потому что Эш подсадил его на Дурман, и Жук превратился для меня в чужака. Раньше он был амбициозным, таким умным. Он мечтал переехать в Центр, — говорит Дей, её глаза блестят. — Но всё изменилось, когда он стал нарком. Его больше ничего не колышет, кроме кайфа. Он пропускает школу, потерял интерес к тому, как он выглядит. Он даже изменял мне с какими-то одурманенными шлюхами, когда он был в отключке, — последнее она пробормотала едва слышно.

— Мне так жаль, — тихо говорю я. — Кое-кто, кто был мне не безразличен, тоже обманул меня, так что я знаю каково это.

Она мне слегка улыбается.

— Я бы простила его, если бы он пообещал мне больше никогда не употреблять Дурман, но он сказал мне отвалить. Он выбирает наркоту вместо меня. Вот такие дела.

Слышно, как в другой комнате открывается дверь, и низкий голос всех приветствует.

— Мы дома!

— Это папа, — говорит Дей, сияя.

Мы возвращаемся на кухню, где мама Дей, Самрина, уже начала готовить на открытом огне в очаге. Она переоделась, сменив свою рабочую одежду на бледно-голубое длинное, до самого пола, платье с затейливой вышивкой на корсете. Платье, определённо, старинное, возможно, семейная реликвия, и несколько роскошное для семейного ужина. Отец Дей кладёт на стол рыбу, завёрнутую в бумагу, а затем целует жену.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он.

— Майкл, только не сейчас. У нас гость, — говорит она, прогоняя его.

Майкл с любопытством смотрит на меня сквозь очки. Его, кажется, не особо впечатляет, что я здесь. Он довольно красив для отца, с тёмным цветом кожи, широким носом и тёплой улыбкой. Напротив него за столом сидит мальчик, который очень похож на своего отца за исключением осанки. Мальчик сгорблен будто старик. Когда я вижу его, то тут же вспоминаю Полли. Почему Дей не рассказала мне, что у неё есть брат. Правда, я в свою очередь не рассказала о своей сестре.

Дей обнимает своего брата и смотрит на меня с вызовом. Точно так же я смотрю на

людей, когда те замечают шрамы Полли, предостерегая их от того, чтобы они что-нибудь высказали по этому поводу. Я подхожу к нему и наклоняюсь, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Все в комнате затихает.

— Меня зовут Натали. А тебя как? — спрашиваю я.

Он улыбается.

— Майкл Джуниор Джефферсон-Раджасингам. Я протягиваю руку.

— Приятно с тобой познакомиться.

Он неожиданно крепко пожимает мою руку. Отец Дей, Майкл-старший, от души смеётся.

— Отпусти её Эм-Джей, пока руку ей не оторвал.

Эм-Джей усмехается и отпускает меня.

Самрина ставит на стол блюдо с горой картошки.

— Почистите картошку.

Все хватают по картофелине. Я сижу, где сидела.

Майкл-старший смотрит на меня.

— В нашем доме все помогают готовить, даже гости.

— Папа, ты ставишь меня в неловкое положение, — говорит Дей сквозь зубы.

— Всё нормально, — я беру нож и картофель, желая помочь, но быстро понимаю, что не знаю, как это делается. Я никогда в своей жизни не чистила ничего, кроме разве что апельсина; каждый раз, когда мне хотелось перекусить, Марта готовила для меня.

Дей показывает мне, как это делается. Она время от времени кидается кусочками овощей в своего брата, который показывает ей язык. Все болтают и смеются, а я сижу и наблюдаю за ними. Так вот как ведёт себя нормальная семья? Это здорово.

Эм-Джей тянется за следующей картофелиной, затем стонет. Майкл-старший тут же реагирует, он поглаживает сына по согнутой спине. Самрина выжимает тряпку.

— Ты купил какие-нибудь обезболивающие на рынке? — спрашивает она.

Майкл качает головой.

— У меня не осталось ни копейки, после покупки рыбы.

— Что с твоим братом? — шепчу я Дей.

— У него кифоз^[1], искривление позвоночника. Иногда у него очень сильные боли в спине.

— Я могу раздобыть вам каких-нибудь обезболивающих, — говорю я.

Они все поворачиваются в мою сторону и смотрят на меня. Я прикусываю губу. Неужели это такая неожиданность, когда Страж предлагает свою помощь им?

— У меня есть доступ к лаборатории. У нас там много всяких лекарств; никто и не заметит, если пропадёт немного обезболивающего, — объясняю я.

— Не надо. Спасибо. Мы не хотим никаких неприятностей, это не для нас, — говорит Майкл-старший, что на самом деле означает, — «нам не нужна твоя подачка».

— Майкл, — шепчет Самрина, поглядывая на сына.

Он делает глубокий вдох, затем покорно кивает.

— Спасибо, мисс Бьюкенан. Это было бы очень благородно с Вашей стороны, если это не будет стоить вам никаких неприятностей.

— Не будет.

— Спасибо тебе, — тихо говорит Дей. — Большинство людей относятся к Эм—Джею, словно он какой-то урод. Но это не так — он просто особенный.

— У меня есть сестра, Полли, и... — мой голос чуть срыгается; всегда так тяжело говорить о ней. — Она пострадала, и теперь она не совсем здорова, и люди порой не очень-то доброжелательны к ней, так что я знаю, как это, когда кто-то жесток с тем, кого любишь.

— Значит, ты понимаешь? — говорит Дей, слегка улыбаясь.

Я киваю.

— Мы обязаны защищать их.

Майкл-старший с любопытством изучающе на меня смотрит.

— Вам известно, что Деяни подала заявку на участие в Ускоренную Политическую программу? — спрашивает у меня Самрина, пытаясь разрядить обстановку.

— Она упоминала об этом, — отвечаю.

— Мы ей так гордимся. Только подумать, в один прекрасный день наша девочка станет Эмиссаром, проживающим в Центруме! — восторженно говорит она.

— Мама, я даже пока не принята, — говорит Дей.

Самрина отмахивается.

— Формальность. Нет никого умнее и подготовленнее тебя, хорошая моя.

Майкл-старший протирает очки и снова одевает их.

— Эта страна станет лучше с Бутцом в качестве Эмиссара. Уже пришло время, чтобы появился человек, который понимает нужды рабочего класса.

— Майкл, не сейчас, — обрывает его Самрина.

В дверь раздаётся стук, и секунду спустя она открывается, впуская порыв ледяного воздуха, от чего пламя в очаге мерцает. Моё сердце в груди замирает, когда в комнату входит Эш Фишер, сопровождаемый пожилым мужчиной, одетым в серую мантию священника. Я предполагаю, что это и есть отец Эша. Оба они тащат ящики с продовольствием.

Температура в кухне падает на несколько градусов, когда Эш замечает меня, сидящую за столом. На его лице написано удивление.

Он передел свою школьную форму и теперь на нём были тёмные штаны, кожаные рабочие бутцы и облегающая чёрная футболка, в которой выделялся каждый сантиметр его сильного, мускулистого тела. Он смотрит на меня, в меня, словно он может разглядеть все тайны, которые у меня есть, как бежит кровь по моим жилам. От страха мой пульс учащается и что ещё более тревожно, дело не только в страхе: в желании.

Я отворачиваюсь, в ужасе от реакции моего организма на него. Это нездорово и иррационально. Он Дарклинг, хищник, который с радостью разорвал бы мне горло, воспользовавшись малейшим поводом. Тогда, с чего ради, мои щеки краснеют?

Мне просто жарко от очага, вот и всё.

— Эш! — сияет от радости Эм-Джей.

— Привет, Эм-Джей. Клянусь, ты вырос ещё на один дюйм, с тех пор как видел тебя последний раз, — отвечает Эш, не обращая внимания, на ледяной взгляд Дей. — Когда-нибудь ты станешь таким же высоким, как я.

Эм-Джей в ответ смеётся. Я сомневаюсь, что кто-нибудь вырастет таким же высоким, как Эш. Ему приходится складываться в три погибели, чтобы не стукнуться о низкий потолок, когда он подходит к Майклу и передаёт тому ящик с консервами. Всё это кажется настолько абсурдным. Эш — Дарклинг, не говоря о том, что он дилер Дурмана. Он чудовище.

«Если это так, тогда зачем Эшу отдавать семье Дей всю эту еду? — раздаётся у меня в сознании голос моего отца. — Разве так ведут себя монстры?»

«Тебя убил Дарклинг!» — сердито заставляя я его умолкнуть.

Класс, теперь я выдвигаю аргументы своей же собственной фантазии. Вот как сильно на нервы мне действует Эш Фишер.

— Спасибо, Эш, — говорит Майкл, разглядывая консервы. — Смотри, Самрина, персики. Давненько их не было.

Самрина берет продукты, бросая взволнованный взгляд в мою сторону, как будто в этой комнате больше всех она опасается меня, а не Эша.

Дэй едва скрывает своё презрения к Эшу, когда помогает своей маме раскладывать банки. Я её не виню: если бы кого-нибудь, кто был мне не безразличен, посадили на Дурман, я бы тоже возненавидела того, кто это сделал. Дурман — один из самых худших наркотиков; он вызывает зависимость и разрушает жизни.

Он бросает в мою сторону ещё один взгляд и воздух между нами потрескивает от напряжения.

— Эш, а разве ты не должен сейчас быть в другом месте? Например, зависать под мостом? — дерзко спрашивает Дей, ссылаясь на то место, где он встречается со своими клиентами.

Губы Эша сжимаются в тонкую линию.

— Что ж, так приятно было с вами повидаться, преподобный Фишер, Эш. Уверена, вам предстоит обойти ещё много домов до наступления комендантского часа, так что не будем вас задерживать, — говорит Самрина, быстренько выпроваживая их за двери.

Преподобный Фишер смотрит на меня, и его рот дёргается. Он знает, кто я такая.

— Вы правы, мы должны идти. Надеюсь увидеть вас на моей службе в воскресенье, — говорит он, выводя Эша на улицу.

— Это было грубо. Фишеры — наши друзья, — говорит Майкл своей жене, как только та закрывает дверь.

В карих глазах Самрины вспыхивают искорки страха. Она, в самом деле, меня боится. Прежде, я никогда не думала о себе, как об особе, которую бояться, но, когда я думаю об этом, я — дочка Эмиссара. Я могу доставить её семье огромных неприятностей, уличив в общении с «предателем расы», если захочу. И разрушить надежду Дей на попадание в Ускоренную политическую программу.

Майкл-старший смотрит на меня из угла комнаты. Он не боится меня, он не стыдится того, что он дружен с Фишерами и не боится выразить своё мнение по поводу Стражей. Во многих отношениях он очень напоминает мне моего отца.

Дальше ужин идёт гладко. Я очень хорошо проводила время, даже не заметив, как сгустились сумерки. Вой противовоздушной сирены, сигнализируя о начале комендантского часа, удивляет всех нас. Я в панике вскакиваю. Мама меня убьёт!

— Мне нужно идти. Спасибо за чудесный вечер, — говорю я.

— Я провожу Вас до дома, — говорит Майкл-старший, подходя к буфету, чтобы прихватить аэрозоль против Разъярённых, который есть даже у самой бедной семьи.

Дей провожает меня до двери.

— Увидимся завтра в школе?

— Я поговорю с мамой, чтобы она дала согласие пригласить тебя как-нибудь на ужин, — говорю я, вспоминая о нашем уговоре.

— Да ладно тебе. На самом деле, я не очень-то и жду, что ты это сделаешь.

— Я же сказала, что познакомлю, — говорю я, и это правда.

Надеюсь, мы с Дей сможем стать добрыми подругами. Во мне загорается слабенькая искорка надежды, что Блэк Сити, в общем-то, может быть и не такой ужасный.

Глава 9

Натали

Следующий день в школе был уже не таким нервным, во-первых, благодаря Дей. Она провожает меня до всех классов, в которых у меня должны быть уроки, даже несмотря на то, что потом ей приходится мчаться на свои собственные занятия, чтобы не опоздать,— а это сродни подвигу, учитывая, сколько книг она с собой таскает. Не знаю, как у неё это получается. Вообще-то, это напоминает мне мой первый день в школе, когда повсюду со мной ходила Полли. Это воспоминание заставляет меня улыбнуться и мысленно сделать пометку купить Дей сумку, когда я в следующий раз окажусь на рынке.

Раздаётся звонок на обед. Я надеваю куртку Эша, которую решила оставить потому, как она мне вроде сильно нравится, как она на мне смотрится — к тому же, мне нравится, как он выходит из себя, когда видит меня в ней,— и за остальными студентами я выхожу в коридор. Я смотрю на свои антикварные часы, когда студенты толкают меня. Я должна была встретиться с Дей в кафетерии через несколько минут. Кажется, я запомнила, где он находится.

Рядом со мной по коридору идёт парень из моего класса, Крис Томпсон. Он приветливо мне улыбается и на его правой щеке появляется милая ямочка. Кровь приливает к моим щёкам, прямо как тогда, когда я видела Эша Фишера в доме у Дей. При этом воспоминании по моей коже пробегают мурашки. Я потираю руки, пытаюсь избавиться от ощущений. Я не хочу вспоминать о влечении, которое, ни с того ни с сего испытала к Эшу, и неважно каким мимолётным оно было.

Мне удаётся разыскать кафетерий, где Дей уже ждёт меня.

— Мне нужно принять свои лекарства до еды, — говорю я ей, а потом добавляю, понижая голос, — у меня есть обезболивающее для Эм-Джея, но я не хочу отдавать их тебе прямо здесь. У меня будут неприятности, если кто-нибудь это увидит.

Она кивает, и мы идём в женский туалет.

— Для чего это? — спрашивает она, когда я запиваю таблетку водопроводной водой.

— Я родилась с дырой в сердце, и мне в восемь лет понадобилась пересадка сердца. Я должна принимать эти таблетки каждый день и стараться избегать «чрезмерного волнения». Фигня, — я кладу лекарство обратно себе в сумку и вынимаю обезболивающее. Протягиваю его Дей.

— Спасибо. Ты себе даже представить не можешь, как это поможет Эм—Джею,— он постоянно испытывает такую сильную боль, — тихо говорит она.

— Вот для этого и нужны друзья, — отвечаю.

Она улыбается. Её очки съезжают ей на нос, и она тут же их поправляет.

— А ты случайно не прихватила какие-нибудь новые очки из вашей лаборатории? — поддразнивает она.

Я смеюсь.

— Неа, хочешь прийти ко мне сегодня? Не могу гарантировать, что будет присутствовать мама, но если она все же будет, я вас познакомлю. Ты можешь остаться переночевать, если хочешь.

— С удовольствием, — говорит она.

Мы выходим из туалета, вливаясь в поток студентов. Я настолько увлечена беседой с

Дей, что даже не заметила, как наш путь перегородил Эш Фишер, и я чуть не врезалась в него, едва успев вжаться спиной в дверь.

Он смотрит на меня сверху вниз сверкающими чёрными глазами — глазами, которые можно было бы назвать красивыми, если бы они принадлежали кому-нибудь другому. Моё сердце сжимается. Ощущение сильнее, чем прежде. Почему оно появляется всегда, когда он рядом?

Мы стоим очень близко друг к другу, его холодное дыхание обжигает мне кожу, которую начинает покалывать от удовольствия. По шее поднимается жар — я в ужасе от своей реакции на него.

— Смотри, куда идёшь, блондиночка, — рычит Эш.

Что тут же возвращает меня на землю.

— Это ты должен был смотреть, куда шёл, — огрызаюсь я. — Я не виновата, что твоё здоровенное тело Дарклинга сталкивается со всеми подряд. Ты бы заимел что ли габаритные огни или типа того.

Он рычит, блеснув клыками.

На меня тут же обрушивается воспоминание о той ночи, когда погиб отец: клыки, с которых капает яд, лужа чёрной крови, лицо моего отца, перекошенное от боли.

Я слышу, как кто-то всхлипывает, и понимаю, что это я.

Встревоженный, Эш отступает.

— Я не собирался тебя кусать.

Я киваю, неспособная говорить. Дей, успокаивая, обнимает меня за плечи.

— Думаю, для одного дня ты уже достаточно напугал Натали. Как считаешь? — говорит она Эшу.

Он понимает намёк и уходит, бормоча проклятия себе под нос.

Дей ведёт меня в кафетерий и берёт мне какой-то еды, хотя у меня нет аппетита. В моём сознании до сих пор живо ощущение от соприкосновения дыхания Эша с моей кожей.

— Нат, ты как? Ты немного покраснелась, — говорит Дей.

— Я в норме, просто растерялась из-за поведения Эша. Он довольно сильно напугал меня, — говорю я полуправду.

— Тебе не нужно бояться Эша. Его угроза хуже его укуса и это не каламбур, — говорит Дей, засовывая в себя скудный обед. — Может он и дилер Дурмана и полный придурок, но он никогда не нападал на людей, даже когда те избивают его при свете дня.

— И часто люди на него нападают? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— Сейчас не особо часто, он ведь теперь больше. Но когда он был младше, да.

Мне сложно понять, почему Эш не защищался, когда на него нападали. Он же не может переживать из-за того, что ранит какого-нибудь человека, ведь так? Он же Дарклинг. С каких пор они переживают за то, что могут навредить людям?

После обеда мы отправляемся на наш следующий урок: история с мистером Льюисом.

— Эй, куда это мы идём? — спрашиваю я Дей, которая ведёт меня на улицу.

— В библиотеку. Нам придётся пройти через пожарный выход, так как нормальный вход разрушен был во время налётов в прошлом году. Двенадцать человек погибли. Это было ужасно.

— Мне жаль, — бормочу я, словно это моя вина. Но в какой-то степени, это так и есть: опосредовано. Эти налёты были «отчаянным шагом отчаянного человека», по крайней мере,

так мне пояснил как-то Крейвен. Восстание Дарклингов (Фронт Легиона «Освобождение» подчинил себе весь Блэк Сити. Они побеждали в войне, и Стражи были готовы потерять один из своих важнейших стратегических укреплений. Если бы Блэк Сити пал, то следующей остановкой стал бы Центр, и тогда бы всё пропало. Нужно было что-то предпринять. Поэтому Пуриан Роуз отдал приказ напасть на город с воздуха. Не важно, кто погибнет (мужчины, женщины, дети), артобстрел должен продолжаться до тех пор, пока Фронт Легиона «Освобождение» не сдастся, а Дарклинги не будут окружены, как в итоге и вышло. План Роуза сработал, но какой ценой? Всё и вся было в руинах.

Я закутываюсь поплотнее в здоровенную куртку Эша. На городской площади с Пограничной стены на нас глазят несколько стражников-Дарклингов. Я вздрагиваю.

К тому времени, как мы добираемся до библиотеки, мы уже опаздываем. Огромное помещение, уставленное полками с разрешёнными Стражами книгами. Рядом с каждой полкой книжный указатель. Это единственный способ как-то различить книги, потому как все обложки одинаковые, чёрные и красные.

Осталось два свободных места: одно рядом с Жуком, а другое рядом с Эшем. Его челюсть сжимается, поскольку он замечает меня.

— Да они, что, издеваются, — бормочет себе под нос Дей.

Она, шаркая ногами, тащится через всю комнату и садится рядом с Жуком. Я издаю стон, оглядываю библиотеку в поисках другого свободного места. Из-за отсутствия каких-либо вариантов, я усаживаюсь рядом с Эшем. Он смотрит по сторонам, на пол, на потолок, куда угодно, только не на меня. Я вынимаю из сумки пластиковый пакетик с мятными пластинками и сую одну пластинку себе в рот. Я катаю её по рту, позволяю той шумно ударяться о мои зубы.

— Ты не могла бы прекратить? — шипит на меня Эш, наконец, признав моё существование. — Раздражает.

Я как можно громче разгрызаю мятную пластинку. Он шепчет себе под нос проклятье.

Близнецы Томпсон, Грегори и Крис, сидят за следующим столом рядом с нами. Крис наклоняется вперёд к Дей, его волнистые каштановые волосы ниспадают на его роскошные светло-карие глаза.

— Эй, крошка, лишней ручки не найдётся? — спрашивает он.

Она вспыхивает, шарит по пеналу, находит ручку и отдаёт её. Жук закатывает глаза. Похоже, ни одна девушка не может устоять перед обаянием Криса.

Крис после поворачивается к Эшу, его голос понижен до шёпота. Я пытаюсь не подслушивать, но это трудно, учитывая, что Эш сидит рядом.

— Эй, слышал чего-нибудь о новом Золотом Дурмане? — спрашивает Крис.

Эш качает головой.

— Это что-то новенькое, но я не очень-то заинтересован связываться с этим дерьмом. А почему тебе он так интересен?

Крис глуповато таращится.

— Просто слышал, что он может дать чистый кайф, без всяких последствий. Без головной боли после обычного Дурмана. Думал, возможно, ты чего слышал о нём.

— Я имею дело с Дурманом, который прямо из клыка. Нельзя доверять этим уличным смесям; туда могут намешать всё, что угодно. Лучше тебе не пробовать этой дряни, — говорит Эш.

Крис кивает, садясь на место.

— Да...да, наверное, ты прав.

Грегори плавно переводит свои светло-карие глаза, горящие от ненависти, на Эша.

В этот самый момент в библиотеку входит мистер Льюис (похожий на мышку мужчину с большими пышными усами), с проектором под мышкой. Он устанавливает его перед классом.

Я снимаю куртку Эша и вешаю её на спинку стула. Эш наклоняется ко мне, его губы оказываются прямо рядом с моим ухом. Моё сердцебиение ускоряется.

— Я хочу вернуть свою куртку, блондиночка, — говорит он спокойно.

— Не повезло тебе.

— Я предупреждаю тебя, верни мою куртку или ...

— А то что? Убьёшь меня? Знаешь, твои угрозы уже начинают надоедать.

Он качает головой.

— Оставь себе, плевать. Она всё равно уже тобою воняет.

— От меня нормально пахнет, — говорю.

Он скидывает бровь, ничего не говоря.

Не знаю, почему это меня расстраивает. С чего меня должно волновать, что он думает обо мне?

Мистер Льюис выключает свет, и все в классе начинают хихикать и ухаться, когда мы погружаемся в темноту. Уголком глаза я вижу сверкающие глаза Эша. Я стараюсь сосредоточиться на уроке, возникновение Кровной войны, но понимаю, что это довольно трудно, когда Эш так близко. Его колено почти касается моего.

Эш берет ручку и постукивает ею по столу, стук-стук-стук, глядя на экран в передней части класса, лицо его мрачно.

Щелчок: фото довоенного города, грязные улицы, освещённые неоновым светом.

— Соединённые Штаты Стражей погрязли в коррупции, — говорит мистер Льюис. — Наркотики и преступность были на самом высоком уровне, когда начали вестись записи, и чем больше Дарглингов мигрировало в города в поисках работы и пропитания, тем острее становился вопрос с перенаселением.

Мистер Льюис оглядывает класс.

— Кто-нибудь знает, что оказалось основной причиной смерти людей в то смутное время?

Рука Дей взлетает вверх.

— Пристрастие к Дурману.

Мистер Льюис кивает.

— Более семидесяти процентов населения Соединённых Штатов Стражей были подсажены на этот очень сильный наркотик. Это был самый мрачный период нашей истории.

Грегори сердито смотрит на Эша.

Щелчок: частично построена бетонная стена.

— Пуриан Роуз, как новый избранный глава Соединённых Штатов Стражей, понял, что лучшая возможность реабилитация страны, это отделить Дарклингов от людей, и в каждом городе во всех девяти мегаштатах он приказал поселить Дарклингов за стенами гетто.

Щелчок: тысячи Дарклингов сгоняют в гетто под дулом оружия.

— Переселение прошло успешно с минимальными потерями популяции Дарклингов, хотя некоторые повстанческие группировки отказались покидать свои дома — в основном

те, кто отлично уживались с людьми и рождали полукровок, — говорит мистер Льюис.

Эш смотрит на экран, его лицо застыло, будто камень.

— Пуриан Роуз милостиво разрешил остаться полукровкам со своими родителями, — продолжает мистер Льюис. — Однако, вскоре после этого принятого закона, говорится, что отношения между Дарклингами и людьми запрещены, чтобы предотвратить дальнейшее появление полукровок. Те, кто нарушит эти условия, приговариваются к смерти.

Щелчок: Генерал Стражей со светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами.

Меня захлёстывает горе.

Отец.

— Однако, даже и с изоляцией Дарклингов от людей ещё какое-то время остро стоял вопрос с перенаселением, поэтому генерал Джонатан Бьюкенан предложил Схему вольной миграции, которой последовали более пяти миллионов Дарклингов, переехавших в миграционные лагеря в Бесплодных землях...

— Это неправда, — говорит Эш.

Все оборачиваются, чтобы взглянуть на него.

— Хочешь провести урок? — спрашивает мистер Льюис, голос его сочится сарказмом.

— Если предлагаете, — отвечает Эш.

— Фишер, ты ступаешь по тонкому льду.

— Почему это? Если уж вы взялись учить нас «истории», то, по крайней мере, придерживайтесь фактов. В Бесплодных землях не было никаких миграционных лагерей.

Усы мистера Льюиса раздражённо подёргиваются.

— Итак, я полагаю все те Дарклинги просто растворились в воздухе?

— Нет, — говорит Эш.

— Тогда куда же они все делись?

Эш смотрит прямо на меня. Я тяжело вздыхаю, голова идёт кругом. Он знает. Правда в том, что не было никаких миграционных лагерей, — это были концентрационные лагеря. Пуриан Роуз отправил Дарклингов умирать, отрезав их от поставок крови, в Бесплодных Землях.

Если бы у него был выбор, он бы не послал всех Дарклингов в Бесплодные земли, но с политической точки зрения это была бы катастрофа. Людское население не смогло бы проигнорировать миграцию Дарклингов. Отец мне как-то сказал, что это как сварить лягушку. Если бросить ту в кипящую воду, она тут же выпрыгнет из кастрюли. Но если опустить её в холодную воду и очень медленно нагревать воду, то она с удовольствием будет плавать в воде, пока не сварится. Пуриан Роуз очень осторожно подогревал наше общество, пока не убедился, что люди пришли к нужной ему мысли, сами того не подозревая.

Первым этапом его плана были гетто, которые были лишь средством, чтобы обмануть либералов, полагавших что эта «мера» на самом деле не так уж плоха и что остальные Дарклинги, которые были отправлены в Бесплодные земли, ушли туда по собственному выбору. Правительство рекламировало лагеря в Бесплодных Землях, будто это курорт, и люди были готовы в это поверить, потому что гораздо легче поверить в ложь, чем принять страшную истину. Пуриан Роуз провернул геноцид прямо у них под носом, а они даже глазом не моргнули.

Потом, один за другим, выжившие Дарклинги в Бесплодных землях стали заражаться странным новым вирусом. Вирусом Разъярённых. Теперь в бесплодных землях, если и остались Дарклинги, то все они превратились в безмозглых монстров, заражённых вирусом.

Я знаю это, потому что мой отец это видел воочию; он был ответственным за программу переселения. Этот опыт всё изменил; вот, по какой причине он переметнулся на другую сторону и наша семья распалась.

— Ну? — требует мистер Льюс ответа.

Остальной класс поворачивается, чтобы с любопытством взглянуть на меня. Сердце бешено стучит в груди.

«Ничего не говори, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Не хочу, чтобы весь класс знал, что сделал мой отец с Дарклингками. Они могут не понять. Всё, что осталось от моего отца, — это репутация. Я должна защитить хотя бы её».

На лице Эша мелькает нерешительность.

— Они все улетели на луну, — говорит он.

Я выдыхаю.

— Очень остроумно, мистер Фишер. — Мистер Льюис включает свет. — Потому, как первая годовщина дня Перемирия приходится через неделю на субботу, я хочу, чтобы вы все написали эссе о Кровавых беспорядках и событиях, приведших к разоружению. Ну, и, пока я не забыл, мне нужно, чтобы ваши родители подписали эти разрешения для нашей поездки в музей Блэк Сити.

Он стучит по кипе бумаг на своём столе.

По классу разносится несколько стонов. Мы открываем наши книги и минут десять в тишине их читаем, хотя я не могу понять ни одного слова. Я всё ещё под впечатлением от того, что только что произошло. Жук несколько раз нацарапал у себя в блокноте одно и тоже словосочетание, которое повторялось несколько раз. Он всматривается в меня недружелюбными глазами.

— Я так понимаю, ты не поддерживаешь закон Роуза? — говорю ему.

Он фыркает.

— Вот ещё, это...

— Плюнь на это, — рычит Эш себе под нос.

— И не подумаю. Я не боюсь говорить об этом, — отвечает Жук.

— Понеслась, — Дей закатывает глаза.

— Пограничную стену надо разрушить. Без вариантов, — говорит Жук.

— Согласна, но это должно осуществляться через переговоры, в политическом дискуссе, а не угрозами и терроризмом, которыми занимаются Люди за Единство, чтобы добиться своих целей, — отвечает Дей.

Кончики ушей Жука порозовели.

— Дей, ты такая наивная. Ничего не изменится, пока мы не надавим на правительство.

— Не согласна, — холодно говорит она. — Лучше всего повлиять на правительство изнутри. Когда я стану Эмиссаром...

— О, не обольщайся. Этого никогда не произойдёт. Они никогда не позволят Бутцу попасть в Ускоренную политическую программу, — отвечает Жук.

Дей смотрит на меня, и я ей слабо улыбаюсь. Грегори Томпсон оборачивается к нам и прислушивается.

— Пуриан Роуз не позволит стене рухнуть, — тихо говорит Эш. — Он слишком упорно боролся, чтобы всех разделить.

— У него не будет другого выбора, если все восстанут и проголосуют против него, — продолжает гнуть свою линию Жук.

— Ты ещё не уловил? Роуз всегда добьётся своего. Ты напрасно тратишь время, если думаешь, что он когда-нибудь позволит этому произойти, — отвечает Эш.

— Разрушение стены никому не принесёт пользы. Кто захочет, чтобы на улицы вернулись эти кровососы? — монотонно высказывается Грегори своим плаксивым голосом.

— Может, это принесёт пользу мне, — огрызается Эш, затыкая Грегори. — Я бы хотел увидеть свою семью. Но не думаю, что это имеет значение для правительства? — Последнее предложение обращено ко мне.

Между нами в воздухе повисает враждебность, когда мы возвращаемся к нашим книгам. Мы продолжаем в молчании читать наши книги. Тишину нарушает Эш, постукивая ручкой по столу. *Тук, тук, тук, тук, тук, тук.*

— Не прекратишь?! — я делаю вид, что разозлилась, припоминая ему мятный леденец.

Он продолжает постукивать своей ручкой, в данный момент уже осознано. Что ж, я тоже умею играть в эту игру. Я катаю во рту ещё одну мятную конфетку, постукивая ей о зубы.

Эш хлопает ручкой по столу. Она скатывается и падает, а мы одновременно наклоняемся, чтобы поднять её. Ударяемся головами. Мою голову пронзает острая боль и, как ни странно, грудь. Эш стонет и вздрагивает, чуть ли не падая со своего стула и хватаясь рукой за быстро вздымающуюся и опускающуюся грудь, будто ему трудно дышать. Он, шатаясь, поднимается на ноги и выбегает через пожарный выход.

— Что это с ним? Он более странный, чем обычно, — говорит Дей.

— Изжога, — бормочет Жук, вставая, чтобы посмотреть, как там его друг.

Я потираю шишку на лбу и смотрю во все глаза в пустоту, где ещё секунду назад был Эш. Как по мне, так это ни капельки не изжога.

Я, спотыкаясь, выхожу на городскую площадь через пожарный выход. Ноги мои скользят по неровной земле. Я не успеваю сделать и десяти шагов, как мои ноги подгибаются, и я валюсь на пол, тяжело дыша, дрожа, в то время как моё тело все горит, растапливая лёд моей крови. Что со мной? У меня сводит желудок, вены разрываются от боли. Я вонзаю ногти в мостовую, стараясь уцепиться за реальность. Моё тело яростно трясётся. Как будто меня выворачивает наизнанку.

Меня будто пронзает электричеством. Разряд проходит через кончики пальцев ног и рук, встречаясь в одной точке: в моём сердце. В груди происходит взрыв мучительной боли, и моё тело дёргается. Позвоночник выгибается дугой. Всё, о чем я могу думать,— я умираю, умираю, умираю. Я испускаю вопль отчаяния, и тогда боль проходит так же быстро, как и появилась.

Я лежу на земле, пот струится по моему лицу, грудь вздымается, а мои пальцы прижимаются к невероятно горячей коже, покрывающей всю грудную клетку, и я что-то чувствую, — то, чего не должно быть:

Медленное ровное сердцебиение.

Я издаю изумлённый возглас, который находится где-то между радостью и ужасом. По мощённой мостовой шлёпают шаги, и я склоняю голову на сторону, чтобы увидеть рядом с собой обшарпанные бутцы Жука. Он хватает меня за рубашку и оттаскивает из-под прямых солнечных лучей, прежде чем подтянуть меня наверх в сидячее положение.

— Всё хорошо, брат? — спрашивает он.

Я закрываю глаза и просто слушаю ритмичный стук моего сердца. Моё сердце... Не могу поверить, что оно и правда бьётся! После жизни в тишине это самый прекрасный звук, который я когда-либо слышал. В первый раз за своё существование я, правда, по-настоящему живу и не похожу на зомби, который ходит просто, как ожившее тело.

Жук трясёт меня за плечо, возвращая к реальности.

— Ты чего? — спрашивает он.

Я беру его руку и прижимаю к своей груди.

— Не фига себе! — Он отдёргивает руку. — Как это? — наконец спрашивает он.

— Понятия не имею. Кажется... — Я трясусь головой. — Ты подумаешь, что это безумие.

— Рассказывай.

— Кажется, это из-за Натали. — Я рассказываю ему о нашей первой встрече под мостом, и как затрепетало моё сердце. — И когда мы только что столкнулись головами, моё сердце начало биться. Это не может быть случайностью.

Жук чешет голову, вроде как, пытаюсь сложить все кусочки головоломки воедино.

— Но каким образом прикосновение Натали могло запустить твоё сердце? Это, что девчонка—дефибриллятор или типа того?

— Без понятия.

— Ты слышал о подобном запуске сердца у полукровок? — спрашивает он.

— Нет.

— Думаешь, это навсегда?

— Блин, к чему все эти вопросы? Не можешь просто порадоваться за меня?

Меня охватывает внезапный ужас. А что, если это только временно? Я хотел бы, чтобы сердце билось всю мою оставшуюся жизнь. Всё, чего я хочу, — это быть нормальным, вписываться в окружающий меня мир, не быть одному. Это невозможно, если ты единственный парень в городе без сердцебиения; это сильно выделяет тебя на фоне остальных. Я не хочу возвращаться к былому — не хочу быть фриком.

Поток моих мыслей обрывается, когда площадь оживает. По площади шествует взвод часовых Стражей, за которыми следует почти сотня горожан. Многие рабочие всё ещё одеты в свою обычную серую униформу, как будто они только что бросили то, чем занимались, чтобы прийти сюда. Поблизости возбуждённо болтает группка дам в длинных платьях, обмахиваясь веерами, в то время как их мужья не обращают на них никакого внимания. А спустя мгновение библиотечная дверь распаивается, и наш класс истории высыпает из здания на улицу, чтобы присоединиться к остальным гражданам на площади.

Натали выходит из библиотеки вместе с Дей и Крисом. Она смотрит в моем направлении, и моё сердце начинает опять биться в грудной клетке, да так сильно, что будто готово вот-вот вырваться, — *ба-бумба-бумба-бум!* Если и были какие-то сомнения, что моё ново обретенное сердцебиение связано с Натали, то сейчас они рассеяны.

— Что происходит? — спрашивает Жук.

Я отвожу глаза от Натали.

— Не знаю. Давай посмотрим поближе.

Он помогает мне подняться на ноги, и мы проталкиваемся сквозь толпу к сцене. Народ толкается, каждый старается вылезти вперёд, пытаясь оказаться поближе к трём крестам у Пограничной стены. Преподобный опрыскивает кресты соком акации, а часовые Стражи поспешно перед ними воздвигают платформу. Группа парней с бритыми головами дразнят охранников Легиона, стоящих на стене.

— Эй, а это не твоя тётка Роуч? — Я указываю на женщину с офигенными дредами до пояса и худощавым веснушчатым лицом, стоящую у сцены.

Мы подходим к ней, и она быстро обнимает Жука. Мы словно в эпицентре столпотворения, все толкаются, чтобы получить лучший вид. Часовые Стражей наносят несколько ударов, пытаясь тем самым присмирить толпу.

— Почему здесь все собрались? — спрашивает Жук.

— Это Том Шрив — они нашли его, — говорит Роуч, имея в виду друга Жука, который пропал несколько недель назад.

От лица Жука отливает вся кровь.

Ба-бум! Сердце моё вдруг сжалось, и я почему-то уверен, что это потому, что Натали тут, неподалёку. Я поворачиваюсь и вижу, как её ведёт к нам Грегори.

— Пошли, я хочу посмотреть поближе! — говорит Грегори.

Они идут ближе к сцене, и, когда они проходят мимо, рука Натали задевает мою руку. Через мой бицепс стреляет электрический разряд, и я инстинктивно хватаюсь за руку, пытаясь заставить боль уйти. Что странно, Натали также хватается за свою руку, словно она чувствует то же самое. Она хмурит брови и вопросительно смотрит на меня.

Народ на площади умолкает, когда на Пограничной стене появляется высокий Дарклинг в длинной пурпурной мантии и золотой маске. Сигур Марвик. Вот, кого я ненавидел больше, чем Стражей, — это его. Его сопровождает девушка в голубой мантии с капюшоном, её лицо было скрыто, так что все, что можно было разглядеть, — это её искрящиеся черные глаза.

По площади пробегает возбуждённый шепоток, когда на площадь выводят трёх человек

с мешками на головах на платформу прямо перед крестами. Ведёт их белобрысый-Ищейка, которого я видел с Натали в её первый учебный день.

— Вот это крутотень. Не могу поверить, что они и впрямь собираются кого-то распять, — говорит Грегори Натали. — Всегда хотел поглядеть — как это; слышал, такое происходит сплошь и рядом в штате Плантаций. Разве не захватывающее зрелище?

Она в ужасе смотрит на него.

— Нет, это отвратительно. Кто-то должен это остановить.

Дей легко касается руки Натали.

— С тобой всё в порядке? Ты побледнела.

— Я не могу стоять и смотреть, как людям причиняют боль, особенно после того, как папа умер у меня на глазах, — говорит она.

Охранники Стражей выстраивают заключённых под крестами в одну линию. Моя кровь стынет в жилах, когда я смотрю этот леденящий душу ужас. Как может быть, казалось бы, столь простое и безвредное на вид сооружение, как деревянный крест, вызывать такой страх во мне? Это не то, что он из себя представляет. Боль. Страдания. Смерть. Не думаю, что это худший способ умереть. Капюшоны с пленников сняли. Один из пленников — парень в очках в роговой оправе. Том. Жук вскрикивает и рвётся вперёд, но тётя удерживает его на месте.

— Ничего не предпринимай, — настоятельно шепчет Роуч ему на ухо.

Второй заключённый — пожилой мужчина, который во многом похож на мальчика. Он рыдает, моля о прощении. Я в ужасе таращусь на третьего узника. Это девочка-подросток в жёлтом платье с длинными белыми волосами и оранжевыми глазами, похожими на заходящее солнце. Нордин! Она должна была скрыться через стену.

Ищейка срывает с девушки платье и выставляет на обозрение толпы её обнажённое тело. Охранники Легиона воют. Позади неё разворачивается пара радужных крыльев, восемь футов в длину. Они колышутся на ветру, ловя свет и создавая маленькие радуги вокруг неё. Толпа охает, когда смотрит на этот фейерверк.

Белобрысый Ищейка запрокидывает голову Нордин и вырывает плоскогубцами её клыки. Она душераздирающе взывает, и я вздрагиваю. Стерилизовали. Хуже унижения для Дарклинга и не придумать. Он бросает её клыки в толпу. Десятки человек кинулись подбирать их на сувениры. Я прикрываю рукой свой рот, мои клыки болят только от мысли, что меня могут стерилизовать. Я удивлён, замечая, что точно такой же жест делает и Натали. Она опускает руки, на её лице снова появляется озадаченной выражение.

Ищейка обнажает меч и в два взмаха отрубает крылья девушки Нордин. Она вопит от боли, и по её телу ручьями сбегает кровь. Он поднимает крылья и подбрасывает их в воздух. Они вращаются, словно лезвие ножа, над толпой, и люди отчаянно пытаются их поймать. На чёрном рынке их с руками оторвут. Во многих культурах есть поверье, что крылья Дарклингов обладают свойствами афродизиака, но так как правительства других стран более терпимы по отношению к Дарклингам и дали им гражданские права, то они вынуждены нелегально импортировать их из США. Крылья девушки скоро измельчат в порошок, чтобы сварить из него приворотное зелье для каких-нибудь толстосумов.

— Мы должны помочь Тому, — говорит Жук мне и своей тётке.

Роуч осторожно вынимает из кармана маленький конверт. Она встряхивает из него некую маленькую красную таблетку мне на руку. Натали смотрит на нас, а затем переводит взгляд обратно к сцене, но у меня складывается впечатление, что она слушает наш разговор.

— Цианид, — объясняет Роуч. — Мы надеялись сунуть его Тому прежде, чем он окажется на платформе, но не было подходящего времени.

— А как быть с дедушкой Тома и девушкой-Дарклингом? — спрашиваю я, гадая, почему здесь только одна таблетка.

— Мы не знали, что и Френка схватили, а на Дарклингов цианид не действует, — объясняет Роуч.

Я смотрю на помост. Если мы собираемся помочь Тому, то должны действовать быстро; его разденут и пригвоздят к кресту, он будет окружён охранниками Стражей. Добраться до него будет сложно. А у нас всего одна попытка.

Роуч кладёт руку мне на плечо.

— Эш, ты быстрый. Поэтому это должен сделать ты. Ты наша лучшая возможность.

— Что, если меня схватят?

— Ну же, братан, ты должен помочь, — настойчиво призывает Жук.

Должен ли я это делать? Я изучаю красную таблетку. Помощь Тому и впрямь стоит риска попасть под арест? Прежде чем я принимаю решение, таблетка ускользает от меня.

— Эй! — кричу я вслед Натали, которая проталкивается сквозь толпу с украденной таблеткой в руке.

Меня одолевает ярость, и я спешу за ней, намереваюсь отобрать цианид, прежде чем она успеет вручить ту своему дружку-Ищейке. Толпа начинает сжимать кольцо вокруг нас, остаётся совсем мало времени. Она проскальзывает между двумя людьми, а я грубо распахиваю их, прокладывая себе дорогу. Моя рука успевает дотянуться до её сумки, но Натали выскальзывает и взбирается на помост.

Чёрт!

— Что ты делаешь? — белобрысый Ищейка сощуривает на неё свои зелёные глаза.

— Я хочу посмотреть в глаза предателю расы, если можно, Себастьян, — говорит она.

Себастьян. Вот как его зовут.

Он отходит в сторону, и она склоняется к Тому.

— Меня просто тошнит от таких, как ты, — говорит она и даёт Тому пощёчину, во время которой запихивает ему в рот таблетку. Она настолько ловко это делает, что никто вокруг не заметил бы её манипуляций, даже, если бы смотрели очень внимательно. Глаза Тома на доли секунд расширяются, прежде чем на лице мелькает понимание.

Она помогла ему. Будь я проклят, она ему помогла! Я обмозговываю эту мысль, когда ко мне присоединяются Жук с Роуч.

Толпа начинает глумиться, ей становится скучно.

— Смерть предателю расы! Убить их! Убить их! Убить! — скандируют они.

Себастьян откашливается, делает шаг вперёд и зачитывает вслух свиток.

— За преступления расовой скверны, за то, что вступил в неподобающие отношения с Дарклингом, я приговариваю Томаса Шрива к смерти через распятие.

В толпе раздались крики ликования.

— За преступления расовой скверны, за то, что вступила в неподобающие отношения с человеком, я приговариваю тебя, Яна Марвик, к смерти через распятие.

Охранники Легиона издают гневные крики, больше напоминающие завывание волков. Сигур поднимает руку, заставив их немедленно заткнуться.

Яна Марвик? Она, что, родственница Сигуру? А я и не знал, что у него были родственники, думал, они все погибли во время войны.

— По обвинению в укрывательстве двух беглецов от Соединённых Штатов Стражей, я приговариваю Френка Шрива к смерти через распятие.

Моё внимание привлекает движение на стене. Какое-то изменение, внезапная тишина, и на стене появляются десятки охранников Легиона в чёрных развивающихся одеждах, их Темные глаза сверкают в тусклом солнечном свете. Все внимание обращено на них. Один за другим Легионеры поворачиваются к нам спиной.

— Что они делают? — шепчет Жук.

— Думаю, это протест. Они отказываются смотреть казнь, — говорю я. Может, у Пуриана Роуза есть власть, чтобы казнить нас, но он не может заставить смотреть нас на казнь. Это маленький клочок свободы, который у нас остался.

Три креста лебёдками поднимают в вертикальное положение, и крики заполняют воздух. Дедушка Тома, к счастью, уже без сознания от шока, но два других пленника по-прежнему в состоянии боевой готовности, продолжая смотреть на толпу. Кровь сочиться из пригвождённых запястий Тома по его телу, в то время как чувствительная кожа Яны начинает потрескивать и шипеть, благодаря токсичному эффекту от акации. Языки пламени начинают лизать её растрескивающиеся тело, ползя вверх по ногам.

— Демон! — кричит кто-то на неё. Мне кажется, это Грегори.

Я не могу себе представить, как это быть распятым на кресте, уставившись на море смотрящих на тебя лиц, пока ты медленно задыхаешься, совсем один...

Огонь быстро распространяется, охватывая Янино тело, но она не кричит, она не издаёт ни единого звука. Она просто поворачивает голову, чтобы взглянуть на Тома, по её ещё не поглотил огонь. Он смотрит на неё столько, сколько может, прежде чем проглотить пилюлю. Не слишком рано, потому как огонь уже распространился на весь крест.

Толпа весело улюлюкает, пока влюблённые горят.

— Единая раса под Его Всесиличием! — распевают они.

Глаза Натали встречаются с моими, когда на сцене, позади неё, в небо поднимаются красное пламя и чёрные клубы дыма.

Себастьян уводит Натали со сцены и передаёт её в руки другому охраннику, здоровенному мужику в чёрном со сломанным носом и тремя царапинами на шее. Её ведут к Окраине города, подальше от толпы. Дей следует за Натали.

Роуч поворачивается к нам.

— Проваливайте отсюда, парни.

Нам не нужно повторять дважды — мы пробираемся сквозь толпу и оказываемся на Окраине города. Я сразу же прикуриваю сигарету и отдаю её Жуку.

— Сожалею о Томе, — говорю я.

Жук делает затяжку. Единственное, что я вижу, — это ярость в его глазах, а потом он отпускает одну из своих тирад.

— Всё, что сделал Пуриан Роуз — дал нам ещё одного мученика. Смерть Тома не будет напрасной.

— Ты ведь не можешь говорить это на полном серьёзе. Он был твоим другом.

— Он был борцом за свободу, он хотел бы умереть за дело, если бы оно помогло нам, а так и будет.

Я пропускаю пятерню через свои волосы. Сейчас не время с ним спорить. Мы поворачиваем и встречаемся лицом к лицу с Натали и Дей, несколькими охранниками Стражами и Ищейкой — человеком в чёрном с оцарапанной шеей. Охранники обнажают

мечи и направляют их на меня.

— Где твой ID-браслет, кровосос? — спрашивает Оцарапанная шея.

Жук встаёт передо мной.

— Он не обязан носить...

Я закатываю рукав, чтобы показать свой медный браслет. Кровь моя кипит от злости и унижения.

Глаза Жука расширяются.

— Опустите своё оружие, я их знаю, — приказывает Натали.

Они смотрят на Оцарапанную шею, который также приказывает опустить им свои мечи.

— Можешь идти, Курт, — говорит она Оцарапанной шее.

— Вы же знаете, я не могу этого сделать, мисс, у меня строгий приказ...

Она закатывает глаза.

— Ладно. Не могли бы вы, по крайней мере, идти чуть поодаль, чтобы оставить мне хоть толику личного пространства?

Оцарапанная шея машет своим людям, что-то бормоча себе под нос.

— Сожалею о вашем друге, — говорит Натали нам. — Нет смерти страшнее.

Я издаю грубоватый смешок.

— Слушай, спасибо за помощь, блондиночка, но, если бы не такие, как ты, он бы там вообще не оказался.

— Такие, как я? Честно говоря, Эш, ты редкостный засранец. — Натали вместе с Дей направляется к Унылой улице. Она не оглядывается.

Моё сердце замедляется, когда Натали уходит прочь.

— Почему именно она? Почему именно сейчас забилося моё сердце? — бормочу я.

Жук пожимает плечами.

— Карма порой бывает такой сукой.

— Но что всё это значит?

— Это ничего не значит. Она — Страж и конец истории, — говорит он.

— Но...

— Забудь, Эш. Я всеми конечностями за то, чтобы Дарклинги ладили с людьми, и Натали сильно помогла Тому, что может навредить ей, но она по-прежнему из Стражей. Братан, это офигенно неправильно. Это как сотрудничать с дьяволом!

— Я знаю! Думаешь, я хотел, чтобы это случилось? — Я пинаю стену.

— Почему ты ничего не сказал мне о своём ID-браслете? — спрашивает Жук.

Я раздражённо вздыхаю.

— Потому что я знаю, что бы ты сказал, а я не хочу присоединяться к Людям за Единство.

— Ну, может, это знак, что тебе следует пересмотреть свою точку зрения.

— А смысл? Ничего не изменится. Черт, ненавижу это треклятую стену! — кричу я.

На нас падает тень от стражника Легиона, патрулирующего Пограничную стену. Он идёт дальше, оставляя стену без своей защиты. Я задумываюсь, насколько будет сложно взобраться на неё. Она футов тридцать. Уверен, что смог бы перебраться через стену, прежде чем меня схватят; другим Дарклингам уже удавалось это, когда они перелезали в город из гетто. Стена охранялась двадцать четыре часа в сутки охранниками Стражей, которые старались удерживать Дарклингов в гетто, а Легионеры старались не пускать людей внутрь. Даже если и так, они не смогут всё время защищать каждый дюйм стены, она слишком

длинная. Так что перелезть можно, надо только подгадать подходящее время. Это мой шанс.

— Ой—ёй, узнаю этот взгляд, — говорит Жук. — Чувак, даже не думай об этом.

— Мне просто хочется посмотреть, что там, на другой стороне, — говорю я, сгорая от желания взглянуть на другого Дарклинга. У них могут оказаться ответы на то, что творится со мной.

— Не будь идиотом. — В его голосе слышатся нотки паники. — Слишком высоко, ты свалишься.

— Нет, не свалюсь.

Я подхожу к стене и выискиваю опору для пальцев. Делая глубокий вдох, я подтягиваю себя вверх по стене, рука за рукой.

Пройдено двадцать пять футов.

Двадцать.

Пятнадцать.

У меня должно получиться!

— Эш! Слезай! — орёт Жук.

Его голос привлекает внимание легионера, который шагает по стене. Охранник начинает бежать в моем направлении. Не знаю, собирается ли он остановить меня или помочь, чтобы я, наконец, встретился со своей семьёй, но мне не хочется, чтобы это оказался первый вариант.

Вот дерьмо!

Мои пальцы выскребают бетон, в отчаянии вытаскивая обломки камня, чтобы я смог подняться.

Десять футов.

Так близко!

Пять.

Я почти на месте.

Четыре.

Охранник в нескольких шагах.

Три.

Мои собраты. Я собираюсь увидеться с семьёй.

Два.

Мои руки соскальзывают, и я падаю прежде, чем понимаю, что произошло. Ноги болтаются в воздухе, пальцы бороздят бетон. Я врезаюсь в асфальт.

Жук подскакивает.

— Ты всё ещё жив?

Я издаю стон:

— Вполне.

Охранник Легиона смотрит на меня, качает головой, потом отворачивается.

Поднимаюсь. Скорее смущён, нежели испытываю боль.

— Давай сваливать отсюда.

Глава 11

Натали

— Берегись мусорных контейнеров — этот полон медицинских отходов, — говорю я.

Дей морщит нос, дескать «фу, какая гадость», и держится подальше от переполненных контейнеров, пока мы идём по Унылой улице в направлении Штаб квартиры Стражей, к её входу со стороны кухни. Курт и другие охранники идут на небольшом расстоянии позади нас.

— Почему мы заходим с чёрного входа? — спрашивает она, когда я набираю код на двери и вхожу в кухню.

— Наверное, привычка, — говорю я.

Я прохожу довольно быстро, чтобы, как можно меньше людей видели, как я вхожу и выхожу. Ненавижу, тот факт, что я постоянно под наблюдением.

Я отпускаю Курта с его командой, и они поднимаются по лестнице.

— Давай позависаем у меня в комнате до ужина, — говорю Дей, когда они уходят.

— А можно мы сначала совершим экскурсию по дому? Мне всегда хотелось увидеть это место изнутри, — просит Дей.

Я вздыхаю:

— Конечно.

Экскурсия, которая, как я надеялась, будет длиться пять минут, продолжается почти час, потому как Дей останавливается и заглядывает в каждую комнату, даже в кладовки и туалеты, задавая мне множество вопросов об истории этого места. Да мне-то откуда знать! Мы с Полли выросли в нашем особняке в Парке.

Обычно, я не провожу много времени вне пределов своей комнаты, когда нахожусь в этом здании, и для меня по дороге обратно в жилую часть дома этот лабиринт коридоров начинает казаться одинаковым.

— Эээ...думаю, нам сюда, — говорю я, ведя её по длинному коридору и сразу же понимая, что мы уже пошли в неправильном направлении, когда мы натываемся на массивную стальную дверь, укомплектованную несколькими хорошо вооружёнными охранниками.

— А там что? — спрашивает она.

— Комнаты для допросов.

Дей приподнимает бровь.

— Они проводят их прямо здесь?

— Как думаешь, Ищейки добывают себе информацию?

— Думала, они просто как бы чувствуют такое, — говорит она, подразумевая V-ген, с которым рождаются Ищейки, помогающим им всем чувствовать Дарклингов.

Я смеюсь.

— Может у них и есть V-ген, но они ж не экстрасенсы. Им приходится выполнять и работу полиции, допрашивать подонков, чтобы найти новые притоны Дарклингов или дилеров Дурмана в городе, и всякое такое.

— А много притонов Дарклингов по городу? — спрашивает она.

— Достаточно, чтобы Себастьян и другие ищейки не сидели, сложа руки, — отвечаю я.

— Как, вообще, Дарклингам удаётся перелезть через стену?

Я пожимаю плечами.

— Стену невозможно охранять круглосуточно, а Дарклинги хорошие скалолазы.

— Я вот всё думала, почему Дарклинг-Нордин просто не перелетела через стену, — говорит Дей.

— По всему городу расставлены автоматическое оружие, которое срабатывает на любого Нордина, чтобы сбить, если они попытаются.

В этот момент стальная дверь открывается, и из неё выводят трёх парней. Их кожа имеет желтоватый с черными прожилками цвет, которая характерна для тех, кто долго употребляют Дурман. Дей прячется за меня. Один из Одурманенных, подросток с ярко-пурпурными дредами, одаривает меня тяжёлым взглядом, когда проходит мимо меня. Охранник подгоняет парня дулом своего оружия.

— Пошли, думаю нам нужно сюда, — говорю Дей.

Мы нашли дорогу обратно в жилые помещения и стали подниматься наверх. Когда мы проходим мимо комнаты Себастьяна, дверь распахивается. Себастьян сердито смотрит на меня.

— Мне нужно поговорить с тобой, — говорит он мне.

Я быстро знакомлю его с Дей.

— Увидимся в моей комнате. Последняя дверь налево, — говорю я ей.

— Рад познакомиться, Дей. Уверен, что мы ещё увидимся на испытаниях Ищеек на следующей неделе, — говорит Себастьян, имея в виду тесты, которые будут проведены в школе на выявление детей-носителей V-гена. — Надеюсь, ты присоединишься к моей команде.

Она выдавливая из себя улыбку и уходит.

Как только она сворачивает за угол, Себастьян затаскивает меня в свою спальню — в большое и роскошное помещение с черепами экзотических животных, развешанных на стенах винного цвета, на полу коврик из волчьего меха, здесь же у него мраморный камин, а кровать из красного дерева покрывают черные шёлковые простыни. Всё так и кричит о власти и сексе: что больше всего любит Себастьян. На одном из его прикроватных столиков, ближнем ко мне, лежит совершенно новая копия Книги Сотворения — новая библия Праведников. Когда это Себастьян стал читать эту чушь?

— Зачем ты это сделала? — требовательно спрашивает он.

— Понятия не имею, о чём ты...

— Оставь это бред. Я видел, как ты дала предателю расы таблетку с цианидом.

— Видел? — переспрашиваю ошеломлённо я. Я-то думала, что была очень осторожна. — Парень так страдал от боли. Никто не заслуживает такой смерти.

— Он был предателем расы, любовником Дарклинга. Он заслужил всё, что получил, — говорит Себастьян.

— Тебе ли об этом говорить.

Кулаки Себастьяна сжимаются, и я понимаю, что переступила черту.

— Это другое, — говорит он.

— Как это?

— Никто не узнает. Ведь так? — спрашивает он.

— Твоя тайна останется со мной, — отвечаю я, — не то, что бы он заслуживал моей преданности. Но я не хочу навлекать на него неприятности, не важно, какую боль он мне причинил, и он это знает.

Он делает глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Тебе повезло, что я там был на платформе, а не Курт, или другой какой Ищейка, — говорит он. — Они бы не стали раздумывать дважды, докладывав ли об этом Пуриану Роузу.

У меня сжимается сердце.

— Ты ведь не собираешься донести на меня, да.

— Конечно, нет. Я бы никому не позволил навредить тебе, — говорит он. — Но тебе нужно быть осторожной, Натали. Не предоставляй Пуриану Роузу ещё одну возможность навредить тебе или Полли.

Себастьян нежно гладит меня по щеке, и на мгновение я позволяю ему, вспоминая, почему я любила его. Он был так добр и нежен со мной после папиной смерти; это было именно то, что мне нужно. Затем я вспоминаю, почему мы расстались, и отмахиваюсь от его руки, игнорируя его оскорблённый взгляд.

Я беру с его столика Книгу Сотворения.

— Зачем она тебе понадобилась?

— Думал, почитаю и пойму из-за чего такой сыр-бор.

— Ты же знаешь, что это какая-то безумная чухня, написанная Пурианом Роузом, так зачем заморачиваться?

Он пожимает плечами.

— Это может помочь мне продвинуться по службе, если я последую его вере. На самом-то деле я не верю в то, что там написано. Мне просто нужно прочесть книгу.

Что бы он ни делал, всё во имя своей карьеры, даже его отношения со мной. Я швыряю книгу на его комод и иду в свою комнату, заглядывая по пути в комнату Полли. Похоже, она спит. От лекарств её все время клонит в сон, поэтому она много спит.

В моей комнате Дей лежит на кровати рядом с моим котом Трюфельком, читая последний выпуск ежемесячного журнала Юность Стражей. Трюфелёк тихо мне мяукает. Я замираю, увидев Дей со скрещёнными ногами, поднятыми вверх, когда она листает раздел моды в журнале. Точно также делала Полли. Это как видение из моего прошлого. Я тяжело вздохнула.

Дей садится.

— Ты в порядке, Нат?

— Просто ты мне на мгновение напомнила мою сестру. Какой была она, до того, как пострадала.

Я прижимаю Трюфелька ближе к своему лицу. Мне нравится его запах; он такой тёплый и уютный. Он позволяет мне подержать его с минуту, прежде чем начинает извиваться и прыгает на ковёр.

— Что случилось с твоей сестрой? — спрашивает Дей.

— Её пытали.

Глаза Дей расширяются.

— Кто?

Что-то останавливает меня от того, чтобы рассказать ей всю правду.

— Враг моего отца, — говорю я. — Он приказал подвергнуть Полли пыткам, чтобы наказать отца и заставил нас наблюдать. Это было ужасно. Это была моя вина, что она пострадала.

— Ни на секунду в это не поверю.

— Так считает моя мама, и она никогда не простит мне этого. Мама любила Полли

больше, чем меня; она считает, что я просто без толку занимаю пространство.

— Уверена, что она так не думает.

Я ничего не говорю. Дей и понятия не имеет, как обращается со мной мама, как она принимает за меня все решения, потому что считает меня не в состоянии сделать что-нибудь самостоятельно.

— Как поживает Эм-Джей? — спрашиваю я, чтобы сменить тему.

Она пожимает плечами.

— У него бывают хорошие и плохие дни. Спасибо за обезболивающие — они, в самом деле, помогают.

Я слегка касаюсь её руки.

— Я достану ещё, как только они тебе понадобятся. Договорились?

Она кивает, а её шоколадно-карие глаза увлажняются.

— Давай сменим тему на что-нибудь более жизнерадостное. Мы должны веселиться, — говорю я.

Дей неловко улыбается.

— Так...гм...так чем обычно занимаются ночуя в гостях?

— Ты никогда не ночевала в гостях, не была на вечеринках?

Дей поправляет на носу очки.

— У меня, вообще-то, совсем нет на это времени. Я все время занимаюсь.

Она не смотрит на меня, и мне остаётся только догадываться, почему. Настоящая ли это причина — и почему у неё нет подруг, кроме меня? Я открываю тумбочку у кровати и вытаскиваю свою косметичку и заначку конфет.

— Ну, нам обязательно надо накрасить ногти, есть конфеты и болтать о мальчиках, — говорю я.

Я выбираю в своей косметичке лак симпатичного кораллово-розового цвета и начинаю красить ногти Дей.

— Себастьян довольно привлекательный, — Дей бьёт не в бровь, а в глаз.

— Наверное. Мы встречались какое-то время, но расстались несколько месяцев назад.

— Почему? — спрашивает она.

— Я застала его за занятием сексом с другой девушкой.

— Это ужасно! — восклицает она.

— Даже не представляешь, насколько, — бормочу я.

— А зачем ему спать с другой девчонкой, если у него была ты?

Я краснею.

— Ну, я...мы не...

— Ты девственница, да?

— Дей!

— Прости, я не должна спрашивать про такое?

Я смеюсь.

— Это немного тупо. Да, я девственница, но это не оправдание, чтобы мне изменять.

— Нет, разумеется, нет. Он просто урод.

Она укладывается на подушку и дует себе на ногти.

— А ты девственница? — спрашиваю я.

Она злится и краснеет:

— Нет.

У меня отвисает челюсть. Никак этого не ожидала.

— И каким был твой первый раз? — спрашиваю я.

Она вздыхает.

— На самом деле, по-дурачки. Это не было романтично, как пишут об этом в книгах. Было неуютно, и мы оба не знали, что надо делать. Плюс было суперстыдно раздеваться перед Жуком... — Она оборвала предложение, но сказанного не воротишь.

— Ты переспала с Жуком? — спрашиваю я.

— Ага, — шепчет она. — На мой пятнадцатый день рождения. Была такая неразбериха. Мы думали, что влюблены. А потом его родителей убили, и он начал тусить с Эшем и употреблять Дурман, и всё на этом. Я больше для него ничего не значила; всё, что его волновало, — это кайф и помощь в делах Дарклингу. Я ненавижу Эша Фишера. Он забрал у меня Жука — он разрушил мою жизнь.

— Мне жаль.

— Не важно. Мне плевать на него.

— Нет, не плевать.

— Может и нет, но какой теперь-то смысл убиваться по нему? Нельзя же со всем соглашаться. Ты же слышала, как мы разговаривали в классе истории. Как два таких разных человека могут быть счастливы друг с другом?

— Не знаю, — тихо говорю я. И тут же вспоминаю о сверкающих чёрных глазах. Да что со мной?

* * *

После того, как мы поужинали в моей комнате, я достала старый фильм, но мы обе слишком устали, чтобы его смотреть после такого насыщенного дня, и решили, что пора закругляться. Я одолжила Дей одну из своих ночных рубашек, и мы стали готовиться укладываться спать.

— Прости, что не представилось возможности познакомить тебя с мамой, — говорю я, разворачивая свой спальный мешок. — Она работает допоздна...

— Это ничего. Я же согласилась не для того, чтобы познакомиться с ней, мне просто хотелось позависать с тобой.

Мне радостно это слышать. Мои друзья в Центруме приходили в гости только тогда, когда мама была дома. Никто из них мне ни разу не позвонил, с тех пор, как мы переехали в Блэк Сити.

— Я весело провела время. Может, как-нибудь повторим? — спрашиваю я.

— С удовольствием. — Дей забирается в мою кровать.

Дей довольно быстро погружается в сон, в то время как я ворочаюсь без сна в своём спальном мешке на жёстком полу. Я смотрю в открытое окно на звезды. Они мне подмигивают, напоминая глаза Эша. Почему я всё ещё думаю о нём? Почему я вообще о нем думаю? Да во имя чёртова Его Всесилия, он же полукровка. Я поворачиваюсь так, чтобы больше не видеть звезд.

Ко мне в постель запрыгивает Трюфелёк и приземляется на меня.

— Ой! Маленький ты надоеда, — говорю я, поднимая его вверх. — Хочешь на улицу?

Он в ответ мяукает.

Я встаю и открываю — как можно тише — балконную дверь. Трюфелёк соскальзывает с

моих рук и взбирается на балюстраду. Я чешу его под подбородком и возвращаюсь к своему спальному мешку, оставляя дверь открытой, чтобы впустить немного прохладного воздуха. В течение нескольких секунд я засыпаю и вижу сны.

* * *

Я опять в пещере. Не знаю, почему я здесь, но у меня такое чувство, что я сделала что-то очень плохое. Я что-то выкрала, но что? Я должна это выяснить, они хотят это вернуть. В панике я обыскиваю пещеру в поисках этого предмета, но тщетно. Здесь ничего нет, кроме липких, тёплых, пульсирующих стен и...

Хныканья.

Страх подступает к моему горлу.

Посреди пещеры маленький ребёнок. Ребёнок гол, за исключением зелёного листа обёрнутого вокруг его талии. Я не могу видеть его лицо. Всё, что я вижу,— это бритую голову. Мальчик? Кто он? Почему-то, у меня такое чувство, что я его знаю.

Стены начинают сжиматься. Я знаю, что должно произойти. Я должна выбраться отсюда. Я пытаюсь пошевелиться, но мои ноги застряли в рыхлой земле. Пещера начинает сжиматься вокруг меня. Становится всё страшнее и страшнее, когда стены приближаются настолько, пока не сжимают меня. Я не могу дышать, они душат меня...

Мой разум заполняют крики. Они такие громкие, что оглушают меня. Но это не мои крики. Кричит кто-то другой. Дей!

* * *

Я в страхе начинаю просыпаться. Дей стоит на кровати и кричит во всё горло, указывая на что-то прямо надо мной. Что-то тёплое и липкое капает мне на щеку. Я поднимаю взгляд вверх. Сначала, я не понимаю, на что смотрю, а затем до меня доходит, что это за изуродованное тельце надо мной: клочки белого меха, лапа, ухо.

Прежде чем закричать, я кое-что замечая: Сердце Трюфелька пропало.

Глава 12

Натали

Через несколько дней после убийства Трюфелька мама решила, что лучший способ для меня пережить его смерть,— это провести субботу в магазинах вместе с нашей горничной Мартой и Себастьяном. Она даже дала мне тридцать монет, так как своих наличных денег у меня не было с тех пор, как она прекратила мне их давать. Это её ответ на всё. Зачем иметь дело с моими чувствами, если она может просто всучить мне деньги?

— Бьюсь об заклад, это один из Людей за Единство, — говорит Себастьян, когда мы идём по Унылой Улице по направлению к станции. — Такие подлости — их рук дело.

Я вздыхаю, устав обсуждать с ним одно и то же. Вчера он был уверен, что это дело рук Легиона Фронта Освобождения. Позавчера-что это, наверное, какой-то ненормальный сталкер. Было несколько таких, когда мы жили в Центруме. Они просто приходили с близлежащих территорий, ведь я была дочерью Эмиссара. Ничто не может заставить меня почувствовать себя хоть немного лучше, когда убийцы котов врываются в мою спальню. Как они могли попасть туда, ведь моя комната находится на верхнем этаже?

— Но зачем убивать Трюфелька? Он всего лишь надоедливый кот. Зачем сердце-то ему вырезать? — спрашиваю я.

— Вероятно, это было сообщение для твоей матери, чтобы дать ей понять, что случится, если она не прислушается к их требованиям и снесёт Пограничную стену, — произнёс Себастьян. — Просто будь благодарна, что это был твой кот, а не ты сама.

Я не могу выкинуть из головы вид скрюченного от побоев тела Трюфелька. Вся эта кровь, прямо как в ночь смерти отца... Грудь начинает сковывать паника. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Марта легонько сжимает мою руку, и я благодарна ей за этот небольшой акт доброты.

Улицы города оживлённо гудят. Сегодня между мамой и посланцем Дарклингов, Сигуром Марвиком, начались «пограничные» переговоры. Поэтому в город стекались митингующие: либо те, кто поддерживал правительство, либо те, кто выступал против него. Если Люди за Единство и правда убили моего кота, то они сами вырыли себе яму. На маму не действуют угрозы. Даже, скорее наоборот, они укрепляют её решимость.

По всем гигантским экранам на крышах над нами, транслируется документальный фильм открытия «пограничных» переговоров. Новостные корреспонденты показывают людей за Единство, протестующих у Пограничных Ворот, пока мою мать встречает Сигур. Они оба входят в гетто Легион.

С экранов гремит женский голос:

— А теперь прослушайте сообщение от нашего правительства.

Показ прервали фотографии Тома Шрива и Яны Марвик. Их обугленные тела были привязаны к крестам. Все жители остановились и посмотрели вверх на монитор. Текст над изображением: *«Грешить с Дарклингом — грешить против Его Всесилия».*

Я вздрагиваю.

Паровой трамвай подъезжает к станции улице Унылой, и мы запрыгиваем внутрь. Он был заполнен жителями пригорода, и мы едва справлялись с напором толпы, пока проталкивались через джунгли тел, чтобы найти себе место, где стоять. Я пожалела, что одела тяжёлое пальто Эша, но у меня нет одежды Бутцов, и я не хочу привлекать внимание к

себе, когда мы будем что-то покупать на рынке. К счастью, мне удалось убедить Себастьяна одеть его гражданскую одежду, так что нам будет легче смешаться с толпой.

Трамвай медленно гремит по городу, извергая белые облака пара в воздух. Каждые несколько минут мы минуем контрольно-пропускной пункт или едущий по дороге с грохотом танк, я потеряла счёт числу Стражей, патрулирующих улицы. Гражданские поспешно минуют их, наклонив головы, стараясь идти так быстро, как только могут. В одном из переулков я вижу сгоревший корпус грузовика Стражей и несколько разбитых окон. Насилие уже распространилось по городу, и это только первый день переговоров. Как будто война никогда и не заканчивалась.

— Может быть, это не лучшая идея. Давайте вернёмся в штаб-квартиру, — говорит Себастьян.

— Нет. Мне правда нужно убраться из этого дома, — отвечаю я. — У меня так и стоит перед глазами изодранное тело Трюфелька...

Себастьян весь в нетерпении.

— Ладно.

— Эй! Что эта кровососка здесь делает? — кричит пожилой мужчина, когда замечает рядом со мной Марту. Все оборачиваются. Одна женщина в чёрном платье из тафты резко взвизгивает, а муж начинает её утешать.

— Она принадлежит мне, — говорю я, указывая на ID-браслет Марты.

— У неё нет права ехать с нами в одном трамвае, девочка, — говорит он.

Себастьян тычет в старика пальцем.

— Не смей с ней так разговаривать. Ты хоть знаешь, кто она...

Я мотаю головой, призывая Себастьяна замолчать. Подразумевалось, что мы будем инкогнито.

— Пойдём пешком. Я могу и поразмяться, — говорю.

Мы сошли на следующей остановке и шли пешком последнюю милю до рынка на Шантильи Лейн, старейшего и самого большого рынка города, передвигаясь медленно, так как когтистые лапы Марты не были приспособлены для передвижения по мощёному тротуару.

На рынке на Шантильи Лейн кипит жизнь. Музыка льётся из ближайших таверн, и везде вокруг меня красочные флаги трепещут на ветру, возвещая о том, что продаётся в каждом ларьке: рыба, мясо, овощи, лекарства, оружие, одежда и аксессуары.

Между собой сплетничают дамы, одетые в кричащие корсетные платья, одновременно с этим торгуясь в ларьках, стараясь, чтобы их длинные юбки не волочились по грязи. Они улыбаются отряду охранников Стражей, когда те проходят мимо.

Около мужчины, стоящем на ящике, собралась небольшая толпа. У него бритая голова, а на лице татуировка розы — символ Праведности. Он поднимает свои руки к небу, словно молится Его Всесилию.

— Да пусть избавит зелёную землю Его Всесилия от чумы Дарклингов, ибо они — бесь посланы нам в искушение, их опиаты и их тела, их грешный образ жизни. Но они Дьявольские создания! И все, кто живут с Дарклингами, такие же дьяволы, проклятые, которым уготовлена участь гореть в аду.

Люди в толпе все шепчут:

— Так велит Его Всесилие.

Себастьян, восхищаясь, слушает.

— Не говори мне, что ты веришь в это дерьмо, — шепчу я ему.

— Я читаю Книгу Сотворения и, как по мне, так там много чего дельного.

Себастьян продолжает слушать проповедника, который время от времени вскрикивает: «*Так велит Его Всесилие!*» и ему вторит толпа.

От удивления по моей спине бегут мурашки. Я думала, что Себастьян достаточно умный, чтобы не быть обманутым Праведной Верой.

Я тяну его за руку.

— Я пришла не для того, чтобы послушать проповедников. Я хочу пройтись за покупками и взбодриться. Вот зачем мы здесь.

Себастьян смотрит на меня умоляюще, затем снова на проповедника. Я понимаю, что он хочет остаться.

— Можем мы с Мартой, по крайней мере, идти? Мы будем неподалёку. — Я указываю на ближайший киоск с одеждой.

Он колеблется.

— Никто меня не узнает, в таком виде. Я в безопасности. Пожалуйста? — я беру его за руку.

Он глядит на мою руку, которой я прикасаюсь к нему. В его глазах загорается надежда, и в этот момент я ненавижу себя, что пала так низко, чтобы начать манипулировать кем-то. Так бы и поступила моя мама.

— Пока будешь вместе с Мартой и не уходи слишком далеко... — говорит он.

— Отлично, увидимся позже! — говорю, прежде чем он успеет передумать.

Мы бредём дальше к ближайшим к Себастьяну киоскам. Снаружи у всех них манекены, одетые «по последней моде, прямо из Центрума!» — невзирая на то, что в действительности это просто отвратительные подделки. Я сомневаюсь, что кто-нибудь из них когда-либо бывал в Центруме, так как это на расстоянии в два штата и нужно ещё и пересечь Бесплодные Земли, чтобы добраться туда. Я пересекала Бесплодные Земли только дважды в жизни, сначала — когда мы переезжали в Центрум, и во второй раз — когда мы его покидали. Это дикое пустынное место с опалённой красной землёй, простирающейся так далеко, насколько может окинуть взгляд. Не знаю, как люди могут там жить, это же смертельно опасно.

Марта терпеливо ждёт, пока я пытаюсь примерить несколько нарядов, остановившись, в конце концов, на облегающих бриджах, нескольких дешёвых шарфах и безвкусном цыганском платье, усеянном крошечными монетами.

— Наверное, нам, дорогая, лучше вернуться к Себастьяну, — говорит Марта, после того, как я расплатилась за одежду.

— Мне хочется купить для своей подруги сумку, — говорю я, вспоминая о всех тех книгах, которые приходится таскать Дей.

— Сумки продаются в кисках посреди рынка, — отвечает Марта.

Себастьян всё ещё очарован проповедником. Я сомневаюсь, что он заметит, если мы уйдём на несколько минут.

— Мы быстро, — говорю я.

Свет тускнеет, когда мы вступаем в сужающиеся переулки, продвигаясь вглубь рынка. Киоск с сумками притаился между книжным киоском и металлической вывеской с деревянной надписью, висившей над дверью, гласившей: «Таверна Молли МакГи». Местечко воняло Шайном — дешёвым алкогольным напитком, который пьют большинство

бутцев. Я осмотрела несколько ранцев, пытаясь решить, который из них понравился бы Дей. Несколько человек смотрят в нашу сторону и перешёптываются.

— Нам, правда, лучше уйти, — взволнованно говорит Марта.

— Я уже почти закончила, — отвечаю я, выбирая коричневую кожаную сумку в этой куче.

В этот момент дверь в таверну Молли МакГи с грохотом распахивается и оттуда, пошатываясь, вываливаются трое мужчины, пьяных от Шайна. У них у всех на одной стороне лица вытатуирован символ Праведников — чёрно-красная роза. Один из них замечает Марту и указывает на неё остальным.

— Бродяжка! — вскрикивает он.

— Она не бродяжка, она принадлежит мне, — говорю я, но они не слушают.

Один из них выхватывает металлический прут у ближайшего торговца скобяными изделиями и начинает вращать его в руке, пока надвигается на нас со зловещей ухмылкой на лице.

О, черт! Я хватаю Марту за руку, и мы бросаемся бежать в один из проходов, пока пьяные мужчины неуклюже пытаются нас догнать. Я затаскиваю её в лавку с драгоценностями и не дышу, как и люди рядом с нами. Зачем мы ушли так далеко от Себастьяна? Это было глупо с моей стороны.

Владелица лавки, грузная женщина средних лет в поношенной одежде и с безвкусным макияжем, пытается выставить нас из своего магазина.

— Мне здесь не нужны неприятности, — говорит она.

— Я куплю что-нибудь дорогое, если Вы нас спрячете, — шепчу я в ответ.

Её это устраивает, и она загоняет нас поглубже в киоск.

— Эй, кровососка, кровососка, кровососка. Выходи, где бы ты ни пряталась, — выкрикивает здоровяк с ломом.

Он стучит по металлическим опорам, поддерживающим киоски, издавая ужасный лязгающий звук в попытке напугать нас. Мы забиваемся ещё глубже в тень, и мужчины проходят мимо, не заметив нас. Мы пережидаем в лавке минуту—другую, пока я не удостоверюсь, что мужчины ушли.

Я, как и обещала, покупаю дорожущее золотое кольцо, и мы уходим.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Марту, когда мы выходим.

— В порядке. Такое постоянно происходит.

— Серьёзно? А я и не знала, — говорю я, ошеломлённая.

— Нам следует найти Себастьяна, до того, как те люди вернутся, — говорит Марта.

Мы идём через лабиринт переулков, время от времени останавливаясь и оглядываясь по сторонам, пока я соображаю, где мы находимся. Когда мы приближаемся к лавке мясника, то я замираю, как вкопанная. Между развевающимися флагами, я мельком замечаю бледную кожу, волнистые черные волосы и сверкающие черные глаза. Моё сердце ёкает. Эш.

Он поднимает взгляд, чувствуя, что я наблюдаю за ним.

— Что ты здесь делаешь? Не в дизайнерских ли магазинах Центрума твоё место? — спрашивает он, когда мы подходим к нему.

— Откуда ты знаешь, где моё место? Ты ничего не знаешь обо мне, — отвечаю я.

— Я знаю достаточно, — говорит он, бросая взгляд на ID-браслет на запястье Марты.

Она прикрывает его рукой, словно стыдясь.

Я хмурю лоб. Марта стыдится того, что работает на меня?

— Дорогой, ты не знаешь, как нам выбраться отсюда? Мы ужасно заблудились, — спрашивает она его.

Черты его лица становятся мягче.

— Я покажу вам дорогу, после того как получу свою кровь.

Мои губы искривляются от одного взгляда на мясную лавку. Свиные туши, гирлянды колбас и бараньих ног висят на крючках над прилавком, всё кишит мухами. Мясник с румяными щеками шлёпает по ним окровавленной тряпкой. Они секунду—другую кружат в воздухе, а затем возвращаются.

Эш кладет медную монету на прилавок.

— Один пакет Крови Синт-1.

Мясник усмехается.

— Не за эту цену, сынок. Разве ты не слышал, теперь пакет стоит два медяка? Правительство ввело налог на Кровь Синт-1. Я могу предложить тебе свиную кровь?

Я смеюсь.

— Какая ирония. Всегда считала тебя редкостной свиньёй.

Эш сжимает челюсть.

И когда это я умудрилась превратиться в такую стерву? Ведь я бы никогда не допустила, чтобы Марта пила свиную кровь; её вообще никому нельзя пить. Я протягиваю мяснику несколько монет.

— Вот, я оплачу.

— Мне на фиг не сдалась твоя милостыня, — огрызается он.

— Ну и что ты тогда собираешься есть? Вряд ли ты можешь питаться человеческой пищей. Или можешь? — никогда не думала, что спрошу о таком полукровку.

— Нет, она для меня, как трава. Я не смогу переварить такое, — признается он.

Внезапный лязг металла по металлу позади нас заставляет меня подпрыгнуть. Я разворачиваюсь, и меня окатывает волна страха. Трое парней из числа Праведников, которые преследовали нас ранее, теперь стояли позади нас и насмехались. Они заблокировали переулок.

— Вот ты где, — говорит Марте парень с железным прутом.

— Не смей трогать её, — предупреждаю его.

Пьяные парни лишь смеются

— Его Всесилие защищает только одну расу! — говорит Железный Прут, замахиваясь своим оружием.

Мужчины бросаются на нас.

Дальнейшее происходит так быстро, что я едва успеваю среагировать. Эш толкает меня в бок и встаёт впереди Марты, которая падает, когда пытается отойти от мужчин. Эш грубо хватается Железный Прут за горло и бросает его в мясной ларёк. Во все стороны летят кровь и мясо. У моих ног приземляется баранья нога.

— Берегись! — кричу я, когда второй человек устремляется к Эшу.

Я хватаюсь за баранью ногу у моих ног и, раскачивая её, как дубинку, бью парня по башке. Он отступает назад один, два, три шага, прежде чем убегает. Двое друзей следуют его примеру, прежде чем мы с Эшем нанесём им ещё увечья.

Мы садимся с Мартой на деревянный ящик. Её седые волосы вылезли из-под косынки, её когтистые руки дрожат. Я бросаю мясо и быстро обнимаю её.

— Вы ранены? — спрашивает её Эш.

Марта протягивает свою руку. Она кровоточит.

— Я такая глупая старая карга. Я порезалась, когда упала, — говорит она, пытаясь растянуть губы в редкозубой улыбке.

Эш отпрянул от испуга, увидев дыры там, где должны были быть её клыки.

— Нам нужно перевязать ей руку, — говорю я, протягивая один из шарфов из купленных мной ранее.

Он нежно оборачивает его вокруг руки Марты. Я едва узнаю этого парня, передо мной. Его лицо, обычно такое жёсткое и злое, но сейчас оно нежное и заботливое. Он резко поднимает взгляд, ощущая, что я изучаю его. Я краснею.

— Спасибо, дорогой, — говорит Марта, похлопывая его по щеке, пока он занимается её рукой.

— Да. Спасибо тебе, Эш, — тихо говорю я. — Не знаю, чтобы случилось, не окажись ты здесь.

Он потирает шею и встаёт.

— Всегда пожалуйста.

Марта с интересом изучает его, пока он помогает ей подняться.

— Тебя зовут Эш? А именно Эш Фишер?

— Ага. А что?

Она улыбается.

— Я знаю твою семью. До войны, я регулярно посещала службы твоего отца, и мы росли совсем рядом. Я даже присматривала за тобой.

Эш задумывается на мгновение, а затем на его лице расцветает широкая улыбка.

— Вы — леди с кровавыми конфетами!

Она улыбается.

— Верно. Ты так вырос. В последний раз я видела тебя прямо перед началом войны. Тебе было восемь лет, и моя внучка Лиллиана гоняла тебя вокруг кладбища за то, что ты пытался посадить пауков ей на макушку.

Я хохочу, представив себе эту картину, и Эш смеётся глубоким хриловатым смехом. Я раньше никогда не слышала эго смех. Он очень ему подходит, я быстро отвожу взгляд, мои эмоции в полном разряде.

— Как там Лиллиана? — спрашивает он.

— Её отправили в Бесплодные Земли во время войны вместе с моей дочерью и её мужем. С тех пор я о них ничего не слышала.

— Мне очень жаль, — отвечает Эш, — до меня доходили слухи о том, что происходило в Бесплодных Землях. Моя мама проводила собрания Легиона Фронта Освобождения в церкви как раз перед тем, как её отправили в гетто, и они много обсуждали эти события.

Так вот откуда Эш знал о лагерях расправы на уроках истории мистера Льюиса? Чувство вины и стыда захватило меня. Мы все знали, что мой отец был в ответе за то, что туда отправили семью Марты. Я даже не знаю, как она может оставаться после этого со мной и моей матерью, но я предполагаю, что у неё просто нет выбора — она наша служанка. Я вспоминаю, как она прикрывала свой браслет перед Эшем и до меня, наконец, доходит, почему она так стыдилась его. Они не служанка. Она — наша рабыня. У меня скрутило желудок. Как могла я быть такой слепой?

— Как там Аннора? Как она пережила эту войну? — спрашивает у него Марта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тень пробежала по его лицу.

— Извини, дорогой. Я не хотела вмешиваться...

— Мама с папой разошлись несколько лет назад. Теперь мы с отцом вдвоём.

— Мне очень жаль. Они были такой красивой парой, — говорит Марта.

— Это было неизбежно. Людям и Дарклингам просто не суждено быть вместе. — Он сверкает глазами в мою сторону.

— Натали! Вот ты где. Я ужасно волновался, — раздаётся за моей спиной голос Себастьяна.

Его белокурые волосы взъерошены от бега, а щеки покраснелись. Было видно, что он испытывает облегчение при виде меня. Тут в поле его зрения попадает Эш.

— Отойди от неё, кровосос, — говорит он, приближаясь к нам.

— Всё в порядке. Я его знаю, — говорю я, вставая между ними.

Парни смерили друг друга взглядами, их кулаки сжались, в глазах читается враждебность. Эш возвышается над Себастьяном, но если бы дошло до драки, годы тренировок Себастьяна в качестве Ищейки могли дать ему преимущество в бою.

— Оставь его в покое, Себ. Он только что спас нас от каких-то отморожков, — говорю я.

Рот Себастьяна дёргается. Я вижу по его лицу, что он готов вот-вот ринуться в драку.

— Я хочу уйти, — говорю я, мягко прикасаясь к его руке.

Он глядит на Эша ещё секунду-другую, а потом кивает.

— Я так и знал, что приходить сюда было паршивой идеей, — бормочет себе под нос Себастьян, когда мы уходим.

— Эш такой приятный молодой человек, — шепчет мне Марта.

Я смотрю на Эша себе через плечо. Наши глаза встречаются на продолжительное мгновение, прежде чем он поворачивается и идёт в другую сторону.

— Ага. Он такой, — отвечаю я.

Глава 13

Натали

Я встречаюсь с Дей в школе в понедельник и рассказываю всё о драке на рынке.

— Не могу поверить, что Эш помог тебе. Это так на него непохоже, — говорит Дей, пока мы идём в тренажёрный зал, чтобы пройти испытания для Ищеек.

— Знаю. Для меня это тоже удивительно. Может, мы ошиблись на его счёт?

Дей смеётся:

— Давай без фанатизма. Один случайный акт доброй воли не делает из него святошу.

— Я никогда и не говорила, что он святоша. Я просто хочу сказать, может, он всё-таки не полный мудак. Кроме того, это был не единственный добрый поступок. Ты же знаешь, он занимается благотворительностью...

Дей оборачивается ко мне:

— О, небеса. Он тебе нравится.

— Нет, не нравится, — говорю я.

— Тогда чего же ты покраснела? — говорит она.

— Мне просто жарко.

— Стоит ли тебе напомнить, что он полукровка Дарклинг?

— Мне он не нравится, — говорю я.

— И дилер Дурмана, который посадил лучшего друга на наркоту, — продолжает она.

— Дей! Говорю в последний раз — мне не нравится Эш Фишер. Понятно? Я бы никогда не позволила себе опуститься до Дарклинга после того, как один из них убил моего отца.

— Мм, — неубедительно произносит она.

Я не удивлена, что она не верит мне. Я сама себя в этом убедить не могу.

Мы продолжаем идти в спортзал в тишине. И нет возможности рассказать ей о тех других мыслях об Эше, которые всю ночь крутились у меня голове, например, о том, каким странным образом моё сердце реагирует всякий раз, когда я рядом с ним, о моих воспоминаниях о нём, как он нежно перевязывал руку Марте, о том продолжительном взгляде между нами, когда мы покинули рынок.

Как будто что-то порхает в животе, и я понимаю, что это нервы. Неужели я действительно начинаю волноваться при мысли о том, чтобы увидеть Эша? Нет! Дей права — ничего не изменилось. Я не могу опуститься до кого-то вроде него.

— Я действительно сожалею о Трюфельке. Есть ли уже какие-нибудь продвижения — спрашивает Дей.

Я рассказала ей о теории Себастьяна, что здесь замешаны Люди за Единство.

— Неужели это сделали Люди за Единство? — спрашиваю я.

— Некоторые из их представителей действительно любят бросаться в крайности, и они всегда предпочитали насилие дипломатии, — говорит она. — Это одна из вещей, из-за которых мы с Жуком спорили. Я просто не могла поддержать его решение вступить в эту группу. Их одержимость Дарклингами вызывает опасения. Однажды они заставят Жука совершить убийство.

— Может стоит спросить у Жука, знает ли он что-нибудь об этом? — говорю я.

— Вряд ли он признает, что они это сделали.

— Наверное, — бормочу себе под нос, поскольку мы входим в зал.

Шум стоит невероятный, так как студенты взволнованно обсуждают их шансы на наличие у себя V-гена. Себастьян уже находится в передней части зала, настраивая оборудование вместе с Куртом. Себастьян получает много внимания от девушек моего года обучения, он прямо упивается этим, кокетливо улыбаясь им. Брр. Плевать.

Моё сердце вздрогнуло, и я взглядом поискала Эша в толпе, зная, что он должен быть где-то поблизости. Ну, конечно, он стоит у стены, опираясь на неё, а рядом с ним стоит Жук. Эш проводит пальцами сквозь свои волнистые чёрные волосы, и на секунду я задаюсь вопросом: что бы я почувствовала, если бы он так же провёл свои пальцы сквозь мои волосы... Я, уязвлённая, перевожу взгляд куда-то вдаль. Ну почему он действует на меня? Если бы кто-нибудь знал, что я чувствовала только что, он бы запер меня и выбросил бы ключ подальше.

Я беру Дей за руку, и мы небрежно присоединяемся к очереди недалеко от Эша с Жуком. Эш ловит мой взгляд, и мой пульс учащается. Краснея, я притворяюсь, что хочу проверить время на часах моего отца, которые мерцают золотом при свете ламп.

— Ты снова выглядишь удивительно возбуждённой, — шепчет мне Дей — Это не имеет ничего общего с одним конкретным парнем-полукровкой?

— Ш-ш-ш! — говорю я, бросая взгляд на Эша.

Он смотрит на меня, немного наклонив голову. О, Боже, он всё слышал? Не будь параноиком, Натали. Слух Дарклингов не настолько хорош.

Жук шепчет что-то Эшу. Я придвигаюсь к ним поближе, любопытствуя узнать, о чем они там болтают и втайне надеясь услышать своё имя. Мне удалось уловить кусочек их разговора.

— Как она? — произнёс Жук.

Страдание отразилось на лице Эша.

— Хуже. Теперь это может произойти в любой момент.

— Мне очень жаль, брат. Как справляется отец?

— Он в растерянности. Он не может бросить её. Я не знаю, как он с этим справляется, я же не могу даже смотреть на неё.

Мне становится интересно, о ком они говорят.

Себастьян хлопает в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание. В зале воцаряется тишина.

— Пуриан Роуз даёт вам сегодня особую возможность — шанс присоединиться к Ищейкам и сделать наш мир лучше, безопаснее для могучей человеческой расы— произносит он, шагая по залу. — Существует пятьдесят отрядов наподобие моего, пересекающих территорию Соединённых Штатов Стражей на всей протяжённости от Волчьих Гор до Штата Изумрудный. Сегодняшний тест определит наличие у вас V-гена. Это и есть то, что вам нужно для того, чтобы присоединиться к моему отряду.

— Лучшему отряду во всем Штате Чёрной реки! — орёт Курт.

Очередь начинает продвигаться вперёд. Первой жертвой, положившей начало тестированию, становится низенькая девушка с коротко стриженными каштановыми волосами. Курт закатывает ей рукав и кладёт руку девушки внутрь машины.

— Не волнуйся, ты просто почувствуешь лёгкий укол, — говорит Себастьян.

— Держу пари, он говорит это всем девушкам, — пробормотала Дей.

Я едва сдерживаю смех.

Темноволосая девушка вздрагивает, когда у неё изымают образец.

Курт встряхивает головой:

— Следующий!

Кожа Дей начала приобретать болезненный зелёный оттенок после того, как она видит иглу.

Следующий студент подходит и сдаёт тест. Это очередной провал. И так продолжается около получаса: отрицательный, отрицательный, отрицательный, положительный, отрицательный, отрицательный, отрицательный. Подошла очередь Грегори Томпсона, только три студента к этому моменту были отобраны. Он надменно шагает к аппарату, закатывает сам себе рукав и уверенно вставляет руку в машину.

— Прошёл! — произносит Курт.

Грегори бьёт кулаком по воздуху и присоединяется к другим Ищейкам, которые похлопывают его по спине. Его брат—близнец — Крис — медленно приближается к машине следующим.

— Провал.

Грегори не может сдержать ликования по поводу неудачи брата, и широкая ухмылка появилась на его лице. Крис что-то бормочет себе под нос и следует за остальными не принятыми.

— Что ж, видимо, я следующая, — произносит Дей, и краска сходит с её лица. — В конце концов, если я попаду в отряд, то мне поможет моё усердие.

Она нервозно садится и, отвернувшись, закатывает глаза, когда игла погружается в её руку.

— Неудача, — произносит Курт через мгновение, провожая её.

Похоже, что она испытывает облегчение. Я следующая. И я сердцем чувствую на себе пристальный взгляд Эша, пока иду в центр зала.

— Давай покончим с этим, — тихо говорю Себастьяну, помещая свою руку в машину.

Жук тихонько переговаривается с Эшем, но Эш не обращает на него внимания. Он сконцентрирован исключительно на мне.

Игла погружается в мою плоть, заставляя меня вздрогнуть. Лампочки мигают на аппарате, пока тестируется моя ДНК. Я закатываю глаза. Это так глупо.

— Прошла, — произносит Курт.

— Что? Ты уверен? — недоумеваю я.

Себастьян ухмыляется мне:

— Поздравляю!

Меня захлёстывает разочарование, хоть это и странно. Почему меня беспокоит то, что я — Ищейка? Разве я не должна этого хотеть? Мой пристальный взгляд задерживается на Эше, на один продолжительный удар сердца, пока я быстро шагаю к остальным кадетам-Ищейкам.

Жука усадили к машине, и Себастьян едва взглянул на результат, прежде чем произнёс:

— Неудача.

Жук усмехается Эшу и поднимает большой палец кверху, продвигаясь к остальным неприкатым. Эш — следующий. Он даже не пытается сдать тест, а вместо этого неторопливо идёт туда же.

— Куда это ты собрался, кровосос? — презрительно усмехается Себастьян.

Я морщу лоб. Он же это не серьёзно?!

— Все должны пройти тест, включая тебя, — говорит он.

Они хладнокровно смотрят в глаза друг другу, и напряжение между ними становится ощутимым.

— Я жду, — медленно произносит Себастьян.

Эш, тихо ругаясь, подходит к машине. Курт бьёт кулаком по кнопке, вгоняя иглу поглубже в руку Эша. Лампочки мигают и вспыхивают снова, когда ДНК проанализирована, и мгновение спустя Курт проверяет результат. Он хмурится и проверяет результат ещё раз прежде, чем повернуться к Эшу, выражая любопытство.

— Положительный, — говорит он.— Добро пожаловать в ряды Ищеек, мистер Фишер.

* * *

Вступление Эша Фишера в Ищейки сразу стало главной темой для обсуждения у всех на устах на всё оставшееся утро. Как может полукровка Дарклинг быть Ищейкой?

— Он никогда не станет охотиться на себе подобных, — говорю я Дей, пока мы идём к классу искусств, моему самому нелюбимому предмету, так как во мне столько же художественного мастерства, как и у бешеной белки.

— У него нет выбора, — отвечает она.

— Это какой-то садизм, заставлять Эша этим заниматься.

Дей ничего не отвечает. Ей и не нужно. Не то, чтобы это было впервые, чтобы Дарклинга принуждали охотиться на себе подобных. Это было обычной практикой во время войны для не обременённых моралью Дарклингов сотрудничать с Ищейками в обмен на еду и защиту.

Эш с Жуком уже рядом с комнатой искусств. Они тихо переговариваются друг с другом. Когда подходим мы, он поднимает на меня глаза.

— Мне жаль. — Не могу придумать, что ещё можно сказать в такой ситуации.

Он грустно мне улыбается.

Дверь в класс искусств открывается, и миссис Джеймс, непривлекательная женщина с дикими каштановыми волосами, приглашает нас войти. Класс внутри просторный и светлый с красочными картинами на стенах и шаткого вида глиняными скульптурами, стоящими вдоль полок. У меня сводит желудок, когда я вижу мольберты, окружающие постамент в центре класса.

Дей бросается к мольберту, а я опускаю свою сумку на следующий, рядом с ней, наблюдая краешком глаза за Эшем, чтобы посмотреть, где он собирается расположиться. Половина меня хочет, чтобы он выбрал место рядом со мной, вторая же хочет, чтобы он этого не делал. Я неистово гоню от себя первую мысль. Да что же со мной происходит?

Он выбирает мольберт на противоположной стороне круга, и Жук занимает место рядом с ним.

— Эй, милашки, это место занято?

Крис Томпсон одаривает меня улыбкой с высоты своего роста, тёмно-каштановые волосы падают на карие глаза. У него такой отстранённый взгляд, как будто он не с этой планеты. Его брат, Грегори, топчется позади него. Все сконфужены и непонимающе переглядываются.

— Э-э, нет, — говорю я.

Эш слегка поворачивает голову в нашу сторону.

Крис усаживается на место рядом со мной, пока Грегори сердито располагается рядом с

Дей: разворачивает свой мольберт узкой стороной к ней и присаживается.

— Давай поменяемся местами, — очень тихо шепчет Дей.

Я представляю себе целый час, проведённый рядом с Грегори, в течение которого он будет приседать мне на уши и вещать о том, какая распрекрасная у меня мать и как он надеется «пойти по стопам своего отца и работать на правительство». Умора.

— Извини, — изрекаю я.

Дей громко пыхтит.

Миссис Джеймс хлопает в ладоши, привлекая наше внимание.

— Итак, класс, кто хочет быть нашей жертвой?

Я вжимаюсь в своё сидение. Ненавижу, когда люди смотрят на меня, особенно из-за моего операционного шрама на груди у сердца. Мама всегда ретушировала его на наших снимках, и я не могу винить её за это — он ужасен.

— Дей, почему бы тебе не побыть сегодня нашей моделью? — спрашивает миссис Джеймс с ноткой отчаяния.

Дей неохотно занимает свое место на постаменте. Её очки соскальзывают и падают на пол. Грегори смеётся. Крис наклоняется через меня и пихает брата в руку.

— Не будь придурком, — говорит он.

Жук срывается со своего места и протягивает Дей её очки. Она отвечает ему благодарной улыбкой, и его уши розовеют. С ним всегда так, когда он около Дей. Эш насмешливо закатывает глаза, когда Жук садится на место.

Я окунаю кисть в какую-то краску и размазываю ею по холсту, не особо заботясь как у меня выходит. По моей коже ползёт знакомый холодок, и я поднимаю глаза. Эш наблюдает за мной с другой стороны комнаты. Он резко отводит взгляд.

— Поздравляю со вступлением в команду, — говорит мне Крис.

— О... ага. Спасибо.

— Только не говори моему братцу, но я рад, что не вошёл в состав команды, — говорит тихонько Крис. — Не хочу всю жизнь охотиться на Дарков.

— Такая же фигня, — признаюсь я.

— А этот идиотизм с Эшем? Бедняга. Это такой отстой. Чёртовы Стра... — Он прикусывает язык, когда вспоминает, с кем говорит. — Извини.

— Да без проблем, — бормочу я.

Я сосредотачиваюсь на своей живописи, чувствуя себя виноватой, хотя и не виновата в том, что Эш оказался среди Ищеек. Несколько минутами спустя, я вздыхаю и смотрю на свой шедевр. Это отвратительная каша из коричневого и серого. Ну и ладно. Если миссис Джеймс спросит, то скажу, что это импрессионизм.

Эш неожиданно встаёт, чем привлекает моё внимание. Он скидывает свою куртку, выставляя напоказ мышцы рук. На его левом предплечье всёещё видна красная точка от укола.

— Очень неплохо, — говорит Крис, заставив меня подпрыгнуть.

— Чего? — спрашиваю я, всё ещё думая от Эше.

Крис тычет в мою мазню.

— У тебя определённо есть талант.

Я фыркаю, что явно не свойственно истинной леди, чем привлекаю всеобщее внимание. Я опускаю голову и вжимаюсь в свой стул.

— Ты ведь шутишь, да? — говорю я Крису.

— Ладно, признаю это не лучшее, что мне доводилось видеть.

Я смотрю на его рисунок. Он очень неплох; на самом деле, его портрет немного напоминает Дей.

— Итак, — говорит Крис, проводя рукой по своему точёному подбородку. — Я вот тут думаю, если ты ничем не занята после завтрашней экскурсии по музею, может мы бы могли позависать где-нибудь или типа того?

— Эээ... — я бросаю взгляд на Эша.

— Или мы могли бы сходить в субботу на празднование Дня перемирия? — добавляет Крис.

Эш продолжает рисовать, казалось, не обращая внимания на наш разговор. Хотя его ухо слегка дёргается, как будто он слушает.

— У меня есть парень, — ложь слетает с языка, прежде чем я осознаю, что несу. *«Себастьян, глава Ищеек? Он на самом деле оберегает меня»*. Всё правда, за исключением фразы про парня.

Эш поворачивается ко мне лицом, в его глазах пылает злость.

— Жаль, — говорит Крис.

Я возвращаюсь к своему рисунку, но моё сердце занято другим.

Крис поднимается и шагает прямо к Эшу, который быстро прикрывает свою картину. Вид у него такой, будто его поймали за руку, когда он печенье из коробки таскал. Что он там прячет? Конечно же, его картина не может быть хуже моей. Крис, кажется, даже не заметил, что они говорят очень тихо, и лица у них серьёзные. Эш кивает и передаёт что-то Крису — это же игральная карта! Мои мысли возвращаются к двум червовым картам в кармане моего пиджака. Эш, должно быть, раздаёт их всем своим клиентам-наркоманам. Эти мысли меня немного разочаровывают, я не люблю, когда мне напоминают о том, что Эш — дилер. Я бы предпочла думать о нём, как о парне с рынка. Я не сильно ненавижу эту сторону Эша.

Грегори кидает в меня комочек бумаги, чтобы привлечь моё внимание.

— Чего тебе? — раздражённо говорю я.

— Я так взволнован нашей первой тренировкой, которая будет в четверг, а ты? Какой позор, что мы должны обучаться вместе с этим кровососом, — говорит он, поглядывая на Эша.

Гнев вскипает во мне, когда я слышу слово кровосос. Раньше меня это не задевало. Мои друзья из Центрама произносили его постоянно.

Я поворачиваюсь к моей картине, игнорируя Грегори. Остаток урока проходит быстро. Я скоро сдаюсь со своим рисованием, зная, что это просто потеря времени. Остаток времени я провожу в мечтах, мысленно вернувшись на рынок на Шантильи-Лейн, снова переживая тот продолжительный взгляд между мной и Эшем. Наконец-то, звенит звонок, и все начинают собираться. Эш смял свой рисунок, превратив его в мяч, и бросил тот в мусорное ведро. Он задержался у моего мольберта, и моё сердце забилося в странном ритме, как всегда происходит, когда Эш рядом.

— Как поживает Марта? — спрашивает он.

— Прекрасно. Поразительно, как она быстро восстанавливается. Рука, как новая.

Он пожимает плечами.

— Дарклинги быстро выздоравливают. Это одна из наших особенностей.

А какие ещё у него есть особенности? Жар поднимается по моей шее.

Он открывает рот, чтобы сказать что-то ещё, но потом, похоже, передумывает и идёт

дальше. Дверь захлопывается за его спиной.

Дей проходит по комнате, рассматривая рисунки каждого. Ей интересно кто как нарисовал её.

— И на всех я выгляжу просто отвратительно! Неужели я и в жизни такая же?

— Нет, не говори глупостей. Просто мы, на самом деле, те ещё художники, — отвечаю я.

Она находит скомканный рисунок Эша в мусорном ведре и с интересом расправляет его. У неё отвисает челюсть от удивления.

— Это, в самом деле, так ужасно?

Она трясёт головой и ведёт меня к выходу, вручив мне рисунок. Я ожидала увидеть портрет Дей, но её он вообще не рисовал. От его рисунка у меня перехватывает дыхание. Портрет как живой. Яркие цвета постоянно меняются, переходя друг в друга. Выглядит это так, как будто портрет находится в движении. Дарклинги — одарённые художники, способные передать свои эмоции в живописи. Я провела пальцем по контурам лица на портрете, не признавая девушку, глядящую на меня. Её глаза сияют ярко-голубым, её волосы напоминают золотые нити, упавшие на плечи. Затем я понимаю, кто эта девушка на портрете.

Да это же я!

Пониже центра груди зияет мой шрам, но он не бросается в глаза, как я всегда ожидала. Каким-то образом Эш изобразил меня красивой, сильной, как могущественный воин прямо. Я присела, не в силах понять всего этого. Действительно ли Эш видит меня такой?

Я ошарашенно гляжу на портрет. И чем больше я изучаю портрет, тем больше мне кажется, что он пульсирует, как дико бьющееся сердце.

В небе над городом висит луна, а я лежу на крыше баржи Жука, руки за головой. Когда он взбирается ко мне на крышу, лодка качается. От его сигареты летят искры. Он протягивает её мне, но никотин больше не доставляет мне того кайфа, как прежде. Ничего не радует так, как сердце, бьющееся в моей груди.

— Как мама? — спрашивает он.

Я закрываю глаза, стараясь вытеснить печаль, которая глубоко засела у меня внутри. Не хочу разбираться с этим прямо сейчас.

— Хотелось бы, чтобы она вернулась в Легион, — наконец говорю я, открывая глаза.

— Не говори так, братан.

— Это было эгоистично с её стороны — вернуться домой. Это только расстраивает папу. А что самое отстойное, что она вернулась только потому, что её любовник выставил мать, когда та заболела.

— Ты этого не знаешь, — отвечает он.

— А чего ради она вернулась? Уж точно не из-за нас с отцом. Ей на нас плевать, иначе она и в первый раз не бросала бы меня с папой. — Я протягиваю сигарету Жуку. — Давай поговорим о чём-нибудь другом. Я уже сыт этим по горло.

— Я думаю о небольшом междусобойчике на свою Днюху, — говорит он.

— Да? Неплохая мыслишка. Кого пригласишь?

— Ну, тебя.

— Это не междусобойчик. Это свидание.

Жук усмехается.

— И не мечтай. Может, я ещё и Дей позову.

— Я думал между вами все кончено.

Он пожимает плечами.

— Сердцу не прикажешь.

Ну да, он прав, как никогда.

— Как думаешь, она придёт? — тихо спрашивает он.

— Возможно, но зачем ты тратишь на неё время впустую? Можешь найти и получше.

— Нет, братан, не могу. Она умная, любящая, и она, в самом деле, задевает меня за живое, — говорит он.

Натали определённо задевает МЕНЯ за живое. Она не боится мне противостоять, и она не похожа ни на одного из Стражей. Уж я-то знаю. Она помогла Тому, даже не смотря на то, что подвергла себя риску. Она храбрая и добрая.

— К тому же, у Дей потрясные... — он округляет руки перед своей грудью.

— А, ну это всё меняет, — говорю. — Так ты пригласишь ещё каких-нибудь девчонок?

Моё сердце ускоряется, когда я думаю о Натали.

— Не собирался, — говорит он.

— Клёво, ну и ладно. — Я стараюсь скрыть разочарование в своём голосе.

Чёрт подери! С чего это, меня должно волновать, идёт Натали или нет? Она дочка Эмиссара. Связываться с ней — хуже для меня не придумать. Её родители несут ответственность за геноцид Дарклингов. Но Натали же их не убивала. Она не виновна.

Я нажимаю рукой на свою грудь и чувствую под своей ладонью ровное постукивание своего сердца.

Папа, бывало, говорил мне, что все в жизни имеет свою цену, и ё-моё, он был прав. Я получил то, чего желал больше всего, сердцебиение, но какой ценой? Я обязан девушке из Стражей. Это никогда не было частью соглашения. Хотелось бы мне понять, что между нами происходит. Испытывает ли она ко мне какие-нибудь чувства? Иногда мне кажется, что да. Несколько раз я заметил, как она на меня смотрит, но я не уверен. Возможно, это я все выдумываю.

— О, пока не забыл! — Жук достал листок бумаги из кармана и разглаживает его на крыше.

Это бланк разрешения, который должны подписать наши родители, чтобы разрешить нам отправиться завтра на экскурсию в музей. Жук изображает каракули своей тётушки на своём бланке. Я роюсь в карманах, в поисках своего бланка и протягиваю его Жуку. Он лучше меня подделывает подпись моего отца. Я мог бы просто попросить отца подписать это, но я привык, что Жук подписывает все мои школьные выговоры за плохое поведение, так что это вошло в привычку.

— Мы покажемся там на несколько минут, а потом свалим, — говорит Жук.

Прогуливать — рискованно, но я предпочту схлопотать взашей, чем болтаться в каком-то скучном музее Блэк Сити. Он отдаёт мой бланк.

— Я мог бы попытаться подделать почерк твоего отца, чтобы тебя выкинули из программы подготовки Ищеек, если хочешь. Стоит попытаться, — предлагает он.

— Каким образом письмо якобы от моего «отца» может заставить их передумать.

Он садится:

— Значит, ты просто собираешься тренироваться с ними?

— У меня нет выбора. Это не стоит того, чтобы быть распятым.

Жук вдавливая сигарету в деревяшку, гася её, при этом что-то бормоча себе под нос.

— Если хочешь мне что-то сказать, просто скажи, — окрысился я.

— Есть хоть что-нибудь, за что ты готов умереть? Люди за Единство каждый день рискуют своими жизнями за Дарклингов, а что делаешь ты? Ничего!

Я встаю.

— А почему я должен что-то делать? Я не Дарклинг. Я не человек. Я ничто, так почему мне должно быть не наплевать, чем занимаешься ты? Это не моя война.

Я спрыгиваю с баржи на дорожку к каналу и иду к мосту, где впервые увидел Натали.

— Давай—давай, улепётывай, как ты это обычно делаешь! — кричит Жук мне вслед.

Я показываю ему средний палец. Да что он, вообще, понимает?

Над городом раздаётся вой воздушной сирены, возвещающая о наступлении комендантского часа. Я прохожу под мостом канала и пробегаю рукой по грубой кирпичной стене, вспоминая, когда я был здесь в последний раз. Вот где всё началось, когда моё сердце ожило.

Это должно что-то значить. Есть только один способ узнать. Я должен спросить у неё.

Глава 15

Натали

В фойе музея Блэк Сити нас встречает двадцати футовая статуя Пуриана Роуза, чьи волчьи глаза сердито глядят на нас сверху вниз.

Себастьян под впечатлением присвистывает.

— Когда-нибудь в этом музее будет стоять моя статуя, даже больше этой.

Я закатываю глаза, желая, чтобы сегодня здесь не было Себастьяна, но мама ни за что не отпустила бы меня на эту школьную экскурсию без моего телохранителя. Чтобы сделать всё ещё хуже, Себастьян оделся в униформу Ищеек (в ярко-красный военный китель и черные штаны, а вокруг бёдер повязал сияющий серебряный меч), от чего выделялся на фоне остальных, словно прыщ на носу. Все пялятся на меня, когда я подхожу к подножию статуи, где стоит мой класс истории.

Эш отдыхает, облокотившись о статую. Он так выделяется на фоне остальных — высокий, бледный и мрачно-красивый. Он поднимает свои сверкающие глаза и изучающе смотрит на меня несколько мгновений, заставляя температуру моего тела подскочить на сотню градусов.

С тех пор, как я увидела его картину, на которой он изобразил меня, я не в состоянии перестать думать о нём. Неужели он действительно считает меня красивой? Теперь у меня есть возможность думать, что он может так считать... Я застала себя за тем, что фантазирую о том, что было бы, если бы для нас не было бы незаконно встречаться. Были бы мы вместе? Сама поверить не могу, что даже просто рассматриваю такую возможность! Он же полукровка и ещё...

Себастьян замечает, что я пялюсь на Эша. Он стискивает зубы.

— Только не устраивай, пожалуйста, сцен, — говорю ему.

— Не давай мне повода, — отвечает он.

Я прикусываю губу. Не может же он на самом деле знать, ЧТО я думаю об Эше. Или может? Нет. Я стала параноиком.

Я иду к Дей. Неподалёку Крис с Грегори шёпотом что-то горячо обсуждают.

— Я всё расскажу маме с папой на днях, — резко говорит Грегори своим плаксивым голосом.

— Нет, не расскажешь. Ты меня слишком любишь, братец, — отвечает Крис, трепля волосы брата.

Грегори отшвыривает руку Криса прочь.

— Я за тобой наблюдаю. Неужели ты действительно хочешь быть Дурманщиком до конца своей жизни?

Крис пожимает плечами, его лицо принимает ожесточённое выражение.

— Моя жизнь — моё дело.

Себастьян идёт к мистеру Льюису, чтобы поговорить о мерах безопасности, которые должны быть предприняты по отношению ко мне, оставляя меня на краткий миг с Дей.

Она слегка толкает меня локтём, показывая на кого-то в вестибюле.

— Слушай, а разве это не тот Дурманщик, которого допрашивали у тебя дома на прошлой неделе?

Ну конечно, это же тот парень с фиолетовыми волосами, с которым мы столкнулись

рядом с комнатами для допросов. Он был с тощей девушкой с татуировками и парнем бандитской наружности. Они переворачивали корзины с мусором и приставали к посетителям, когда те шли к двери. Один из охранников накричал на них, после чего эта компания проследовала в один из коридоров, ведущих к главному выставочному залу, хохоча, как гиены. Мы не единственные, кто обратил внимание на парня с фиолетовыми волосами — Эш тоже наблюдает за ним, и он выглядит разъярённым.

— Что это Линус здесь делает? — доносится до меня, как Жук говорит Эшу.

— Наверное, забыл, чья это территория, — отвечает Эш.

— Может нам поговорить с ними?

Эш обдумывает это, а затем мотает головой.

— Не здесь. Позже.

Жук кивает.

Крис в небрежной такой манере подходит к Эшу, руки в карманах. Грегори наблюдает за братом, его глаза пылают яростью.

— Эй, наша встреча в четверг всё ещё в силе? — спрашивает Крис.

Эш издаёт стон.

— Нет, извини. Это день Рождения Жука. Мы хотим его отметить. Может, перенесём на пятницу?

В голосе Криса неподдельное разочарование.

— Я вообще-то хотел именно в четверг. Моих родителей не будет вечером.

Эш пожимает плечами.

— Прости, старик. Ты ведь понимаешь?

— И на том спасибо, — бормочет себе под нос Крис, когда отходит от Эша.

Жук нервно проводит пятерней по спутанным волосам. Эш пихает того локтём.

— Спроси её, — шепчет он.

— Хочешь прийти ко мне на празднование Днюхи? — брякает он, обращаясь к Дей.

— Ч-чего? — заикается Дей.

— Забудь, фигня, не бери в голову, — говорит он.

— Ты серьёзно?

Он кивает, не глядя на неё.

— Просто, это будет уже не то, без тебя.

Она секунду—другую обдумывает сказанное.

— Хорошо. Я приду, при условии, что не будет никакой наркоты...

— Не будет, обещаю. Я буду чист, как стёклышко, — говорит он.

— И Эша не будет, — добавляет она.

— Он мой лучший друг. Он придёт, — вступает с нею в спор Жук. — Ты не можешь продолжать избегать меня только потому, что тебе не нравится Эш. Мне не нравится твоя подруга, но я не прочь позависать с ней.

— Я так тронута, — бормочу я.

— Прощу тебя, приходи, — говорит ей Жук.

Дей вздыхает.

— Только, если и Натали придёт.

Жук кивает.

— Времени было достаточно, детишки! Начинаем двигаться дальше — я не могу провести тут весь день, — возмущается мистер Льюис, пока ведёт нас через билетные кассы

и к выставочным залам.

— Дамы вперёд, — говорит Жук Дей, пропуская её через турникет.

Она закатывает глаза, но лёгкая улыбка играет на её губах. Жук проходит следующим. В то же самое время мы с Эшем двигаемся к турникету и неуклюже сталкиваемся руками, от чего электричество волнами спускается к моим пальцам. Эш резко вздыхает, как будто он почувствовал то же самое. После мгновения неловкости Эш отступает на шаг назад.

— После тебя, — говорит он мягко.

Пока Эш следует за мной через турникет, тёмное острое чувство пронзает моё тело, я знаю, что он наблюдает за мной. Себастьян догоняет меня через мгновение и берет за руку, увлекая подальше от Эша.

— Я не хочу, чтобы ты околачивалась рядом с тем кровососом, понятно? — говорит он мне.

Моё сердце замирает на краткий миг. Может быть, я и не была параноиком. Себастьян подозревает, что я испытываю к Эшу чувства?

— Поняла, — огрызаюсь я в ответ.

Дей спешит за нами.

Первая комната на нашем пути оказалась посвящена Пуриану Роузу. Я время от времени делаю для себя заметки в блокнот на тот случай, если мистер Льюис позже решит нас проверить.

— Разве это не увлекательно? — говорит Себастьян, пока мы продвигаемся вдоль восковых фигур Пуриана Роуза.

Схем и таблиц его стремительного роста власти, с его первых дней в качестве скромного чиновника в правительстве, до его вступления в должность президента, вплоть до сегодняшнего дня, где он является главой церкви и государства. Где-то в середине своей стремительно растущей карьеры, он смог найти время, чтобы написать Книгу Сотворения и развязать войну с Дарклингами. Эта восковая фигура пугает меня больше всего, где он стоит на вершине горы из мёртвых Дарклингов, победителем в «войне против развращённости».

— Он истинное вдохновение, — продолжает Себастьян. — Я надеюсь однажды достичь того же.

— Как ты можешь восхищаться им, зная, что он сделал с моей семьёй? — спрашиваю я.

Дей с любопытством смотрит на меня. Я никогда не рассказывала ей всей истории, почему Полли пытали и мой отец был убит.

— Тот, кто ступает дорогой греха, да пусть же понесёт наказание от Его Всесилия, — говорит Себастьян, цитируя Книгу Сотворения.

Я слишком ошеломлена, чтобы сразу что-нибудь на это ответить. То есть, он намекает, что мой отец с Полли получили по заслугам?

— Кто ты такой? — спрашиваю я.

— Я просто открыл глаза на то, какая развращённость творится вокруг меня, Натали, — говорит он.

Наша экскурсия идёт своим чередом. Я скрещиваю руки на груди, молча кипя от злости из-за Себастьяна. Как он может быть таким чёрствым? Когда-то давным—давно он заботился о Полли. Неподалёку идут Крис с Грегори. Крис выглядит обеспокоенным и ему явно не интересна экскурсия, в то время как Грегори останавливается, чтобы поглазеть на каждый экспонат.

Мы входим в тускло-освещённую полукруглую залу заполненную чучелами животных и

окаменелыми скелетами. Здесь есть Люпин — гигантское создание, похожее на волка, с красивым светло-серым мехом, скелет крылатого Дарклинга-Нордин, череп кошачьего существа с длинными саблезубыми клыками и восковая фигура Разъярённого, от которого мурашки по спине.

— Что это? — спрашивает Дей, глядя на череп некоего кошачьего существа.

— Это Бастет^[2], — говорит Себастьян.

Я прочла информацию на табличке рядом с черепом.

БАСТЕТ — место обитания: Штат Изумрудный. Продолжительность жизни Неизвестно. Чем питается: Дарклингами.

Этим редким существам когда-то поклонялись, ложно принимая их за богов. Они вырастают ростом до шести футов и живут в прайдах до двух сотен. Яд Бастетов очень токсичен для Дарклингов и оказалось, что в их крови содержатся следы некротной бактерии Вибрио.

— Отстой, — бормочу я.

— Смотри, как классно, — говорит Себастьян, нажимая на кошачьи зубы. Они втягиваются обратно в череп. — Они делают так, чтобы защитить свои зубы от повреждений.

— У неё зубы мерцают, — замечает Дей.

— Вот, потому-то зубы Бастет так ценны; они пропитаны ядом. Люди раньше делали из них украшения и ювелирные изделия. Большинство их перебили браконьеры, поэтому в наши дни они редкость.

Пока Себастьян с Дей болтают, я смотрю на другие экспонаты. Мёртвые глаза уставились на меня, когда мы проходили мимо, заставляя меня чувствовать себя неловко. Я не могла отделаться от ощущения, что на меня кто-то смотрит...

Я замечаю слева от себя вспышку голубого света от дисплея. Вглядываюсь в тени. Гм, там ничего нет. Прекратить запугивать себя, Бьюкенан!

Себастьян замолкает, ладонь его обхватывает рукоять меча.

— Всё в порядке? — спрашиваю его.

Он кивает, хотя явно чем-то озабочен.

Движение справа, заставляет меня начать волноваться, но это всего-навсего Крис Томпсон, прокрадывшийся в один из соседних залов, пока Грегори отвернулся, следуя за наркодилером Линусом.

— Держись рядом, — говорит мне Себастьян.

— Что не так? — спрашивает Дей.

— Сработал мой V-ген. Я чувствую рядом Дарклинга, — отвечает Себастьян.

Дей взволнованно смотрит на меня.

— Просто продолжайте идти, — говорит Себастьян.

Мы сворачиваем за поворот, и моё сердце вздрагивает, как только я замечаю Эша, который в этот момент курит с Жуком. Струйки дыма выходят из приоткрытых губ Эша, и на мгновение мне становится интересно, каково бы это было, если бы мой язык пробрался через барьер его губ, пробуя на вкус дым внутри его рта.

Себастьян вздыхает.

— Ложная тревога. Я просто почувствовал того кровососа.

— Прекрати его так называть, — говорю я.

У меня появляется ощущение, будто расплавленный свинец попадает в мой желудок и

обжигает мои внутренности, как будто тьма разливается по моей коже. Взор. Эш смотрит на меня встревожено. Он в одно мгновение оказывается рядом со мной, Жук позади меня.

Себастьян обнажает свой меч и направляет его на Эша.

— На неё охотятся Дарклинги. Я могу почувствовать это, используя Взор, — говорит ему Эш.

— Где он? — в ужасе спрашиваю я Эша.

— Не знаю, — отвечает он, осматривая помещение.

— Я пойду и поищу его, — говорит Себастьян.

— Нет! Не оставляй меня. — Перед глазами тут же всплывает окровавленное тельце Трюфелька.

— Мы должны избавиться от него, — говорит Себастьян.

— У меня есть одна идея. Ты доверяешь мне? — спрашивает меня Эш

Я гляжу на его красивое, серьёзное лицо. Моё сердце сжимается.

— Да, — шепчу я.

— Посмотри мне в глаза, — спокойно говорит он.

Я повинуюсь. Он пристально смотрит в мои глаза, он будто смотрит в меня. Его черные глаза сверкают, словно звезды в сумрачном свете... они такие красивые... такие блестящие... они делают меня вялой. Скоро я уже теряюсь в них, тону, падаю, пока не остаётся ничего вокруг. Кроме него и меня. Внезапно, темнота, окутавшая меня, начинает подниматься, когда Эш перемещает силу Взора другого Дарклинга на себя.

«Моя... моя... моя, — говорит он им. — Оставьте её, она принадлежит мне».

Тьма исчезает без следа.

Эш моргает и чары исчезают.

Я нервно вздыхаю.

— Он ушёл?

— Я больше его не чувствую, — говорит Эш.

— Я пойду, проверю все вокруг. Жди здесь, — говорит мне Себастьян, резко взглянув на Эша. — Дотронешься до неё хоть одним клыком, и я башку тебе снесу. Понял?

Эш сжимает кулаки, но не произносит ни слова, пока Себастьян удаляется прочь.

Дей обнимает меня.

— Думаешь, это тот же, кто...

— Убил Трюфелька? — заканчиваю я её фразу. — Да. Думаю, на меня охотились, но почему?

— Так ты же основная цель для Легиона Освободительного Фронта, — говорит Жук, имея ввиду незаконные вооружённые отряды Дарклингов, которые боролись со Стражами во время войны.

Я оборачиваюсь к Эшу.

— Спасибо за то, что защитил меня.

— Без проблем. Просто не хотел, чтобы меня ложно обвинили, если бы на тебя напали.

Во мне закипает гнев.

— Не надо подставляться ради меня! В следующий раз просто дай этим проклятым тварям сожрать меня.

Я зашагала прочь, злясь на саму себя за глупые мысли о том, что у Эша Фишера есть сердце. Он догоняет меня мгновение спустя у черепа Бастета.

— Эй, блондиночка, почему ты злишься на меня? — спрашивает он.

— Просто оставь меня в покое, — говорю я.

— Не оставлю, пока не скажешь, почему ты такая злая.

Я позволила себе раздражённо вскрикнуть.

— Во имя Его Всесилия, почему ты такой раздражающий?

— Значит, мы выяснили, что я тебя раздражаю. Что-нибудь ещё? — спрашивает он, и лёгкая улыбка играет на его губах.

Сильное желание разгорается внутри меня. Я напоминаю себе, что должна бы на него злиться.

— Да! Тебе на всех плевать, кроме себя. Ты помогаешь другим, если это каким-то образом поможет тебе, — говорю я.

— Ого. — Он выглядит по-настоящему обиженным.

— Ну, это правда.

— Нет, это не так. Я помог тебе, потому что...

— Почему?

— Не хотел, чтобы ты пострадала.

— О, тогда почему ты говорил обратное?

Он пожимает плечами.

— Потому что меня не должно заботить, что с тобой случится.

— Но заботит?

Он ничего не говорит. Вместо этого он переключает своё внимание на выставку. Я нервно оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто за нами не наблюдает. Моё сердце колотится в бешеном ритме, что я пересекаю некую невидимую черту, разговаривая с ним. Себастьян проверяет периметр, Дей общается с Жуком, а остальная часть класса в следующем выставочном зале. Мы одни.

Эш поворачивается ко мне, решительно смотрит в глаза.

— Натали, есть нечто, о чем я бы хотел с тобой поговорить.

Я приподнимаю бровь.

— Серьёзно? О чём?

Он делает глубокий вдох.

— Не знаю, как это лучше сказать, так что выложу всё, как есть. Ты, наверное, сочтёшь меня чокнутым.

— Та-ак... — говорю я.

Мне становится любопытно, куда это нас заведёт.

— В тот день, на уроке истории, когда мы стукнулись головами...

— Значит, что это у нас здесь? — раздаётся позади нас мужской голос.

Тот парень с фиолетовыми волосами — Линус — подходит с двумя жлобами. Татуированная девица одарила меня недобрым взглядом, вынуждая посмотреть ей в глаза. Но я не стала этого делать.

— Когда я последний раз проверял, это был всё ещё мой район, — говорит Эш.

Линус ухмыляется, его рука смыкается вокруг стеклянного флакона, торчащего из кармана его куртки. Она наполнена молочно-белой жидкостью, которая отливает золотом, когда на неё попадает свет.

— Больше нет, кровосос! Теперь это территория мистера Табса, — неспеша произносит Линус.

Эш сгребает Линуса за воротник, и тот вздрагивает. Его головорезы приближаются.

— Это моя территория, — говорит Эш.

— Люди смотрят, — предупреждаю его.

Он отпускает Линуса и указывает на несколько дверей поблизости.

— Выход в той стороне. Предполагаю, вам им воспользоваться.

— Заставь меня.

Челюсть Эша сжимается. Он ничего не может сделать. Не здесь.

— Себастьяну будет интересно узнать, что ты здесь, Линус. Возможно, он даже вызовет тебя на допрос. Снова, — говорю я.

Он обращает своё внимание на меня.

— Почему ты думаешь, что он ещё не знает о том, что я здесь, цыпочка?

О чем это он?

Татуированная девушка обнимает Линуса, положив руку ему на плечо, и вызывающе к нему прижимается.

— Пойдём пробовать товар, — шепчет она.

Линус освобождается от её объятий и поправляет свой воротник. Они направляются к одному из коридоров, ведущих в другие выставочные залы.

— Что было в том флаконе? — спрашиваю я.

— Яд Дарклингов, Дурман, — объясняет он.

— Я считала, что Дурман белый. А этот с золотым отливом.

— Вероятно, это тот Золотой Дурман, что стали толкать в округе.

Я собираюсь вернуться к нашему разговору о том, что случилось на уроке истории, когда мы ударились головами, но в этот момент Себастьян входит в зал. Я отхожу от Эша, не желая давать Себастьяну повод устроить сцену.

— Нашёл что-нибудь? — спрашиваю я его.

— Нет, кровососа давно и след простыл, — отвечает он, убирая меч в ножны.

Я с облегчением вздыхаю.

Дикий крик из соседнего зала пугает всех нас, и секундой позже оттуда вылетает татуированная девица, слезы струятся по её лицу. Она проносится мимо нас, направляясь к выходу. Без долгих раздумий я спешу в соседний зал, задаваясь вопросом, что же там произошло, но через мгновение я жалею о своей поспешности. На полу растянулось тело Линуса и его бритоголового дружка, их мёртвые глаза глядят в потолок. На лицах застыла маска боли, губы стали черны, как уголь.

В руке мёртвый Линус сжимал открытый флакон Золотого Дурмана.

— Первое правило выживания при атаке Дарклингов — бежать, — говорит Себастьян, обращаясь к группе.

Все кадеты Ищеек сидят, образуя круг в центре зала, одетые в свою новую сверкающую униформу. Второй по званию после Себастьяна, чернокожий мужчина с отметинами от когтей, спускающимися вниз по шее, окидывает меня холодным, недоброжелательным взглядом, глядя через весь зал. Я одергиваю воротник своего пиджака, пытаюсь дать проникнуть воздуху между ним и моей кожей, ощущая клаустрофобию от этого дорогого хлопка. Одна из других Ищеек — девушка с волнистыми каштановыми волосами — дарит мне мимолетный благодарный взгляд. Ого! С тех пор, как я надел эту униформу, все в школе смотрят на меня иначе, как будто я наконец-то стал одним из них. Хорошо чувствовать, что тебя уважают, но этот мед не без ложки дёгтя. Мне не нужно было идти на такие крайние меры, чтобы добиться уважения.

Натали сидит рядом со мной. Она заправляет свой золотистый локон за ухо, раскрывая взору мелкие веснушки чуть выше воротника. Интересно, на что было бы это похоже, если бы мои губы расположились чуть повыше этих веснушек, мои клыки погрузились в её шею... Она поворачивается и ловит мой взгляд. Легкая улыбка играет на её губах, и в это мгновение моя судьба предрешена.

Я хочу её.

Кто-то пинает мою ногу. Себастьян.

Он предупреждающе смотрит на меня.

— Что Вы имели ввиду, когда сказали, что мы должны убежать? — проскулил Грегори, ссылаясь на предыдущий комментарий Себастьяна. — Я думал, мы здесь для того, чтобы научиться сражаться.

Себастьян кивает на парня с отметинами от когтей на шее, который расстегивает две верхние пуговицы своего пиджака, показывая верхнюю часть тела. Следы когтей покрывают всю его грудную клетку и виднеется огромный шрам в том месте, где недостает большого куска плоти, который вырвал Дарклинг из тела парня. Это возымело желанный эффект — внимание группы явно возросло.

— Дарклинги выше, сильнее и быстрее нас. Если вы один на один, то тут без шансов, они убьют вас прежде, чем вы успеете моргнуть, — говорит он, — если хотите выжить — бегите. Нет ничего позорного вернуться в штаб живым.

— Мы охотимся группами, — продолжает Оцарапанная шея, — Только так у нас есть шансы. Ваше подразделение — теперь ваша семья. Ваша жизнь — в их руках. Жизненно необходимо научиться двигаться, как единое целое, предвидеть движения напарника и защищать друг друга. Так мы непобедимы.

— Безусловно, у нас есть дополнительное преимущество в виде V-гена, — говорит Себастьян. — Благодаря тренировкам, он позволит почувствовать Дарклинга, давая вам преимущество над врагом. Обучение, в ходе которого появится возможность отточить эту способность, может означать разницу между жизнью и смертью. Но сначала, основы. Бой на мечах. Разбейтесь по парам.

Я хватаю меч из подставки и проворачиваю его в руке. Похоже, подходящий. Хотя, я ни

за что не пойду на то, чтобы причинить вред другому Дарклингу. Я возвращаю клинок на место.

— Чего это ты делаешь? — рычит на меня Оцарапанная шея.

— Мне не нужен меч. У меня своё оружие, — говорю, обнажая клыки.

Натали берет один из мечей поменьше, одаривая меня застенчивой улыбкой. Сердце так и барабанит у меня в груди, *ба-бум, ба-бум, ба-бум*. Не могу поверить, что чуть было не рассказал ей в музее про своё сердце. О чем я только думал? Она решила бы, что я чокнутый, ненормальный. Она бы никогда не захотела снова заговорить со мной. Я не могу так рисковать, пока я всё еще не знаю каким образом или зачем она делает это со мной.

В меня врезается Грегори.

— Отвали с дороги, помесь, — говорит он.

— Прости великодушно, — говорю я саркастически. — Я тебя не заметил.

Ноздри Грегори раздуваются. Он берет самый большой меч в стойке.

— Знаешь, что говорят о мальчишках с большими игрушками? — спрашиваю я.

Натали хихикает, а Грегори зло прищуривается. Все встают по парам. Остаемся только мы с Натали.

— Постараюсь не шибко тебя покалечить, — говорит она.

Себастьян подходит к Натали и слегка касается её плеча. От этого простого, такого привычного жеста моим клыкам делается больно.

— Может быть, тебе просто посидеть. Не хочу, чтобы ты перегружала своё сердце, — говорит он.

Её щеки пылают алым.

— Мне же нужно практиковаться, ведь так? Иначе какой смысл здесь находиться?

— Я просто забочусь о тебе...

Она поднимает свой меч и угрожающе смотрит на него

— Я в полном порядке. Моё сердце в порядке. Прекрати обращаться со мной, как с ребенком.

Я подавляю улыбку.

Себастьян сводит со мной счеты за мою улыбку, давая мне наставления

— Сделаешь ей больно, я сделаю больно тебе, понял?

— Четко и ясно, — ворчу в ответ.

— Извини за Себастьяна, — говорит Натали, когда тот уходит.

— Твой парень редкостный урод, — говорю я.

— Себ не мой парень. — Она смеется. — Я так сказала Крису, чтобы он отвалил от меня.

Во мне, словно пламя, вспыхивает огонек надежды, заставляя меня светиться.

Мы проводим несколько основных атакующих и оборонительных ударов, и совершенно очевидно, что Натали уже занималась этим прежде. Ее движения быстрые и точные, но даже в этом случае, ей не удастся хотя бы раз ударить меня.

— Не честно! Ты не стоишь на месте! — дразнится она, когда я резко ухожу в другую сторону, спасаясь от её удара.

— Вроде, так и должно быть, не так ли? Дарклинг не будет стоять и ждать, когда же его атакуют.

Её лицо озаряет поразительно красивая улыбка и я действую нерешительно. Она наносит удар и на этот раз попадает по моей руке, делая небольшой порез на моей куртке. Я

театрально потираю руку.

— Слабак, — говорит она.

— Ты уже тренировалась на мечах?

— Меня отец обучал, — говорит она

На её лице отразилась грусть, и мне интересно, что за мрачное воспоминание её посетило.

— Как ты себя чувствуешь, после того, как мы нашли Линуса? — осторожно спрашиваю я

Прошло два дня, как мы обнаружили в музее труп.

Она пожимает плечами

— Мне снятся кошмары. В газете по поводу его смерти была небольшая статья. Видел?

Я киваю. Это была просто краткая заметка, потерявшаяся в море новостей. Они описали его смерть, как передозировку Дурманом — вот и все. Целая жизнь уместилась в нескольких строках. Не так уж много. Получу ли я хотя бы такое освещение, если кто-то найдет меня мертвым?

— У тебя задумчивое выражение, — говорит Натали.

— Да?

Она делает очень серьезное лицо, передразнивая меня.

— Извини, я просто подумал о Линусе. Тяжело через такое пройти, — говорю я.

— Думаю бывает и хуже, — бормочет она, — Что ты думаешь об этом золотом Дурмане? Должно быть, он силен, если убил Линуса и его друга так быстро.

— Я не совсем уверен. Дилеры частенько смешивают галлюциногены, так что может быть дело тут не в нем? — отвечаю я.

Мы продолжаем спарринг, хотя она думает о другом.

— Эш, что ты собирался мне рассказать в музее? Что-то о том, как мы стукнулись головами...? — спрашивает она.

У меня сжимается желудок. Черт. Я-то надеялся, что она забыла об этом.

— Просто хотел убедиться, что ты не пострадала. У меня очень крепкий череп, — говорю я, постукивая себя по голове.

Она с прищуром подозрительно смотрит на меня

— Были безвозвратно утеряны несколько клеток мозга, но никаких необратимых последствий. Ты именно об этом хотел меня спросить?

— Ммм-мм. Итак, с нетерпением ждешь вечеринки у Жука вечером? — спрашиваю я, меняя тему.

Она морщиться

— Да не особо. Жук меня терпеть не может.

— А Дей меня.

— Наверное, веселенький выдастся вечерок, — говорит она. — Кто-нибудь еще придет?

Я смеюсь

— Неа. Жук вообще-то не очень популярен в здешних кругах.

Натали застенчиво прикусывают губу

— Значит нас будет четверо? Как на двойном свидании?

Я не думал об этом в таком ключе, но... о, блин, у нас, что? Свидание?

— Гмм, — все, что я успел сказать.

— Встаньте в круг, — призывает Себастьян.

Мы снова собираемся в круг и я занимаю место настолько близко к Натали, чтобы это не бросалось в глаза.

— Ну, сказать, что ваши навыки в борьбе на мечах ужасающи, было бы большим преуменьшением, — говорит он, — Питер Гибб, ты должен держать глаза открытыми, когда наносишь удар. Грегори, ты сражался, как будто пытался пробиться через джунгли. Натали — хорошая работа.

Она слегка краснеет, а мои клыки снова пульсируют.

— Когда мы узнаем, как управлять силой наших V-генов? — спрашивает Грегори.

— Вам нужен Дарклинг, чтобы научиться делать это, а вы — жалкая подделка под солдат, которая не может находиться в одной комнате с Дарклингом.

— А как насчет Эша? — предлагает Грегори.

— Ни за что! — отвечаю я.

Себастьян почесывает подбородок, как бы взвешивая данное предложение

— Ну что же, давайте попробуем. Вы так ужасно сражаетесь, что это, возможно, ваш единственный шанс выжить. И вам нужно научиться этому еще до вашей первой охоты, которая будет уже на следующей неделе.

— Мы будем охотиться? Круть! — говорит Грегори.

— Я не собираюсь ни для кого становится подопытным кроликом, — говорю я, но меня никто не слушает.

Натали встаёт и слабо улыбается мне.

Себастьян выключает свет, погружая зал в темноту, и раздаётся несколько испуганных возгласов от кадетов. Его голос движется во мраке, перемещается по комнате, как будто он легко передвигается между нами, даже несмотря на то, что он не должен бы ничего видеть. У меня есть одно большое преимущество над ним — я могу видеть в темноте.

— Расходитесь по залу. Я хочу, чтобы вы все сфокусировали своё внимание на Эше. Представьте себе его перед своим мысленным взором. Вы должны ощутить слабый электрический разряд, когда почувствуете его — это действие вашего V-гена. Ощущение с полукровкой не будет сильным, но вы все же в состоянии заметить его. Я могу.

Быстрым ловким движением Себастьян взмахивает мечом и срезает несколько моих волос.

— Что за хрень! — говорю я, отскакивая назад. — Ты чуть не снес мне башку!

Он только смеется в ответ.

— Себ, мы не можем бегать по темному залу, размахивая мечом друг перед другом. Кто-нибудь может пострадать, — говорит Натали.

— Ну что ж, справедливо. Положите все оружие на пол. Когда найдете кровососа, просто прикоснитесь к его плечу и произнесите:

— Попался, ты мертв!

Я пришел в ярость от того, что меня называли кровососом и мои клыки налились ядом. Правильно, ты же сам просил об этом. Это война.

Раздаётся грохот металла, когда все кладут мечи на пол, затем кадеты начинают двигаться по залу, вытягивая руки в поисках меня, как будто они играют в жмурки. Только Натали и Грегори не двигаются, они оба пытаются воспользоваться своим V-геном.

— Сюда, — шепчу я.

Несколько кадетов начинают двигаться в мою сторону, но я ловко отскакиваю с их пути, и они сталкиваются друг с другом. Кажется, будет весело! Я тихонько обхожу зал,

изредка постукивая по стене позади одного из кадетов, чтобы вывести его за пределы группы. За минуту успеваю отметить троих.

Я касаюсь плеча одного, из ничего не подозревающих кадетов:

— Попался. Ты мертв!

Кадет ворчит и отходит.

— Не надо недооценивать противника, — произносит в темноте Оцарапанная Шея. — Дарклинги обязательно попытаются заманить вас подальше от остальных, где будет проще расправиться с вами.

Так вот что я должен был бы делать? А ведь я не размышлял, а действовал инстинктивно.

Какое-то движение в центре зала, и Грегори начинает двигаться примерно в мою сторону, медленно, не торопясь.

— Выходи, выходи, все равно найду тебя, кровосос, — говорит он.

Он сворачивает направо, явно не ощущая меня вообще. Натали, наоборот, направляется прямо ко мне. Сначала я слишком ошеломлен, чтобы двигаться, и она уже почти рядом со мной, прежде, чем я собираюсь с мыслями и отступаю в сторону. Она тут же поворачивается и идет ко мне снова. Даже в темноте я могу с уверенностью сказать, что она улыбается.

— Эш, нет смысла бежать. Я тебя чувствую, — шепчет она.

Она снова меня чуть было не ловит. Черт подери! Да она и в самом деле меня чувствует!

Да, но я никак не могу позволить ей взять надо мной верх. До этого я никогда не опускаюсь. Я набрасываюсь на Натали, сбивая её с ног и прижимая её к стене.

— Попалась! Ты — труп, — шепчу я насмешливо ей на ухо.

Где-то в темноте Себастьян со своими кадетами двигаются по комнате, приближаясь.

Я высвобождаю руки Натали и ожидаю, что она пойдет прочь, но вместо этого её рука тянется к моему лицу и она легонько проводит пальцами по моим губам, затем по клыкам, заставляя их налиться ядом. От её запретных прикосновений у меня перехватывает дыхание, горло сжимается. Что она делает? Если её поймают за этим занятием...

— Ты можешь сбежать, но ты не сможешь спрятаться, — язвит Грегори где-то справа от меня.

Стыд сжал мои внутренности, как отвратительно то, как моё тело реагирует на неё. В моей голове промелькнул миллион причин того, почему я должен оттолкнуть её, но я не смог. Вместо этого я делаю, что нельзя: протягиваю руку и осторожно касаюсь её лица. У нее вырывается тихий мягкий, хриплый стон, когда кончики моих пальцев исследуют контуры её лица. Как ни странно, сейчас я впервые действительно "видел" её. Мои пальцы составляли карту её особенностей, запоминая все, даже самые мельчайшие детали. У меня внутри борются желание и чувство вины, и я разрываюсь между своим желанием к ней и верностью своему виду. Она — Страж. Это так неправильно! И теперь я уже неспособен контролировать себя. Мои пальцы поглаживают её гладкую кожу, проведя по ямочке на её левой щеке, пока не находят мягкую полноту её губ.

— Эш, — выдыхает она, запрокидывая голову вверх.

Её губы касаются моих. Они едва успевают соприкоснуться, но сила, подобная удару молнии, проходит через них и попадает прямо в моё сердце. Вспышка боли терзает мою грудь изнутри. Натали подаётся назад, и я знаю, что она ошеломлена так же, как и я, когда чувствую это: Второе сердцебиение у меня внутри.

— Натали...

Грубые руки хватают меня в темноте, и Грегори победоносно вопит:

— Попался! Ты мертв, кровосос!

Вспышка света и я быстро отхожу от Натали. Она изучает меня сквозь густые ресницы. Что-то не так. Её губы бледны, она с трудом дышит.

— Что ты с ней сделал, полукровка? — требует ответа Себастьян, бросаясь к ней.

Она открывает рот, но не произносит ни слова. Вместо этого она разворачивается на каблуках и выбегает из зала, хлопнув дверью. Как только она исчезает, боль в моей груди проходит, и я почти верю, что этого никогда и не было. Это все-лишь плод моего воображения? Тогда почему она так отреагировала?

Она тоже это чувствует?

Глава 17

Натали

Себастьян везет меня домой, суется надо мной всю дорогу. Как только мы переступаем порог дома, я отправляюсь в лабораторию Крейвена, притворяясь, что мне нужны еще лекарства для сердца. Губы до сих пор покалывает от моего почти состоявшегося поцелуя с Эшем, моё сердце бешено бьется в груди от моего безрассудного поведения. Что заставило меня ласкать его вот так, перед всеми? Он, наверное, считает меня сумасшедшей! Хотя... он ведь прикоснулся ко мне в ответ.

Нечто очень странное произошло между нами в этом зале. Я действительно чувствую, как сердце Эша бьется у меня внутри? Как такое вообще возможно? Сердца у полукровок вообще не бьются! Мне нужно поговорить с Крейвеном. Возможно, он слышал уже о таких случаях, происходивших прежде.

Он один в лаборатории, склоняется над микроскопом, его очки в форме полумесяца сидят на кончике его длинного носа. На рабочем столе позади него стоят мензурки, наполненные радужными жидкостями; красочными, цветными жидкостями: красной, золотой, зеленой, белой и синей.

На пути к Крейвену я прохожу мимо двери с серебристой отметкой над ней. Что там внутри?

— Здравствуйте, юная леди. Чем могу быть полезен? — спрашивает он.

Я не могу смотреть прямо на него — я боюсь, что он может увидеть на моем лице выражение вины. Никто никогда не должен узнать о том, чем я занималась с Эшем.

— У меня научный вопрос. Мы проходим генетику по биологии и мой учитель сказал, что сердца у полукровок не бьются. Это так?

Крейвен протирает свои очки.

— Верно.

— Парень в моем классе сказал, что знал полукровку, у которого есть сердцебиение, но разве это возможно? Такое когда-нибудь случалось?

— Не думаю. Сердца полукровок не бьются, потому что им просто не нужно этого делать.

— Как это?

— Ну, по официальной теории, полукровки — это проклятые души, вынужденные жить между царствами живых и мертвых

Крейвен скептически морщит лоб. Он берет образец крови из холодильника и помещает пластинку под микроскоп. Я смотрю в окуляр. В кровяной плазме извиваются крошечные микроскопические существа.

— Что они такое?

— Трипаносома вампириум. Они — то, что поддерживает жизнь в полукровках. Они насыщают кислородом их органы...

— Значит, их сердцам просто незачем биться?

— Именно. Поэтому они бездействуют. И это только одна из многих особенностей скрещивания ДНК Дарклингов и людей.

— А могут ли их сердца когда-нибудь... э... заработать?

— Никогда не слышал, чтобы происходило подобное.

Мои плечи опускаются. Должно быть, я просто себе это вообразила. Я имею в виду, я поцеловала Эша... вроде. Это заставит сердце любой девушки выскочить из груди, верно? Очевидно, все именно так и было.

Я иду наверх, более смущенная, чем когда-либо. Мне нужно поговорить с ним об этом сегодня на праздновании дня рождения Жука, но что мне сказать? Я не знаю, что чувствовала во время нашего поцелуя. Мать никогда не простит меня, если узнает, что меня привлек Дарклинг. И я не могу просто забыть тот факт, что моего отца убил Разъяренный. Но разве он не хотел, чтобы Дарклинги и люди жили вместе, как равные? Возражал бы он на самом деле?

Я потираю виски, чувствуя, как начинает болеть голова. Нет смысла терзать этими мыслями свою несчастную голову, пока я не узнаю, что думает Эш о том, что случилось. Сначала разберемся с главным. Мне необходимо каким-то образом избавиться от Себастьяна. Я ни за что на свете не позволю ему идти за мной на баржу к Жуку, чтобы всё испортить. Самый лучший выход для меня — это новый охранник, который будет за мной приглядывать; а уж потом я придумаю, как его сбавить, когда доберусь до дома Жука.

Я иду в комнату к матери. Она сидит на краю своей кровати, уставившись на жемчужный браслет в своей руке. Она одета в длинное голубое платье, туго затянутое на талии, чтобы подчеркнуть её модную тощую фигуру, а ее блестящие черные волосы завязаны в пучок, открывая её худое лицо, которое кажется вытянутым. Если бы я обняла её, то уверена, она рассыпалась бы словно стекло. Думаю, это хорошо, что она никогда не хотела, чтобы я прикасалась к ней.

— Всё хорошо? — спрашиваю я.

— Не могу застегнуть браслет.

Я застегиваю браслет вокруг её тонкого запястья.

— Полагаю, это не визит вежливости. Чего ты хочешь? — спрашивает мама.

— Я хочу нового телохранителя.

— Опять ты об этом?

— Да, опять и снова. Ты же знаешь, что я больше не встречаюсь с Себастьяном. Становится неловко, что он всё время ошивается возле меня, — я умалчиваю, что сегодня вечером у меня свидание с полукровкой и не хочу, чтобы Себастьян об этом узнал.

— Хорошо, — устало говорит мама.

— Спасибо! — ого, да это оказывается проще, чем я ожидала.

— Но только по вечерам и в выходные. Себастьян продолжит приводить тебя в школу и забирать из неё.

Я знала, что получила желаемое слишком легко.

— Почему?

— Потому что я так сказала, — говорит она.

Это лучше, чем ничего.

Я спешу к себе в комнату и немедленно начинаю подыскивать себе наряд для сегодняшнего вечера, одновременно скидывая с себя одежду. Краешком глаза я ловлю своё отражение в большом, во весь рост, зеркале, и приостанавливаюсь, мои глаза задерживаются на вздымающемся шраме, царапине, спускающейся по моему сердцу. Это было глупо, думать, что я ощущала, будто сердце Эша бьется во мне. Как сказал Крейвен, это просто невозможно. С другой стороны, даже если бы сердца полукровки действительно бились, это не объясняет ЧТО именно я почувствовала в своей груди. Единственное рациональное

объяснение произошедшему в том, что моё сердце перенапряглось от боя на мечах, и мне пришлось пережить странные ощущения, вот и все. Так почему же я в это не особо верю?

Полчаса спустя я полностью готова, на мне черные обрезанные брюки, заправленные в высокие сапоги выше колен, короткий топ и пиджак Эша. Я открываю дверь моей спальни, в прихожей меня уже поджидает Себастьян.

— Ты заменила меня? — спрашивает он.

Я прохожу мимо него и смотрю на папины часы на своем запястье. Стекло лопнуло, но я все еще могу увидеть под ним время: четверть седьмого. Я опаздываю! Себастьян тащится следом за мной.

— Да пойми же наконец! — кричу я на него. — Я не хочу, чтобы ты крутился около меня, понял?

— Я не позволю тебе так просто от меня избавиться, — говорит он.

— Убирайся с дороги, пока я не попросила моего нового охранника препроводить тебя вон из здания.

Себастьян стискивает зубы, но отступает в сторону.

Мой новый телохранитель, Малкольм, ждет меня рядом с центральным входом. Ему около сорока, с зачесанными назад волосами и его глаза постоянно бегают по окрестностям в поисках опасности.

— Есть шанс уговорить Вас остаться здесь? — спрашиваю я.

Он качает головой, а я закатываю глаза.

Мы выходим из дома. В воздухе ощущается свежесть после дождя и я нетерпеливо приглаживаю волосы, пытаюсь усмирить кудри. Везде вокруг на улицах были натянуты красочные флаги в рамках подготовки к дню Примирения в ближайшую субботу. Мне хотелось знать, хочет ли все еще Эш видеть меня этим вечером. После моего утреннего побега я, вероятно, последний человек, которого он бы хотел видеть. Но может быть (тут я хватаюсь за соломинку) он хочет поговорить о том, что произошло? Я хочу сказать, что я чувствовала, как бьется его сердце у меня внутри! Я думаю... Ох, я не знаю! Это звучит глупо, но что-то ведь произошло.

Я так увлечена своими мыслями об Эше, что не сразу замечаю, что температура воздуха вокруг меня понизилась на несколько градусов. Внезапно электрический разряд проходит по моей коже, заставляя меня покрыться мурашками, именно так, как это происходило на тренировке Ищеек, когда сработал мой V-ген. Малкольм останавливается. Он чувствует то же самое.

— Что? — шепчу я.

Он исследует место, где мы находимся, проверяя тени на малейший намек движения.

— Вы что-то заметили? — спрашиваю я, а моё сердце безумно колотится. — Одичалого Разъяренного?

Разъяренные стали в последние дни чаще перебираться через стену, главным образом потому, что их стало слишком много, так как болезнь продолжает распространяться в стенах Легиона. У Разъяренных нет страха быть пойманными Ищейками; часть их мозга отключена. Все, что им нужно — это охота.

— Нет, — спокойно говорит он. — Этих можно учуять за версту...

Он ждет еще мгновение, затем показывает мне, что мы можем продолжать движение. Его рука не покидает рукоять меча на всем пути до лодки Жука. Я держусь поближе к нему, переживая, что Дарклинг, которого мы почувствовали, был тем же самым, который убил

Трюфелька и преследовал меня в музее. Я больше не чувствую его. Что ж, возможно, вид Малкольма отпугнул его?

— Жди здесь, — говорю я Малкольму, когда мы добираемся до набережной.

Он морщит лоб.

— Да ради Его Всесилия! Я собираюсь побыть на барже со своими друзьями. Никто не собирается причинять мне зла, и Вы точно будете знать, где я нахожусь. Мы лишь собираемся немного спуститься вниз по каналу.

Он издает какой-то грубоватый звук, который я принимаю за его согласие.

Желтая баржа светится благодаря развешанным на ней гирляндам, калейдоскоп цветных огоньков напоминает мне зимние торжества. Жук и Дей уже на палубе, пьют Шайн из кофейных чашек и флиртуют друг с другом. Обычно неопрятные волосы Жука чисто вымыты и причесаны, одет он в модную рубашку и черные брюки, на Дей простенькое, но симпатичное голубое платье. Жук видит меня первым и что-то ворчит, что явно не является комплиментом, учитывая удар по руке от Дей.

Жук замечает Малкольма, наблюдающего за набережной.

— Он отправляется с нами?

— Нет. Я сказала ему, чтобы он оставался на месте.

Дей предлагает мне выпить, я соглашаюсь, глядя через её плечо, высматривая признаки присутствия Эша. Когда я не вижу его, ощущаю некий дискомфорт.

— Не хочу быть третьей лишней, поэтому, если мы больше не ждем никого, могу оставить вас двоих наедине, — говорю я.

— Эш присоединится к нам через минуту. Он ждет нас под мостом. Я предположил, что ты будешь с охраной, поэтому мы подумали, что будет лучше, если он присоединится позже. — отвечает Жук.

Жук запускает двигатель и через минуту мы спускаемся вниз по течению. Холодный воздух щекочет кожу, звезды горят над головой. Я обхватываю себя руками, дыхание призрачным туманом льется из приоткрытых губ. Скоро пойдет снег.

Мы приближаемся к мосту и Жук ослабляет дроссель, замедляя ход лодки. С глухим стуком она качнулась в одну сторону. Эш появляется секундой позже. Он до сих пор одет в униформу Ищеек со времени сегодняшней тренировки, выглядит он великолепно в красном жакете и черных брюках. Его черные глаза встречаются с моими, и я чувствую слабость в коленях.

— Что это на тебе, братан? Это ж не костюм для вечеринки, — говорит Жук.

— Зато в таком костюмчике по городу проще прогуливаться. Люди уважают Ищеек, — отвечает Эш.

— Это не уважение — это страх, и кому, как не тебе, знать об этом. Как ты можешь? — произносит Жук.

Эш хватает выпивку и опрокидывает её одним махом.

— Отстань. Делов-то. Это просто униформа.

— Меня это злит, и ты это прекрасно знаешь, — отвечает Жук.

— Отвали. Да что ты вообще об этом знаешь? — говорит Эш — У тебя есть хоть малейшее представление, что значит быть полукровкой в этом городе? Я не собираюсь извиняться за то, что хочу хоть раз немного облегчить себе жизнь.

Он снимает свой красный жакет и бросает его на скамейку.

— Слушай, мне жаль, — говорит Жук Эшу. — Мы всё еще друзья?

— Ага, друзья, — отвечает Эш.

— Давайте уже начинать вечеринку! — говорит Дей, наливая мне еще стаканчик Шайна.

Жук ставит музыку и доликает нам выпивку. Я пытаюсь сосредоточиться на том, что говорят Жук и Дей, но подсознательно мой мозг фокусируется на Эше, остро сознавая его присутствие рядом со мной, моё тело снова жаждет его прикосновений.

Я решаюсь на риск и гляжу прямо на него, удерживая его взгляд на секунду дольше, чем необходимо. Воздух вокруг нас потрескивает от напряжения, и острое ощущение темноты скользит по всей моей коже. Взор. Он помечает меня, как свою добычу. Моя, — молчаливо предупреждает он остальных. Я немного дрожу, страшась самой мысли о том, что он меня укусит, но мне нравится сам факт того, что он хочет меня. Все так запутано. Моя разум говорит мне, что он опасен и я должна убежать, но моё сердце удерживает меня здесь.

Жук подхватывает Дей и кружится с ней под звуки музыки.

— Я скучал по тебе, — шепчет ей Жук.

— Я тоже по тебе скучала. Но это ничего не меняет.

— Почему? Ты меня больше не любишь? — спрашивает он.

— Конечно, люблю. И никогда не переставала любить. Но ничего ведь не изменилось. Я говорила тебе, что ты должен выбрать — или Дурман, или я. И ты выбрал Дурман.

— Я ошибся, — он жарко её целует.

Они так увлеклись друг другом, что не заметят, даже если мы с Эшем исчезнем на какое-то время. Мы поднимаемся на плоскую крышу баржи, ложимся на неё, смотрим на звезды, и наши руки прижаты друг к другу. Даже через слои одежды электричество с лёгким треском проникает к моей руке в том месте, где мы соприкасаемся с Эшем. Мы лежим так близко, что я могу видеть крошечные серебристые пятнышки в его черных глазах.

Вдалеке слышится странная, таинственная музыка. Песни Дарклингов, сидящих рядышком друг с другом, частенько слышатся из-за стен гетто Легиона. Это песни о горе, песни о праздновании. Сегодня звучит прекрасная и радостная песня.

— О чем они поют? — шепотом спрашиваю я.

— О Кровной клятве, — объясняет Эш.

— А что это?

— Когда Дарклинг находит Кровную половинку, они поют клятву, чтобы завершить их Союз, как свадебные клятвы. Это примерно переводится как "Так начинается мое сердце, так начинается наша жизнь, навечно". Затем они кормят друг друга, чтобы скрепить связь.

— Это так красиво и совершенно неприлично, — говорю я, полушутя.

Эш встает из-за чего лодку слегка качает. Запрокинув голову к небу, он издает долгий, низкий вой. Откуда-то из гетто Легион другой Дарклинг воет ему в ответ. Затем Эш садится.

— Что ты им сказал? — спрашиваю я.

— Трудно перевести — это больше выражение эмоций. Я сказал им "Любовь".

— Наверно, это трудно для тебя, быть совсем рядом и не иметь возможности увидеть их.

Он вздыхает:

— Я к этому привык.

— Прости, — говорю я.

— За что? Это не твоя вина.

Я опираюсь на локоть.

— Ты скучаешь по своей семье Дарклингов?

— Я никогда её не видел. Не знаю, жива ли моя семья.

— Возможно, однажды стена падет и ты сможешь встретиться с ними, — говорю я.

— Сомневаюсь. Да и вообще, даже если это и произойдет когда-нибудь, я не уверен в том, что они захотят увидеться со мной. Семья моей матери не одобряет моё существование.

— Из-за того, что ты полукровка? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Большинство из них отвернулись от матери, когда она вышла замуж за отца.

— Должно быть, тяжело расти в смешанной семье, когда родители принадлежат двум разным расам.

— Собственно, все было не так уж и плохо. Мои соседи относились к нам очень терпимо, у нас было много друзей. Мой отец был одним из немногих священнослужителей в городе, который читал проповеди и людям, и Дарклингам, так что мои родители были очень активны в обеих общинах. Конечно, все изменилось, как только начался процесс разделения рас.

Ему не нужно было больше ничего говорить. Хотя я была еще совсем ребенком, когда начался этот процесс разделения, но помню, как быстро друзья отворачивались друг от друга только потому, что принадлежали к разным расам.

— Ты говорил, твои родители расстались? — говорю я, вспоминая его разговор с Мартой на рынке.

— Да, — говорит он, не встречаясь со мной глазами.

Я с волнением терзаю ремешок своих часов, беспокоясь о том, что сболтнула лишнего.

— Разве это не мужские часы? — спрашивает он.

Я киваю:

— Моего отца.

— Я сожалею о твоей потере, — говорит он искренне. — Должно быть, это было очень тяжело для тебя.

— Наверное. — Мне не кажется правильным говорить о своем горе с Эшем, ведь мой отец во время войны был вовлечен в процесс отправки Дарклингов в Бесплодные Земли на смерть. Он был честным последователем Пуриана Роуза, пока не увидел всего ужаса концентрационных лагерей. Это стало поворотным моментом для моего отца. Вот когда он перешел на другую сторону.

— Я помню, слышал в новостях, что он погиб при нападении Дарклингов, это так? — продолжает он.

— Да, — говорю я, хотя это и не вся история. Мой голос срывается от горя, хотя прошло уже столько времени. — Некоторые назвали бы это поэтической справедливостью, полагаю.

— Возможно. Почему же ты тогда так добра ко мне?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... я на половину Дарклинг...

— А я и не замечала, — тупо шучу я.

Эш кладет руку за голову, обнажив медный браслет на его запястье. Мне становится стыдно от воспоминания, как я дала Марте что-то подобное, когда мы переехали сюда. Он прикрывает браслет рукавом.

С минуту мы молчим, просто слушая пение Дарклингов. Внезапно он склоняет ко мне свое лицо и атмосфера между нами меняется. Воздух приходит в движение. Пришло время

обсудить то, что действительно у нас на уме. Мы начинаем говорить не сразу. Каждый из нас ждет, что другой начнет первым.

— Извини, что сбежала утром, — говорю я.

— Почему ты ушла?

— Я испугалась.

— Почему? — спрашивает он.

Неожиданно я боюсь говорить ему, вдруг он подумает, что я сумасшедшая, и то, что я чувствовало было не взаправду.

Он приподнимается на локтях.

— Я почувствовал кое-что.

— Что? — во мне нарастает волнение.

— Мне кажется, ты знаешь.

— Я подумала, может, это случилось только со мной.

— Что ты почувствовала?

— Другое сердцебиение, — говорю я, понимая, как это звучат нелепо, как только слова слетают с моих губ. А что, если он в виду что-то другое?

Но он не смеется. Вместо этого он ложится назад и проводит ладонью по своему лицу.

— Я тоже это почувствовал.

— Но как? Ты не... в смысле, полукровки... — я не знаю, как сказать это правильно.

— Нет сердцебиения? — заканчивает он.

— Ага.

— Я не знаю.

Где-то вдалеке, двое Дарклингов продолжают петь свою прекрасную Кровную клятву и мы тихо слушаем, наслаждаясь музыкой. Это так трогательно, узнать, что они нашли свою любовь. Но затем Эш садится прямо.

— Я не могу поверить, что был настолько глупым! — говорит он.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Ты когда-нибудь слышала историю Айгуса и Зантины? — говорит он.

— Нет, — отвечаю.

Эш указывает вверх на полную луну.

— По легенде Дарклингов, богиня луны Селена и бог солнца Солис влюбились друг в друга, но так как она была — ночь, а он — день, то у них не могло быть детей. И, чтобы угодить жене, Солис создал мальчика — Айгуса — из звезд. — Он указал на созвездие из шести звезд. Я взглянула, пытаюсь найти это созвездие. — Селена так сильно любила Айгуса, что вырезала для своего сына второе сердце, чтобы убедиться, что он будет жить вечно.

Я улыбаюсь, хотя не уверена, что правильно поняла, где именно это созвездие находится.

— Айгус был счастлив, но по мере того, как он становился старше, ему становилось все более одиноко. Он не хотел жить вечно, если это значило одиноко блуждать в темноте, поэтому он вырвал свое второе сердце и бросил его на Землю.

Я смотрю на рот Эша пока он говорит, зачарованная плавным изгибом его губ. Сконцентрируйся, Натали!

— Когда Айгус заплакал, его слезы упали на Землю, образуя первые океаны. Он в изумление увидел, как из моря медленно вышла прекрасная женщина, с его брошенным сердцем, бьющимся у неё в груди. Он нарёк её Зантина, "моя вечная любовь". Вне себя от

радости они танцевали среди звезд, и их движения создавали галактики. С этого момента, Айгус и Зантина сделали так, чтобы каждый Дарклинг рождался с двумя сердцами, и второе начинало биться каждый раз, когда они встречали свою Кровную половинку, как напоминание об их любви.

Мои глаза широко распахиваются

— Так вот почему второе сердце Дарклингов приходит в действие? Это так прекрасно.

Я не имела ни малейшего представления.

Эш заключает мое лицо в ладони и проводит большим пальцем по губам.

— Есть причина, по которой я хотел, чтобы ты знала эту историю.

— Какая? — шепчу я, едва в состоянии сосредоточиться на чем-то другом, кроме его пальцев на своей коже.

— Ты — моя Кровная половинка.

Его сердцебиение пульсирует в моих венах, и я знаю, что это правда.

— Это сводит тебя с ума? — спрашивает он.

Я кусаю свою губу. Это слишком, чтобы принять. Когда я проснулась сегодня утром, я не была даже уверена, что нравлюсь Эшу и теперь он говорит мне, что мы Кровные половинки. Все происходит так быстро, что нормальная девушка уже бежала бы без оглядки, но правда в том, что я не напугана и даже удивлена. Быть с Эшем так же естественно для меня, как дышать.

Я переплетаю свои пальцы с его. Я пыталась бороться со своими чувствами с того момента, как мы встретились под мостом, но нет нужды притворяться больше. Я — его Кровная половинка. Это объясняет каким странным образом мое сердце реагирует всякий раз, когда он рядом и то, что я не могу прогнать мысли о нем из своей головы. Это облегчение во многих смыслах, узнать, что мои чувства к Эшу — большее, чем просто влечение, что это нечто прекрасное. Что нам суждено быть вместе. Но даже так, я не могу полностью избавиться от вины, что меня привлек Дарклинг. Убеждение, что люди и Дарклинги не должны быть вместе укоренилось во мне за годы; это не могло измениться в одночасье. Но изменение когда-то же должно начаться. По крайней мере, так однажды сказал мне отец.

— Нет, не сводит. А тебя это беспокоит? — спрашиваю я.

Он мотает головой

— Это кажется таким...

— Естественным?

Он кивает.

— Но как это вообще возможно? Я человек, — говорю я.

— Не знаю. Может, потому что я наполовину человек, это действует по-другому на меня?

— Не думаю, что сейчас это действительно имеет значение. Я просто счастлива, что это произошло.

Он сияет.

— Клянешься?

— Клянусь, — говорю я.

— Так что же теперь с нами будет? Ничего не изменилось. Я все еще полукровка...

— А я дочь Эмиссара.

— И это незаконно, — осторожно напоминает он.

Я знаю, мы играем в опасные игры. Если нас поймают, то казнят точно так же, как Тома и Яну. Стоит ли рисковать? Эш поглаживает меня по щеке, и все мое тело покалывает, пробуждаясь, оживая.

Ответ: Да.

— Я хочу быть с тобой. Нам просто надо быть осторожными, — говорю я.

— Если кто-нибудь узнает...

— Никто не узнает. — Я поднимаю на него глаза.

Его глаза пылают черным огнем, его губы раскрываются немного по мере того, как он наклоняется ближе, его дыхание слегка холодит мою щеку. Будто я на вершине горки, готовая к спуску с нее в любую секунду, предвкушение нарастает. Почти... почти...

Наши губы встречаются. Я вздыхаю прямо перед его ртом, а затем растворяюсь в нем, пока он жадно целует меня. Биение его сердца отдается у меня в ушах. Его руки ласкают мое лицо и спину. Он притягивает меня к себе и мы оба задыхаемся от мощного взрыва искр между нашими сердцами, открывающего невидимый проход между нами, впускающий все его эмоции внутрь меня: его удовольствие, его любовь, его радость. Они заполняют мое сердце, пока мне не начинает казаться, что оно взорвется от переполняющих меня чувств.

Ощущения слишком сильные, и я вырываюсь, моя грудь вздымается

— Что это было?

Его губы складываются в идеальную улыбку

— Единение наших душ. Твоя стала частью моей, а моя — твоей.

Я закидываю руки ему на шею и снова прижимаюсь своими губами к его.

— Какого черта здесь происходит?

Звук голоса Дей заставляет нас отпрянуть друг от друга. Дей и Жук сердито смотрят на нас с палубы.

— Все не так, как выглядит, — я говорю инстинктивно, хотя знаю, что это глупо, когда мы были пойманы с поличным.

Эш помогает мне подняться и мы спускаемся по лестнице.

— Выглядит это так, будто вы в засос целовались, — говорит мне Дей.

— И? Ты не можешь указывать мне, кого целовать, — говорю я. — Кто, черт возьми, думаешь, ты такая? Пуриан Роуз?

— Он — дилер наркотиков, он разрушает жизни людей, — говорит Дей.

— Эш не виноват, что Жук предпочел тебе кайф, — огрызаюсь я в ответ.

Дей вздрагивает, будто от пощечины.

— Будь ты настоящей подружкой, то была бы счастлива за меня, — я говорю ей.

— Будь ты настоящей подружкой, то даже не рассматривала бы возможность быть с Эшем, — немедленно отвечает Дей.

Эш делает шаг в направлении Дей

— Я не забираю Натали у тебя. Если ты за это переживаешь.

— Как ты забрал Жука, ты имеешь ввиду? — говорит она.

Я закатываю глаза.

— В моей жизни есть место для вас обоих. Нет нужды ревновать.

Она ошетиливается:

— Я не ревную...

— Ты ведешь себя именно так, — отвечаю я.

— Эш Фишер — плохое влияние, дилер Дурмана и козел, — говорит Дей. — Если ты

уйдешь с ним — мы больше не подруги. Итак, кто это будет?

Я смеюсь:

— Ты серьезно предлагаешь мне сделать выбор между тобой и Эшем?

— Да, — говорит она.

— Отлично. Я выбираю Эша, — говорю я.

На ее лице отражается боль. Мне было бы жаль ее, но я просто слишком зла. Как она смеет ставить мне ультиматум?

Жук берет ее за руку и враждебно смотрит на Эша

— Братан, что ты творишь? Она же дочь Эмиссара!

— Да, и что? — спрашивает Эш.

— Что случилось с тобой, парень? Сначала ты становишься Ищейкой, а потом зависаешь с девчонкой из Центрума? Знаешь, как называли людей вроде тебя во время войны? Предатели.

Эш набрасывается на Жука. Они падают на палубу и дерутся, осыпая друг друга дикими пинками. Эш одним метким ударом попадает по лицу Жука, разбивая ему нос. Он снова заносит кулак.

— Эш, остановись! — умоляю я.

Эш немедленно отпускает Жука

— Даже не думай снова назвать меня предателем, — кричит он.

Дей бросается к Жуку и пытается остановить кровотечение. Она смотрит на меня, я в ответ враждебно смотрю на неё.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Эша.

— Ага, я...

БА-БАХ!

Лодку дико трясет. Эш бросается к штурвалу, который остался без присмотра во время борьбы, и направляет лодку обратно на курс. Когда тряска проходит, я проверяю ущерб лодки. Царапина на лакокрасочном покрытии и разбито несколько фонарей, но к счастью лодка серьезно не пострадала.

Жук берет штурвал, и мы сидим в гневном молчании, не глядя друг на друга. Я желаю, чтобы баржа стала пароходом, и мы быстрее были дома. Чем скорее я уберусь от этой дурацкой баржи и Дей, тем лучше. Я думала, что мы хорошие друзья, но если она не может порадоваться за меня и Эша, то очевидно я ошибалась. Лодка наконец подходит к причалу, и Жук выключает двигатель. Я собираюсь сойти на берег, когда Эш хватает меня за руку, останавливая.

— Что-то не так. Я чувствую кровь, — говорит он. Я вижу, как у него шевелятся волосы.

— Малкольм! — кричу я.

Я выпрыгиваю из лодки и устремляюсь на набережную, страх сжимает мое горло с каждым шагом. На траве лежит тело. Так много крови... так же, как у Трюфелека... так же, как у отца. Одежда Малкольма разорвана, демонстрируя отверстие в его груди. Я подавляю крик.

Его сердце вырвано.

Пара фар освещает дорогу рядом с нами, направляясь в нашу сторону. Должно быть, Стражи уже вызваны на место происшествия.

— Иди. Здесь небезопасно, — говорю я Эшу.

Эш бросает последний долгий взгляд на меня и исчезает в тени.

Вернувшись в мою спальню, Марта заворачивает меня в одеяло и крепко обнимает. Она такая мягкая и округлая, это как обнимать подушку.

— Это моя вина. Я сказала ему ждать там. Если бы я не... — Мои слова прерываются новым потоком слез.

Она гладит мои волосы, шепча утешения на ухо. Часть меня не может не возмутиться отсутствию моей матери рядом. Она переложила даже свои материнские обязанности на прислугу. Я для нее — всего лишь еще одна рутинная работа, которую нужно сделать.

— Что еще хуже, я почти чувствую облегчение, — признаюсь я. — Это мог бы быть Себастьян. Это очень ужасно?

Она качает головой

— Ты заботишься о нем, и не важно, что происходит между вами двумя.

Я слышу стук в дверь и входит Себастьян, беспокойство отражается на его красивом лице. Марта отходит в сторону, когда он притягивает меня в объятия и целует в лоб.

— Я говорил с твоей матерью. Было ошибкой позволить Малкольму сопровождать тебя сегодня; мы договорились, что я буду единственным, кто будет защищать тебя с этого момента, — говорит он.

Я ожидала этого, и сказать честно, я благодарна. Мысль, что Дарклинг по-прежнему на свободе, охотится за мной, ужасает. Я знаю, что Себастьян никогда не позволит ему причинить мне вред.

Я выпрямляюсь, вспоминая кое-что

— Кто-то преследовал нас ранее.

— Ты уверена? — спрашивает Себастьян.

— Да, Малкольм почувствовал это. Сейчас я уверен, что это кто-то, убивший Трюфельку и преследовавший меня в музее.

Я снова расплакалась. Зачем я выходила сегодня? Я должна была вернуться в тот момент, когда Малкольм почувствовал, что что-то было не так. Я не понимаю, что происходит. Почему этот Дарклинг преследует меня? И зачем он вырывает сердца своих жертв?

— Я хочу побыть одна, — говорю я.

Как только они уходят, я хватаю с пола куртку Эша и закутываюсь в нее, позволяя слезам свободно струиться по моему лицу, больше всего на свете желая, чтобы он был здесь со мной. Я вдыхаю запах его куртки, и мое сердце трепещет.

Кровная половинка. Я его Кровная половинка.

Дверь открывается, и Полли проскальзывает в комнату. Она ложится рядом со мной и гладит мои волосы. Зигзаги ее шрамов выглядят отчетливее в лунном свете. Слезы льются сильнее при воспоминании о том, как она так же успокаивала меня в старые добрые времена, прежде чем пострадала.

— Я встретила парня, — доверяюсь я ей. — Но он Дарклинг. Я не знаю что делать. Мать убьет меня, если узнает, и после того, что случилось с отцом... Я просто чувствую себя предательницей по отношению к нему, когда хочу быть с Эшем.

— Ты не предаешь отца — ты прославляешь его. Он хотел, чтобы Дарклинги и люди были на равных. Он умер ради этого, — шепчет она в ответ.

— Но они так опасны, — отвечаю.

— Этот парень опасен? — спрашивает она.

— Он моя Кровная половинка. Он никогда не причинит мне вреда.

Я рассказываю ей о сердце Эша, как я его запустила

— Он не похож на тех, других Дарклингов. Он добрый и благородный, и он заботится обо мне.

— Звучит, будто ты знаешь чего хочешь, — отвечает она.

— Мне страшно, — признаюсь я.

Полли сжимает мою руку.

— Не живи в страхе. Если ты хочешь быть с ним, так будь. Будь смелой, сестренка.

Ее слова прокручиваются в моей голове. "Будь смелой". Я сделаю все возможное. Я хочу быть с Эшем и я буду бороться за него, но глубоко внутри, я боюсь, что у нас никогда не будет счастливого будущего. Полли обнимает меня, и вскоре я засыпаю.

* * *

Я нахожусь в красной пещере. Стены вокруг меня пульсируют, и я наконец понимаю почему они настолько теплые и липкие на ощупь. Эта пещера не сделана из камня; она сделана из плоти. Ужас пронизывает меня. Где я?

Ребенок с бритой головой стоит в центре пещеры, из одежды на нем только зеленый лист вокруг пояса. У его ног лежат трупы Малкольма и Трюффелька. Кровь непрерывным потоком покидает их тела, наполняя комнату, пока не достигает моих лодыжек.

— Чего ты хочешь? — кричу я.

Мальчик подносит свои руки к лицу и начинает рыдать, ужасный, пугающий звук. Он медленно поворачивается, его руки все еще скрывают лицо. Что-то ужасающе неправильно.

Я кричу, когда понимаю что это.

Там, где у мальчика должно было быть сердце — дыра.

Глава 18

Эш

Сегодня напряженный день. Я не захожу за Жуком, и он вваливается в класс после того, как звенит утренний звонок. Выглядит он хуже, чем обычно, а его нос все еще опухший после нашей вчерашней потасовки.

Он направляется к парте Дей.

— Ты чего делаешь? — со злостью шипит она.

— Присаживаюсь? — говорит он.

— Не рядом со мной, — отвечает она.

Он хмурит лоб:

— Но... вчера мы целова...

— Шшш, — говорит она, прикладывая палец к своим губам. — Ничего не изменилось. Я не могу быть с тобой. Проваливай.

Вуаля, и уши Жука опять становятся ярко розовыми. Он осматривает класс в поисках другого места. Осталось всего два свободных: одно за столом рядом с моим, с девушкой по имени Аннабель, которая выглядит так, будто её вырвет, нежели она позволит сесть ему рядом с ней, второе рядом со мной.

Он выбирает меня. Я не здороваюсь; все еще зол на то, что он назвал меня предателем. Да что он, черт возьми, вообще, знает?

До меня доносится болтовня Аннабель с двумя девушками, сидящими перед ней.

— Я могу достать для вечеринки немного Золотого Дурмана, — тихонько говорит она им. — Его можно купить у того парня, мистера Табса.

При упоминании имени "мистер Табс", мои клыки начинают пульсировать. Он заправляет притоном на Шантильи Лейн, где торгуют Дурманом, а Линус работал на него. Я удивлен тому, что кто-то еще покупает Золотой Дурман, после того, как был убит Линус, но опять же, Одурманенным по большому счету плевать на риск; они просто хотят словить кайф. Кроме того, не все же, кто сидят на наркоте, умирают. В противном случае, он бы не стал таким популярным среди Одурманенных. Линусу просто не повезло.

В этот момент в класс входит Себастьян, сопровождая Натали. Мое сердце делает кувырок. На ее губах мелькает улыбка, но она тут же ее прячет. Себастьян ведет ее к парте Дей.

— Не сюда, — говорит она и садится рядом с Аннабель.

— Буду ждать тебя на крыльце, когда закончатся занятия. Не задерживайся, — говорит он ей.

Она кивает, но не смотрит на него, когда он уходит.

Начинается урок, поэтому все мы достаем наши учебники, чтобы получить задание на дом на выходные. Натали бросает на меня взгляд всего на несколько секунд, но для меня он так много значит. Мне нужно поговорить с ней, я должен узнать, на чем мы остановились. Я отрываю клочок бумаги от своей тетради и царапаю на ней записку:

"Не могу перестать думать о тебе".

Я скатываю записку в шарик и выжидаю, пока Аннабель не встает, чтобы подточить свой карандаш, прежде чем бросить его на стол к Натали. Она смотрит по сторонам, проверяя не наблюдает ли кто, прежде чем развернуть записку. Улыбаясь, она быстро пишет

ответ.

Беря несколько карандашей, она идет к Аннабель, бросая записку на мой стол, когда проходит мимо. Ловкость её рук настолько хороша, что никто, кроме Жука, ничего не замечает. Он одаривает меня неодобрительным взглядом, но он может идти к черту. Это не его дело.

Я разворачиваю записку:

"Я тоже. Что дальше? Я готова рискнуть, а ты?"

В голову приходит воспоминание о том, как были казнены Том Шрив и Яна Марвик. Разве я могу на это пойти? Смею ли я так рисковать? Натали садится на свое место и бросает на меня взгляд своих красивых ярко-голубых глаз, ожидая ответа. Кровь в жилах неожиданно закипает.

Я киваю.

Она застенчиво улыбается.

Натали сует написанную мною записку к себе в сумку. Я пихаю её записку к себе в карман. Не могу поверить, что мы собираемся это сделать, но в то же время, возникает такое чувство неизбежности. Нам суждено быть вместе. В тот самый миг, когда мы встретились, наши судьбы переплелись; мы были предназначены друг другу.

Рядом со мной судорожно всхлипывает Жук. Он пытается сдержать слезы, глядя на Дей.

— Мне очень жаль, приятель. Она не знает, что теряет, — говорю я прежде, чем успеваю остановиться.

Он вытирает глаза и пожимает плечами.

— Да какая разница.

Я шепчу про себя проклятия. С чего это я такой добренький с ним после того, как он обозвал меня прошлой ночью? Внутри меня вспыхивает ярость.

— Я не предатель, — шепчу я, чтобы нас не подслушали. — Я не из тех Дарклингов, которые связывались с Ищейками во время войны. Она моя Кровная половинка. Ты понимаешь, что это значит?

Он смотрит на меня распахнутыми глазами:

— Я не знал.

— Ты думаешь, мы стали бы рисковать, если это не было так серьезно? Честно, я думал, что из всех людей, уж ты-то порадуешься за меня. Ты такой эгоист.

— Она дочь Эмиссара. Правительство стражей бомбило наш город, они убили моих родителей. Я не могу вот так просто забыть об этом, — отвечает он.

— Никто и не просит тебя забыть, — говорю я. — Просто обвиняй того, кто этого заслуживает. Натали не имела ничего общего с теми артналетами. Родителей не выбирают; это не делает ее плохим человеком.

— Я понимаю. Прости, брат, я был таким засранцем.

— А то.

— Между нами все нормально? — спрашивает он.

Пожимаю плечами:

— Я подумаю.

Остаток дня проходит лучше, чем обычно лишь по одной причине: Натали. Мы сохраняем расстояние между нами, чтобы люди не заподозрили ничего и стараемся, чтобы нас не видели вместе слишком часто. Но даже несмотря на это, мы обмениваемся тайными улыбками и записками. Ее сердцебиение внутри моего, как будто я ношу кусочек вместе с

собой, куда бы не отправился.

В какой-то момент дня начинает идти снег и к тому моменту, когда он заканчивается, город покрыт белым одеялом. Я с Жуком направляюсь к театру. Натали и Дей уже в темном кабинете, все так же не сидят вместе. Я украдкой бросаю взгляд на Натали, и мое сердце делает сальто. Не могу поверить, что мы вместе. Жук съезжает на своем месте и закрывает глаза. Он выглядит потным и бледным. Либо он заболевает, либо снова собирается подсесть на Дурман. Скорее, последнее. Я не собираюсь давать ему Дурман, если смогу избежать этого. Чем больше времени проходит между дозами, тем меньше он нуждается в нем.

Наш учитель искусств, мистер Кимбл, стройный мужчина в бархатном костюме с пэчворком, поднимается на сцену и начинает наш урок с того, что раздает нам роли для разыгрывания сцены из спектакля Элворда "Деметрий и Елена". В зале раздаются стоны парней и хихиканье девчонок. Мистер Кимбл назначает наши роли. Естественно, что главные роли пьесы достаются самым популярным студентам класса.

— Кто хотел бы помочь с декорациями и освещением? — спрашивает мистер Кимбл.

Наши с Натали руки взлетают вверх.

Бормотанье парней становится громче, когда мы направляемся за кулисы. Мы с Натали ищем реквизит для декорирования сцены, пока основной состав "актеров" получает реквизит для своих костюмов.

— Мне нужно найти меч, — бормочет Жук, направляясь вглубь коморки с реквизитами.

Дей раздумывает, какой костюм ей нужен, пока остальные просто расхватывают то, что поближе. Натали медленно подходит ко мне и мы делаем вид, что рассматриваем деревянную коробку с одеждой. Наши руки скользят под материалом, и я сплетаю свои пальцы с её. Щеки Натали краснеют.

Дей бросает на нас едкий взгляд.

— Похоже, Дей все еще сердится на нас? — шепчу я Натали.

— Она может злиться сколько ей угодно. Это ее вина, что мы больше не подруги, — отвечает она.

— Может, стоит сделать ей хоть какую-то поблажку?

Натали приподнимает бровь.

— Я за неё переживаю. Она совсем одна, — говорю я.

— В этом ей стоит винить лишь себя. Если она извинится, я готова простить ее, но до тех пор — она сама по себе, — говорит Натали.

— Всем вернуться на минуту назад на сцену, — говорит мистер Кимбл.

Натали берет немного реквизита с собой, возвращаясь в аудиторию, пока я смотрю на Жука. Он спрятался в углу комнаты между двумя вешалками с костюмами. В его руке находится флакончик с Дурманом, который отливает золотом, совсем как тот, который был у Линуса.

Я хватаю флакончик, кидаю на пол и давлю ботинком.

— Что это ты делаешь? Предполагается, что ты завязываешь с этим? — стараюсь говорить негромко, спрашиваю я.

— Я не могу, братан. Я не настолько силен.

— Нет, еще как силен.

Он опускает глаза

— Мне нужна лишь небольшая доза, чтобы продержаться.

Его кожа приобрела болезненный вид. Руки дрожат. Он и в самом деле выглядит очень

нездоровым. Я знал, что были случаи, когда пытавшиеся соскочить с Дурмана, умирали.

Вздыхаю.

— Этот раз — последний.

Он отклоняет голову в сторону, обнажив две старые раны от прокола. Чувство вины заполняет меня, но ему это нужно. Я погружаю свои клыки в его шею. Горячая кровь течет по моему языку, и на секунду хищник во мне жаждет выпить его до дна. Я успеваю выпустить в него небольшое количество яда, прежде чем...

— Что вы делаете? — раздается рядом пронзительный голос.

Я оборачиваюсь и вижу Дей, у которой руки заняты реквизитом. Она роняет все предметы на пол и выскакивает из комнаты.

— Дей, подожди, прости, — говорит Жук, спеша за ней.

Я вытираю кровь со своих губ, ненавидя себя.

Я направляюсь в аудиторию к Натали. Мы взбираемся на стропила над сценой и проверяем осветительные приборы, пока остальные студенты репетируют свои роли. Даже отсюда, сверху, ощущается напряжение между Дей и Жуком, когда она выкрикивает свои реплики к нему в комедийной сцене, пока он просто безмолвно ей кивает. Я дал ему всего лишь каплю Дурмана, но даже от этого он, кажется, чувствовал себя несколько отстраненно.

— Это весьма креативный способ сыграть эту сцену, — говорит мистер Кимбл. — Но, возможно, в следующий раз вы добавите сюда немного... э... юмора?

Дей покидает сцену, Жук неуверенными шагами плетется вслед за ней.

— Что это с ними? — шепчет Натали.

Не люблю лишний раз напоминать ей о том, что торгую Дурманом, но и врать не могу. Поэтому я рассказываю ей правду, включая тот факт, что пытаюсь отвоевать Жука у наркоты.

— Я чувствую себя последним засранцем за то, что даю лучшему другу Дурман, — признаюсь я.

— Ты пытаешь ему помочь, — говорит она.

Мы садимся на стропила, свешиваем ноги вниз, наблюдая за игрой.

— Эш, зачем ты торгуешь Дурманом? — спрашивает Натали.

— Нам с отцом нужны деньги, — говорю я.

— Он знает, чем ты занимаешься?

Я киваю.

— Он в ужасе от того, что меня могут арестовать, но у меня нет выбора. Если был бы какой другой способ заработать деньги, я бы им воспользовался, но его нет. В этом городе такой возможности для меня не существует.

Натали смотрит на медный ободок на моем запястье

— Такие люди, как моя мать, уже позаботились об этом.

— Тебя беспокоит то, что я торгую Дурманом? — спрашиваю я, прикрывая браслет.

— Да, — признается она. — Но я принимаю тебя таким какой ты есть — плохим или хорошим, так же как ты принимаешь меня, несмотря на мою семью.

Я скольжу рукой по стропилам, пока кончики наших пальцев не соприкасаются. Это небольшое утешение, но я не могу рисковать, держа её за руку. Вдруг кто-нибудь взглянет на нас снизу?

Урок окончен и ученики спешат наружу, чтобы поиграть в снежки. Воздух свежий и холодный, и в городе ощущается мир, впервые за последние недели. Ученики смеются и

бегают вокруг городской площади, играя в снежки и прячась за тремя крестами. Снег на крестах порозовел, так как он размочил кровь, присохшую к дереву. Жутковато смотреть, как ребята играют рядом с крестами, но такова жизнь в Блэк Сити. Куда бы ты ни повернулся, все напоминает тебе о смерти. Но нужно выбросить это из головы, иначе дальше просто не сможешь жить.

Мне в лицо прилетает снежный ком.

Жук глуповато ухмыляется мне. Ему явно лучше. Я бросаю в него снежок и он, шатаясь, отступает, словно его подстрелили. Натали хихикает. Я хватаю немного снега и шутливо кидаю в нее.

— У тебя большие неприятности, Фишер, — предупреждает она, зачерпывая немного снега.

У нас разгорается настоящая снежная битва и через минуту мы все промокаем от снега, превратившегося в ледяную воду, но нам все равно. Дей выходит из школы, как обычно, со стопкой книг в руках, и закатывает глаза, видя нас. Жук бросает в неё снежком, и попадает ей в щеку с большей силой, чем, я уверен, он хотел. Она натывается спиной на Натали и сбивает их обеих с ног. Библиотечные книги Дей рассыпаются вокруг них, и содержимое сумки Натали тоже вываливается в снег. Другие ученики останавливаются, чтобы посмотреть на это зрелище.

Жук бросается Дей на помощь.

— Отвяжись от меня! — кричит она. Ее щеки красные и влажные там, куда попал снежок.

— Прости... я... это была ошибка, — бубнит он.

Она сгребает свои книги, глядя на меня

— Бьюсь об заклад, Фишер, это ты подговорил Жука. Ты отвратительно на всех влияешь.

— Эй! — возражаю я.

— Не смей так говорить про Эша, — шипит Жук.

Мы никогда не слышали, чтобы он так раньше разговаривал с Дей и это нас удивляет.

— Эш мой лучший друг и отличный парень. Он ни на кого дурно не влияет, — говорит он.

Дэй надменно шмыгает носом

— Правда? Он подсадил тебя на Дурман.

— Нет, не подсадил, — он смотрит на Дей глазами, полными стыда. — На дурь меня подсадил Линус. Последний год Эш только и делал, что пытался отвоевать меня у Дурмана. Именно этим мы и занимались в комнате для реквизита. Он мне помогал.

Дей резко выдыхает, потом смотрит на меня, нахмутив брови.

— Думаю, тебе стоит извиниться перед Эшем, — говорит Натали Дей.

Дей поджигает губы. Она никогда не станет просить у меня прощения.

— Забудь, — мямлю я.

Дей перекидывает свои черные как смоль волосы через плечо и шагает прочь.

— Ей действительно следовало извиниться, — говорит Натали, пока я собираю выпавшие из ее сумки книги и карандаши.

На нас падает тень. На фоне штормового неба появляется силуэт Себастьяна, на его светлых волосах тают снежинки.

— Отвали от нее, кровосос, — говорит он.

Я поднимаюсь, сердце бешено бьется. Себастьян замечает комья снега на моей одежде и облачко белой пудры на Натали.

— Он помогал мне поднять книги, Себастьян, — быстро говорит Натали. — Кто-то бросил в меня снежком и я упала. Это так глупо.

Ясно, что он пытается решить, верить ей или нет. К счастью, он наклоняется и подбирает оставшиеся учебники.

И я замечаю его.

Кусочек порванной бумажки, припорошенный снегом возле ноги Себастьяна.

Сердце стучит в груди, словно отбойный молоток. Холодный пот выступает у меня на лбу.

Натали выглядит встревоженной; она тоже его видит. Не дай ему заметить его, не дай ему заметить его, не дай ему заметить его. Себастьян засовывает все книги обратно в сумку Натали и передает ей. Я выдыхаю.

— Спасибо, — говорит она.

— Пойдем, — приказывает он.

Он делает шаг и тогда видит эту бумажку под своей ногой.

Мир замирает.

Себастьян поднимает записку, быстро пробегая ее глазами.

Я сглатываю.

Руки Натали сжимаются в кулаки, она пытается остановить дрожь.

Он медленно поднимает на нее взгляд, его зеленые глаза горят

— Я не могу перестать думать о тебе?

Вот, дерьмо.

Она облизывает губы, а потом, я знаю, что не специально, но бросает на меня мимолетный взгляд. Себастьян поворачивается и пристально смотрит на меня. Он сжимает в кулаке записку.

— Она от того парня, Криса Томпсона, — говорит Натали. — Он предложил мне погулять с ним, но я отказалась. Но он продолжает писать мне записки. Это щекотливая ситуация.

Себастьян смотрит на меня слишком долго. Я не могу дышать.

— Себастьян, нам реально уже пора идти. Темнеет, — говорит Натали.

Он бросает записку обратно в снег и грубо берет Натали за руку. Они проходят через городскую площадь. Я начинаю дышать как только они уходят.

* * *

Небо исчезает в белой пелене, метель кружится на улицах города, делая дома похожими на заснеженные горы. Я тащусь к дому Криса под ворчание своего желудка, надеясь, что он все еще нуждается в Дурмане после того, как я сорвал вчерашнюю встречу. Мне нужно немного Крови Синт-1, я уже целую вечность не ел. Где-то на краю моего сознания возникает мысль, что его не было сегодня в школе. Не было и Грегори, что странно — Грегори никогда бы ни пропустил занятия в школе. Может быть, они оба заболели? Надеюсь, что нет, по крайней мере, не Крис.

Моё сердце все еще бешено колотится после этой стычки с Себастьяном. Я думаю, Натали удалось убедить его своей отговоркой. Я не могу поверить, что опасность была так

близка. Мы вместе всего несколько часов, но нас уже чуть было не поймали.

Я спускаюсь по Конечной улице, следуя своим обычным маршрутом вдоль Пограничной стены. Охранники — Дарклинги окидывают меня поверхностным взглядом, и я могу поклясться, что слышу, как они шепчут обо мне, пока я прохожу мимо — предатель, перебежчик, пособник — но они ведь не могут знать, что я встречаюсь с Натали. Должно быть, это в моей голове. Но, несмотря на это, я ускоряюсь, поскорее уходя от них.

Я прохожу через сторожевые ворота, направляясь к Кратеру, заводскому кварталу, и нахожу дом Криса и Грегори среди шумных заводов и складов, извергающих облака удушливого дыма и токсинов прямо в воздух. Прямо над витыми шпильями заводов находится гигантский экран, на котором постоянно проигрывается один и тот же фильм о Пуриане Роузе. Он доброжелательно улыбается с экрана, произнося дурацкие лозунги, вроде "работа — путь к свободе" или "любовь к работе — это любовь к своей стране". Проходя, я показываю ему средний палец.

Волосы у меня на затылке вдруг становятся дыбом. Кто-то наблюдает за мной. Я останавливаюсь и разглядываю строения. Там ничего нет. Вероятно, я слишком нервный после этой стычки с Себастьяном.

Я стучу в зеленую дверь дома близнецов Томпсонов. Последовала долгая пауза, пока я слышу приближающиеся к двери шаги. Мне открывает женщина средних лет, её каштановые волосы спутаны вокруг её веснушчатого лица. Глаза у неё красные и влажные.

— Чем могу помочь? — говорит она, ее голос дрожит от волнения.

— Я хотел узнать, если Крис...

Глаза женщины расширяются, когда она узнает меня.

— Марк!

— Что такое, Энни? — дверь распахивается, и на пороге появляется мордоворот, который смотрит на меня снизу вверх.

Просто будь спокойным. Я откашливаюсь

— Простите за беспокойство...

Мужчина хватается меня за рубашу

— Что ты сделал с моим сыном?

— Уберите от меня руки! — отвечаю я, вырываясь из хватки мужчины. Было ошибкой прийти сюда. О чем я думал?

— Кто это, пап? — говорит Грегори, бросаясь к двери.

Он останавливается, как вкопанный, когда видит меня. Он смотрит на меня со жгучей ненавистью, которая искажает его лицо.

— Ты убил моего брата! — кричит он, бросаясь ко мне.

— Я его не убивал! — говорю я, озадаченный, и неожиданно ужасаюсь. Крис мертв?

Грегори поднимает кирпич, отвалившейся от низкой стены вдоль дороги. Я отступаю, но мои ноги скользят по мокрому снегу и я падаю на землю. Уже через секунду Грегори оказывается на мне.

— Я убью тебя за то, что ты сделал, — кричит он, занося кирпич над головой.

— Я вызываю гвардейцев Стражей! — Мама Грегори влетает обратно в дом.

— Ты ошибаешься, — говорю я.

Грегори разбивает кирпич о мой висок, красные пятна расцветают у меня перед глазами. Потом мир погружается во тьму.

Я просыпаюсь от ослепительного света. Это рай? Мой отец всегда описывает небеса, как яркий белый свет. Нет. Мой вид не попадает туда, мы уходим в другое место — в Небытие. Резкая боль пронзает мою голову там, куда меня ударили. Точно не в раю. Я моргаю пару раз и даю привыкнуть глазам к свету. Сначала думаю, что я снаружи, свет такой пронзительный. Потом все приходит в фокус: двери, ультрафиолетовые полосы света, блестящие металлические стены.

Я вою, когда меня поражает еще один сильнейший приступ боли, как будто тысячи рук разрывают меня на куски. На моем теле нет и намека на одежду, его покрывают красные пятна и волдыри в тех местах, где ультрафиолетовые лучи от источников света, висящих на потолке, обжигают мою кожу.

Я пытаюсь пошевелиться, но понимаю, что это бесполезно. Моя левая нога прикована к стене тяжелой серебряной цепью. Вот дерьмо, дерьмо, дерьмо.... Я дергаю цепь, которая обжигает мои ладони и лодыжку, но не сдвигается с места.

Металлическая дверь с шумом открывается, и мать Натали, Эмиссар, появляется на пороге. Она складывает руки перед своим отвратительно тонким телом, кости её грудной клетки хорошо видны под натянутой кожей. В ней нет ни душевности, ни мягкости Натали, нет ничего с ней общего, кроме василькового цвета глаз. В коридоре позади неё вижу Марту — служанку-Дарклинга, которую я спас на рынке — она отмывает грязные пятна с пола. Озабоченность появляется на её лице, когда она видит меня. Эмиссар нетерпеливо прогоняет её.

Эмиссар Бьюкенан входит в мою камеру, и охранники закрывают дверь. Она держит в одной руке пакетик Крови Синт-1, а в другой небольшой предмет, который я не могу разглядеть.

— Я не убивал Криса, — говорю сквозь потрескавшиеся губы. — Я даже не знал, что он был мертв.

Она довольно долго пристально разглядывает меня, а затем показывает содержимое второй руки — игральная карта с двумя сердцами. Моя визитка! Я дал её Крису на этой неделе.

— Ничего тебе не напоминает? — интересуется она.

— Вы не можете меня держать здесь. У меня есть права.

— У тебя нет никаких прав помесь. Ты не человек.

Я дергаю свои цепи, а с губ слетает тихий рык.

Она с опаской отступает назад

— Я рекомендую тебе, контролировать себя.

— Я не убивал Криса, — еще раз говорю я. В мой голос закрались нотки отчаяния.

— Крис Томпсон умер от передозировки Дурманом. Ты единственный полукровка зарегистрированный в городе и у него имелась одна из твоих визиток, которые, как меня информировали, ты раздавал своим "клиентам". Это единственное, необходимое нам, доказательство.

В мой желудок падает пушечное ядро. Не могу поверить, что это происходит наяву! Меня собираются казнить, за преступление, которое я не совершал.

— Просто сознайся в содеянном, и все будет кончено, — говорит она ледяным тоном.

— Я его не убивал!

Она делает отмашку рукой и секунду спустя на полную мощность зажигаются ультрафиолетовые лампы. Я снова взываю, когда моя кожа разрывается от боли. Она машет рукой и свет становится слабее. Я сворачиваюсь в клубок, мое тело дрожит. Мне срочно нужна кровь, чтобы исцелиться. Где-то на задворках разума, меня мучает вопрос, почему она лично допрашивает меня, а не один из её бандюгов.

Эмиссар размахивает перед моим носом пакетиком с кровью.

— Разве не это твоё пропитание, полукровка?

Я отказываюсь смотреть. Не собираюсь умолять о еде, словно пес.

Она вынимает из прически шпильку и вонзает её в пакет. Кровь капает на пол рядом со мной, как раз на расстоянии вытянутой руки. Ноздри мои раздуваются, а с клыков капает яд.

— Этот пакетик с кровью может быть твоим, — негромко говорит она. — Все, что тебе нужно, это сознаться в убийстве Криса.

— Ни за что.

Она сжимает пакетик и на пол стекает еще больше крови. Я зажимаю глаза.

— Просто признайся...

— Нет.

— Признавайся!

Мой желудок крутит и сводит судорогами. Запах крови опьяняет, он такой сладкий и манящий и...

Я встаю на карачки и слизываю кровь с пола. Это так унижительно. Я отвратителен себе. Но не могу остановиться, она так хороша на вкус... Все, что тебе нужно — это сознаться и остальное твоё. Моя кожа незамедлительно исцеляется, когда я восполняю кровавой голод, красная плоть становится розовой, а затем жемчужно-белой.

Где-то, за пределами клетки, раздаются громкие голоса и спустя секунду стальная дверь распаивается и в комнату врывается высокий Дарклинг. На лице позолоченная маска.

Сигур!

Посланник-Дарклинг срывает маску, открывая разъяренное лицо. Почерневшие царапины шрамами пересекают его щеки и перечеркивают один из его огромных оранжевых глаз. Его здоровый глаз мечется от моей прикованной ноги и окровавленных губ к пакетiku с кровью в руке у Эмиссарши. Он понимает что происходит.

— Немедленно развяжите его! — приказывает он.

— И не подумаю, — говорит Эмиссар. — Он подозревается в совершение убийства...

— Не было никакого преступления. Паренек умер от передозировки. Это была глупость, но не убийство.

— Это мне судить, — отвечает Эмиссар. — И как Вы смеете врваться сюда и задавать мне подобные вопросы? Ваши дипломатические привилегии не дают Вам право приходить и вмешиваться в мои дела без предварительной договоренности.

Уголки губ Сигура дергаются, но он сдерживается. Он почтительно кланяется, на что Эмиссар удовлетворенно скалит зубы.

— Эмиссар, — вежливо начинает он, однако, я вижу, что каждое слово дается ему с трудом, — произошло недоразумение. Этот мальчик невиновен. Если Вы отпустите его, то это будет шагом к примирению между двумя нашими расами.

Эмиссар щурит глаза, явно взвешивая свои возможности. Если Сигур Марвик личнс

заявился сюда, чтобы требовать моего освобождения, это означает, что у него есть ко мне какое-то дело. Стоит ли рисковать возникновением еще одного конфликта между нашими расами ради меня?

— Отпустите его, — наконец, говорит Эмиссар Бьюкенан.

Охранники приносят мою одежду и снимают с меня оковы. Я быстро одеваюсь и следую за Сигуром через лабиринт коридоров в вестибюль. Двери лифта с шумом открываются и в зал врывается Натали.

— Эш! Марта рассказала мне, что тебя держали в камере. Слава Его Всесилию, ты... — Она замечает Сигура и на её лице мелькает страх.

Он проносится мимо Натали, даже не бросив мимолетного взгляда на неё. Я хочу обнять её, сказать, что все в норме, но не могу этого сделать на глазах у Сигура. Я следую за ним на улицу. Землю укрыл свежий снег и он блестит почти голубым светом в лунном свете.

— Ты сильно пострадал? — спрашивает Сигур.

— Переживу. Откуда Вы узнали, что я здесь?

— Мой лейтенант отслеживала тебя. Она связалась со мной, когда увидела, что произошло, — отвечает он.

Я так и знал, что кто-то следил за мной!

Он с секунду изучает меня.

— Ты так похож на Аннору, — тихо говорит он.

Я делаю резкий вдох при упоминании имени своей матери.

— Пойдем со мной, Эш.

Сигур протягивает руку, подзывая меня.

Я стою в замешательстве. Снег тихонько укрывает пространство между нами и миллион мыслей проносится в моей голове, главным образом о способах его убийства. Из-за этого человека распалась моя семья. Тем не менее, я хотел бы знать, чего он хочет. Кроме того, он только что спас мою шкуру. Я вздыхаю и неохотно иду с ним.

Мы идем по городским улицам и я коротко рассказываю ему о своем задержании и допросе.

— Я не понимаю, почему она так отчаянно пытается обвинить меня в смерти Криса. И почему Эмиссар чувствовала себя обязанной допрашивать меня лично, — произношу я.

— У Эмиссара всегда есть свои причины, хотя меня очень беспокоит тот факт, почему она хочет обвинить именно тебя, — говорит он — Я просто рад, что ты не пострадал. Когда мой лейтенант рассказала мне, что случилось, я боялся худшего.

— Почему Вы просили её идти за мной? — интересуюсь я.

Сигур останавливается и поворачивается ко мне. Он не надел свою золотую маску, так что я все еще могу смотреть ему в лицо. Его кожа и волосы такие белые, что он почти исчезает на фоне снега.

— Ты — сын Анноры. Твоя безопасность для меня очень важна.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому просто продолжаю идти. Мы приближаемся к главной городской площади и Сигур останавливается под тремя крестами, напоминая мне о казни Тома и Яны.

— Девушка-Дарклинг была Вашей родственницей? — спрашиваю Сигура, припоминая её имя: Яна Марвик.

— Племянницей.

Я уставился на него.

— И Вы позволили им так с ней поступить?

— Она сделала свой выбор. Как это ни прискорбно, но она знала закон. Я ничего не мог поделать. Она была виновна в этом преступлении.

— Вы могли возмутиться тому, что её задержали. Вы могли отдать приказ Вашим охранникам похитить её, Вы...

— Я не могу нарушать закон, не теперь, когда начались пограничные переговоры с Эмиссаром. Если есть хоть малейший шанс расширить нашу территорию, я должен им воспользоваться. Мои люди отчаянно нуждаются в большем пространстве. Мы не можем влезать сейчас в излишние проблемы. — Сигур притрагивается к деревянному кресту. Рука дымится и покрывается ожогами, но он не убирает её. — Она понимала.

Именно поэтому я так сильно ненавижу его! Если бы там, наверху, была Натали, я бы сделал все, чтобы спасти её. Моё сердце дрожит от одной мысли о ней. Сигур окидывает меня любопытным взглядом. Может ли он слышать это?

Напротив нас, на другой стороне площади старинные часы на самом высоком школьном шпиле зазвенели печальную мелодию.

— Мне не нравится, что эта школа так близко к нам. Это мучение для моих охранников. — произносит Сигур.

— Потому что им все время приходится бороться с искушением напасть на нас? Я думаю, мы должны выглядеть довольно аппетитно, — отвечаю я.

Сигур качает головой

— Я приказал им не делать этого. Охранники Легиона должны повиноваться моим приказам, или приказам моих родных, таких, как ты. Это наш закон. — объясняет он.

Я вопросительно приподнимаю бровь

— Я тебе не родня.

— И все же, по законам Дарклингов, ты — мой сын. Аннора — моя Кровная половинка, ты — её сын. Это делает тебя моим Кровным Сыном. Связь между нами так же сильна, как если бы ты был рожден от моей собственной плоти и крови.

Я неуверенно улыбаюсь, на самом деле не зная, как мне к этому относиться. Отец у меня уже есть, но мне всегда хотелось узнать, как бы это было, если бы у меня был отец — Дарклинг, если бы был кто-то, кто бы понимал меня.

И пока я ненавижу Сигура за то, что из-за него распалась моя семья, он делает то, что для него трудно. Если бы он не убедил Эмиссара отпустить меня, я был бы точно казнен за смерть Криса. Он спас мне жизнь. Может быть я недооценил его?

Сигур идет к воротам, и охранники Легиона встают по стойке смирно.

— Еще минутку, — говорит он им, и поворачивается, чтобы посмотреть на меня своими глазами, похожими на тлеющие угольки:

— Надеюсь, ты не будешь возражать, если я спрошу: как там твоя мама поживает?

— Это, должно быть, шутка?

— Шутка? Я так не думаю, хотя я не совсем понимаю человеческий юмор.

Он что, серьезно? Затем меня осеняет. Он просто не знает.

— Мама заразилась вирусом Разъяренных, — говорю я.

Сигур пошатывается и охранники Легиона бросаются к нему, но я подхватываю его первым и помогаю присесть на ближайшую скамейку.

— Я не понимаю. Я думал, что поэтому Вы прогнали её. — произношу я.

Сигур качает головой.

— Тогда почему?

Сигур изо всех сил пытается говорить, но его голос прерывается от волнения.

— Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за тебя, — почти шепчет он, — я хотел, чтобы ты жил с нами. Она сказала, что не может поступить так с твоим отцом — ты был всем, что у него осталось. И я поставил её перед выбором — он или я. — Он поднимает свои сверкающие оранжевые глаза на меня. — Она выбрала твоего отца.

— Поэтому Вы изгнали её из Легиона?

— Я не горжусь тем, что сделал, — вздыхает он — Когда она не вышла на контакт со мной в последние несколько недель, я предположил, что она все еще в ярости. Я ничего не знал...

Мама предпочла нас Сигуру? Я запустил руку в волосы. Я ошибался на её счет все это время. Она действительно любит меня.

— Сколько времени у неё осталось? — спрашивает Сигур.

— Немного.

Сигур смотрит вдаль, на его лице не отражается никаких эмоций, так как он пытается переварить все это. Он встает и отходит на несколько шагов.

— Сигур? — зову я, следуя за ним.

Он опускается на колени, его фиолетовая мантия распласталась на снегу, и он выпускает низкий, жалостливый вой. Его песня о боли и потере. Горе наполняет меня, пока я слушаю его. Я наконец смотрю в лицо правде: мама умирает. Охранники Легиона наблюдают за нами со стены. Песню не подхватывает никто из Дарклингов, они понимают, что это только наше горе и оставляют нас в покое. Когда Сигур прекращает петь, он поднимается и удивляет меня, осторожно расположив руки по обе стороны от моего лица.

— Я хотел бы, чтобы ты пришел в Легион и навестил свою семью.

— Прямо сейчас? — спрашиваю я, опешив.

Сигур опускает руки и кивает

— Как там в одном человеческом изречении? Так, не упускай момент?!

Я колеблюсь. Я очень хочу побывать внутри Легиона, мои внутренности аж сводит от этого, но мой отец болезненно воспримет моё отсутствие, не зная, где я могу находиться. С тоской смотрю на Пограничную стену.

Я вздыхаю:

— Мне надо домой. Папа, наверное, там с ума сходит.

— Тогда ты придешь завтра, вместо того, чтобы праздновать день Примирения. Да? — спрашивает Сигур.

Я усмехаюсь:

— Даже дикие лошади не смогут удержать меня.

Металлические ворота открываются, и он проскальзывает внутрь. Ворота закрываются за ним. Я прикасаюсь к грубой каменной стене кончиками пальцев.

Завтра я окажусь по другую сторону стены.

Глава 20

Натали

— Поверить не могу, что ты делала это с Эшем! С каких пор ты начала пытаться людей?
— спрашиваю я, следуя за матерью в лабораторию.

Себастьян и Крейвен уже там, наряду с несколькими Стражами, которые стоят в ожидании перед дверью с серебряной меткой над ней. Они новенькие, я никогда прежде их здесь не видела. Что такого важного скрывает там Крейвен?

Мать поднимает на меня свои холодные голубые глаза

— Он не человек. Он — бездушный полукровка. Почему ты так о нем волнуешься?

— Я не волнуюсь о нем, — вру я, — Но он невиновен. Он не убивал Криса Томпсона.

— Ну, вряд ли это важно, сделал он этот или нет. Сигур Марвик об этом позаботился, — отвечает мама, её глаза пылают от ярости.

Упоминание имени Сигура напоминает мне, что я видела его наверху с Эшем. Что делал Эш с посланцем Дарклингов? Почему он не говорил мне, что они знакомы?

— Как смеет Сигур так просто выдвигать здесь требования? Это мой дом. Если он хочет увидаться со мной, он сначала должен получить разрешение, — говорит моя мама, ни к кому не обращаясь, просто произнося свою напыщенную речь вслух.

— Этому Дарку нужно знать свое место, — обращается Себастьян к матери. — Мы должны лишить его дипломатических прав и запретить ему покидать Легион.

Мама язвительно смеется.

— Да я бы с удовольствием, но я должна хотя бы сделать вид, что Сигур имеет какой-то авторитет. Иначе Дарклинги перестанут выполнять его приказы. Он нужен мне, чтобы контролировать всех этих кровососов.

— Не называй их так, — возмущаюсь я, гнев закипает во мне.

— С каких это пор тебя заботит, как я их называю? — интересуется мама.

— А с каких пор ты начала думать, что пытаться невинных детей — это в порядке вещей?
— парирую я — Серьезно, что с тобой случилось, мама?

— Не смей разговаривать со мной в подобном тоне, юная леди...

— А то что?

— Я буду вынуждена тебя наказать.

— За что? За то, что указала, что нельзя пытаться людей, что это неправильно? — с недоверием говорю я. — Если это вдруг стало преступлением, тогда вперед, накажи меня.

Мама даёт мне пощечину. Моя кожа горит в том месте, где она ударила меня, но я не реагирую. Не хочу доставлять ей такого удовольствия.

— Себастьян, уведи мою дочь отсюда. У меня есть кое-какая работа, — набрасывается она на него. — И убедись, что она не покинет свою комнату. Она под домашним арестом.

Я открываю рот, чтобы возразить, но потом передумываю. Пусть запирает меня — мне все равно. Себастьян берет меня за руку и ведет обратно по металлической лестнице. Я гляжу через плечо на маму, которая разговаривает с Крейвеном.

— Открывай дверь, — говорит она ему, указывая на камеру с серебряной меткой над ней.

— Эмиссар, Вы уверены?..

— Просто подготовь операционный стол, — обрывает его она.

— Но ведь он не готов, — кротко говорит он.

— Мне все равно. Мы не укладываемся в сроки, — отвечает она.

Я дергаю Себастьяна за рукав, когда мы достигаем площадки с видом на комнату.

— Я хочу посмотреть, — шепчу я ему, мне очень любопытно узнать, что же скрывают в этой камере.

Вижу, ему тоже интересно. Мы подходим к небольшому стальному барьеру, чтобы получить лучший обзор. Трое охранников осторожно входят в крошечную тьму клетки. Что-то рычит. Слышны звуки борьбы, затем громкий вопль, и один из охранников выбегает из комнаты, его лицо изранено в клочья. Я зажимаю руками рот, чтобы не закричать.

Мама отступает немного, так как оставшиеся два стражника выходят из комнаты, ведя сопротивляющееся существо. Они тянут его на операционный стол, стоящий посередине комнаты и отходят назад. Я начинаю задыхаться.

Это мальчик. Если быть точной, это обнаженный мальчик.

Я не должна смотреть, но мои глаза прикованы к нему. Он моего возраста, низкого роста, со спутанной гривой шоколадного цвета волос, которая окружает кошачьи черты лица. Его кожа медового цвета покрыта коричневыми пятнами, как у леопарда, покрывающими бока и ноги. Мои глаза расширяются, когда я замечаю длинный пятнистый хвост, обвитый вокруг его ноги.

Охранники закрепляют мальчика на столе, и Крейвен быстро делает ему инъекцию. Он сопротивляется и набрасывается на Крейвена, пытаясь укусить его своими длинными, как сабли зубами, его глаза сверкают золотом. Его движения постепенно замедляются, руки расслабляются, он теряет сознание.

— Действуй, — приказывает мама.

Крейвен щипцами открывает рот мальчика и вводит шприц в мягкие ткани позади одного из саблевидных зубов. Медового цвета жидкость наполняет шприц.

— Ловко, — шепчет Себастьян, — Это же Бастет. Никогда прежде не видел ни одного живого.

Крейвен извлекает иглу и кладет её на поддон рядом с собой.

— Что мама делает с этим Бастетом? — шепотом спрашиваю я у Себастьяна.

— Они нашли естественную защиту против Дарклингов, это как токсичный яд и этот спрей с ужасным запахом, который они распыляют... я думаю, ты не хочешь знать, откуда он.

— Так это то, что было в том спрее "Пошел прочь, Разъяренный"? — спрашиваю я, помня тот ужасный смрад, когда Крейвен использовал его на Разъяренном тогда, когда я впервые была здесь.

Себастьян кивает

— Возможно. Давай, пойдем уже.

Я приглядываюсь к мальчику-Бастету в последний раз. Его веки вздрагивают, как будто он потерялся в ужасном кошмаре. Хотела бы я знать, о нас ли его сон.

* * *

На следующий день я прошлась по своей комнате, замыслив побег так, чтобы не попасться на глаза Себастьяну или маме. Я звонила Эшу ранее и предупредила о том, что я под домашним арестом, но мне очень хотелось увидеть его... так или иначе. Мне нужно убедиться, что с ним все в порядке после прошлой ночи. И еще мне любопытно, почему он

ушел с Сигуром Марвиком.

Раздается стук в мою дверь и Себастьян входит до того, как я приглашу его. Он держит в руках письмо и улыбается до ушей.

— Всё хорошо?

— Меня вызывают в Центрум, чтобы провести несколько дней с Пурианом Роузом, — говорит он, затаив дыхание и показывая мне письмо.

Я просматриваю написанное. Нет сомнений, Себастьян приглашен на духовный семинар, устраиваемый Пурианом Роузом.

— Там будет всего дюжина приглашенных — это действительно привилегия, — радуется он.

— Мои поздравления, — сухо говорю я.

Хотелось бы мне знать, что такого сделал Себастьян, чтобы пробудить интерес у Пуриана Роуза. Это должно быть что-то грандиозное. Я подумываю поговорить с Себастьяном о его поездке, но мысль о том, что несколько дней он не будет дышать мне в спину слишком хороша...

— Приятно провести время, — желаю ему.

— Я договорился с Куртом и Аароном, чтобы они охраняли тебя, пока я в отъезде.

— Потрясающе, — ворчу я. Два охранника? Ppp!

— Я иду собираться, — Себастьян чмокает меня в щеку и уходит, напевая что-то веселое себе под нос.

В этот момент моё сердце вздрагивает, и я спешу к балкону, зная, что это значит. Эш стоит, прислонившись к балюстраде, застенчивая улыбка играет на его красивых губах.

— Я подумал, что раз ты не можешь прийти ко мне, то я приду к тебе, — говорит он.

Я обхватываю его руками и мы обнимаемся.

— Как ты оказался на моём балконе незамеченным?

Он показал на плоскую крышу в нескольких футах над нами

— Это на удивление легко, забраться сюда, если знаешь как.

Я кусаю губы. Возможно, именно так другой Дарклинг смог попасть в мою комнату незамеченным. На крыше ведь нет охраны.

— Там наверху потрясающий вид, — говорит он. — Пойдем, я покажу тебе.

Он взбирается на крышу и втягивает за собой меня. от этого движения мы падаем и я приземляюсь на него, хихикая. Мы садимся и разглядываем обгорелые городские руины. Это действительно потрясающе. Церковные колокола торжественно звонят, возвещая о праздновании годовщины дня Примиения, пока ленты черного дыма украшают небо. Улицы под нами заполнены семьями, нарядившимися в их лучшие одежды, все куда-то торопятся. Тогда я начинаю замечать и менее приятные вещи: танки Стражей, патрулирующие улицы, перегородки из колючей проволоки, Пограничная стена.

Над нами в сером небе летит ворон, его длинные черные крылья рассекают облака дыма и пепла, которые по-прежнему осыпаются на город.

— Иногда мне хочется, чтобы я могла улететь отсюда, — говорю я.

Эш встает и берет меня за руку.

— Куда мы идем? — спрашиваю я.

— Ты мне доверяешь?

— Да... я доверяю тебе, — отвечаю я — Так куда мы идем?

Он усмехается:

— Летать.

Он переходит на бег, моя рука по-прежнему переплетена с его рукой. Мне приходится бежать на пределе сил, чтобы успевать за ним. Край крыши все ближе и ближе. Я начинаю паниковать.

— Эш!

Мы будем падать, мы разобьемся, мы умрем, мы...

Эш вместе со мной подпрыгивает в воздух. Всего какое-то мгновение кажется, что мы летим, в то время, как перепрыгиваем на здание на противоположной стороне улицы. Мы приземляемся с глухим ударом на крышу. Я улыбаюсь ему.

Он отпускает мою руку и направляется к следующей крыше. Расстояние между зданиями не такое уж и большое, ведь город обычно переполнен жителями. Поэтому оказывается так просто путешествовать таким путем. Теперь я не удивлена, что Эш беспрепятственно забрался на крышу моего дома. Я следую за ним, как в игре в кошки — мышки. Город вокруг меня сливается в одно сплошное пятно, пока мы перепрыгиваем с крыши на крышу. Ледяной ветер развеивает мои волосы и покалывает щеки, и какое-то время я чувствую себя птицей, парящей в небесах.

Я прыгаю с очередной крыши, и Эш ловит меня, когда я приземляюсь. Мы падаем в объятия друг друга. Его тело прижато моим, но его упругие мышцы легко справляются с моим весом. Каждый раз, когда мы дышим, мое тело двигается с его телом, как будто я качаюсь вверх — вниз на волнах

Я очерчиваю пальцем контур его губ, и он вздыхает, слегка раздвигая их, и я могу видеть кончики его клыков. Моё сердцебиение учащается. Их вид и пугает, и волнует меня. Я осторожно прикасаюсь своими губами к его.

Между нами пробегает очень сильный электрический разряд.

Я смеюсь:

— Ты это почувствовал?

— Что? — притворяется он.

— Электрический разряд?

Он мотает головой, но я знаю, что он лжет.

— Может, стоит попробовать еще раз? — предлагает он.

Я закатываю глаза

— Только ради научных целей.

Мы снова целуемся и сквозь мое тело, будто проходит удар. Он сильнее прижимает меня и наш поцелуй становится более глубоким. Я могу почувствовать его клыки у моих губ, но это не неприятное чувство. Через несколько минут я неохотно отодвигаюсь, но продолжаю лежать на нем, просто прислушиваясь к биению его сердца. Он играет с моими волосами, наматывая мой локон на свой указательный палец.

— Ты должна почаще распускать свои волосы. Они такие красивые, — бормочет он.

Я смеюсь. Никто прежде не называл мои волосы красивыми, даже Себастьян. Но не думаю, что я на самом деле сильно ему нравилась, он просто хотел обладать мной. Эш удовлетворенно вздыхает.

— Ты счастлив? — спрашиваю я.

— Да.

Я устраиваюсь на нем поудобнее и его сердце ускоряется. Я все еще нахожу этот звук потрясающим. И это я его запустила.

— Каково это, не иметь сердцебиения? — тихонько спрашиваю я.

Он какое-то время молчит и я думаю, не ляпнула ли чего лишнего.

— Это был ад, — наконец, говорит он. — Это будто застрять между жизнью и смертью; я мог ходить, говорить, дышать, есть, но живым по-настоящему не был. Я никогда не был частью этого мира.

— А теперь ты часть этого мира?

— Да. Благодаря тебе.

Я теснее прижимаюсь к нему.

— У тебя одно сердце, как у людей или два, как у Дарклингов? — Я мало что знаю о физиологии полукровок, а мне хотелось всё знать об Эше.

— У меня только одно сердце, как у человека. Однако, когда я встретил тебя оно заработало точно таким же образом, как второе сердце у Дарклингов, так что, полагаю, как бы там я не был устроен внутри, во мне сочетаются обе расы.

— Ты унаследовал лучшее от обоих миров? — спрашиваю я.

Он посмеивается.

— Никогда не думал об этом прежде в таком ключе. Я всегда считал, что мне досталось всё самое худшее.

Мы продолжаем обниматься, пока солнце не начинает закатываться за город. Облака в небе сменяют тяжелые и черные тучи, угрожающие разразиться бурей. Я слышу, как вдалеке, в Легионе, жутко воя, перекликаются друг с другом Дарклинги, будто очнулись от спячки. Эш спокойно слушает.

— Тебе хочется быть с ними? — Я перекатываюсь на живот, чтобы увидеть его лицо.

— Да. Нелегко быть единственным полукровкой в городе. Мне...

— Одиноко? — заканчиваю я за него.

Он кивает:

— Но я больше не чувствую одиночества.

Он берет мою руку и кладет к себе на грудь. Его сердце под моей ладонью бьется монотонно и уверенно.

— Так прекрасно иметь Кровную половинку. Ты всегда со мной. Я не одинок, — говорит он.

— Но разве тебе не хочется встретиться со своей семьей? — спрашиваю я.

— Я увижу свою семью сегодня вечером.

Он рассказывает мне о Сигуре и что его пригласили в Легион. Не знаю почему, но неожиданно меня заполняет ничем не объяснимый страх. Я не хочу, чтобы он туда шел, но не могу сказать ему, чтобы он не виделся со своей семьей.

— Откуда ты знаешь Сигура? — спрашиваю я.

— Они с моей мамой Кровные половинки. Когда разразилась война, моя мама ушла от папы, чтобы быть с Сигуром.

— Это должно было быть очень тяжело для тебя и твоего отца, — говорю я.

Он вздыхает:

— Все нормально. Кажется, я наконец понял, что у неё не было выбора. Если она испытывала к Сигуру то, что я чувствую к тебе, у неё просто не было другого варианта, кроме как быть с ним.

— Как они познакомились? Ты не обязан рассказывать, — быстро добавляю я, понимая, что опять веду себя бестактно. Мне любопытно узнать, как он жил, до встречи со мной.

— Перед началом войны, мама была связана с Фронтом Легиона "Освобождение", еще когда они были защитниками гражданских прав, а не борцами за свободу, — объясняет он.
— Ей в самом деле было не наплевать. Она даже ходила в ректорат Университета Блэк Сити, требуя, чтобы и Дарклинги имели возможность получать образование.

— Ого, поверить не могу, что она в этом участвовала, — говорю я, вспоминая, что отец рассказывал мне об этом.

Он кивает:

— Сигур возглавил движение. Она безумно влюбилась в него еще до того, как познакомилась с ним. Папа частенько поддразнивал её за это, он считал это глупой влюбленностью в местную знаменитость. Думаю, он был не прав. Дело в том, что, как мне кажется, мама, в конце концов, все равно ушла бы от папы.

— Почему ты так думаешь?

— Они боролись за меня. Чем глубже мама погружалась в дела, связанные с движением за гражданские права, тем сильнее ей хотелось растить меня, как Дарклинга.

— А отец этого не хотел?

— Он считал, что мне будет проще влиться в общество, если я буду больше человеком. Они никогда не спрашивали, чего хотел я.

— И чего же ты хотел?

— Я хотел быть Дарклингом. Я хотел бы жить со своей матерью, когда была возведена стена.

— Почему же ты с ней не жил?

Эш глядит куда-то вдаль

— Она никогда не предлагала.

— Я рада, что ты остался. Иначе, мы бы никогда не встретились, — говорю я.

А потом он целует меня. Медленно и мягко, и мое тело наполняется солнечным светом, заставляя расцветать каждую клеточку. Когда мы, наконец, прерываемся, он встает и помогает мне подняться на ноги.

— Мне правда нужно идти. Они ждут меня.

Я опускаю взгляд

— Обещаешь, что вернешься ко мне?

Он приподнимает мой подбородок и нежно целует в губы.

— Ничто не может нас разлучить, — говорит он.

Грозовые облака над нами, в конце концов, прорывает дождем, и первые капли падают мне на щеку. Меня охватывает озноб. Надеюсь, что он прав.

С глухим звуком металлические ворота медленно открылись. Мои нервы на пределе. Наконец-то я окажусь внутри Легиона! Я не стал говорить отцу, что собираюсь сюда. Он даже не знает, что я встречался с Сигуром прошлой ночью, и об аресте тоже я не стал ему говорить. Это только расстроило бы его, на его долю достаточно страданий из-за мамы. Он думает, что я провожу сегодняшний вечер с Жуком.

Двое охранников появляются на лестничной площадке, я вижу их силуэты в лунном свете. Ростом эти двое футов по семь и здоровые, как медведи. Сигур стоит между ними и, хотя он не так высок, как они, но излучает гораздо больше энергии. Его белокурые волосы связаны сзади бронзовой лентой, одет он в оранжевую, со сложной вышивкой мантию, которая отлично подходит к его сверкающим глазам. Он без своей золотой маски, но с другой стороны, ночью ведь нет солнца, которое могло бы обжечь его кожу.

Он обнимает меня, и я напрягаюсь. Я не готов прямо так сразу вжиться в роль примерного Кровного Сына, до этого еще пока далеко. Охранники проводили нас на охраняемую территорию и закрыли главные ворота. Один из наших сопровождающих кричит команду привратникам вторых ворот и они открываются. Меня встречает другой сопровождающий, и одаривает меня клыкастой улыбкой. Он тоже Дарклинг-Элока, как и я, с черными глазами и волосами, только его лицо более резкое и угловатое, с заостренным подбородком и длинным носом.

— После Вас, — говорит он, низко поклонившись.

Я переступаю через порог.

Я внутри!

В первую очередь меня поражает запах. Гниение, канализация и болезни — все самые худшие запахи на земле, и все сразу атакуют мой нос. Сигур обнадеживающе кладет мне руку на плечо.

— Ты довольно быстро привыкнешь к этому, — говорит он мне, затем поворачивается к одному из охранников, — иди вперед и подготовь банкет для моего гостя.

Охранник кивает и уносится вперед.

Я дышу ртом, в ужасе от окружающих меня достопримечательностей. Мы в колоссального размера трущобах, заполненных ветхими хижинами. Земля покрыта пеплом, грязью и таким, о чем я даже думать не хочу. Возле каждой хижины изможденные женщины-Дарклинги умоляюще поднимают своих детей, зовя меня на своих родных языках.

Наш сопровождающий ведет нас через лабиринт проходов и узеньких улиц. Я стараюсь запомнить путь, но вскоре все же теряюсь в этом лабиринте. Сам я отсюда никогда не смогу выбраться.

Охранник рассматривает меня от макушки до пят.

— Ммм... Не сильно он от нас и отличается. Просто немного пикко.

— Пикко? — повторяю я за ним странное слово.

— Маловат, — объясняет Сигур.

Двое мужчин смеются, а щеки мои краснеют. До этого, я никогда не считал себя маленьким, но в тоже время, меня растили среди людей. Дети Дарклингов с любопытством обступают меня. Я улыбаюсь им, стараясь изо всех сил выглядеть дружелюбно. В конце

концов, они для меня родная кровь, моя так называемая семья. Они вовсю таращатся на меня широко раскрытыми, черными глазами.

Мой сопровождающий кивает в их сторону: — Я не позволю им подобраться слишком близко, полукровка.

— Почему?

— От тебя несет человеческой кровью, а они голодны.

Блин! Я потихоньку придвигаюсь ближе к своему проводнику. Чем больше я вижу, тем больше осознаю, как истощены Дарклинги голодом; большинство немногим отличается от ходячих скелетов с клыками.

Сигур отогняет их прочь.

— Не переживай, Эш. Может ты и пахнешь человеком, но вместе с тем они чувствуют частичку Дарклинга в тебе. Мы не каннибалы.

Сопровождающие незаметно бросают на него виноватый взгляд.

— До тех пор, пока не останется выхода.

От этого мне легче не становится.

— Постойте-ка. Разве Стражи не дают вам синтетическую кровь? — спрашиваю я.

— Редко и, как правило, они отправляют нам испорченную кровь. Загрязненную, — говорит Сигур.

— Чем?

— Небольшой дозой раствора акации. Этого достаточно, чтобы мы заболели и ослабли и не смогли бороться с людьми. Мы едим её, если нет выбора.

Мы подходим к длинной гребной лодке, похожей на каноэ, качающейся на водах канала. Наши сопровождающие садятся за весла и бесшумно гребут, увозя нас через город Дарклингов прочь от Пограничной стены и прочь от безопасности. Здания вокруг нас становятся более ветхими, с провалившимися внутрь крышами и обрушившимися стенами. Стены шевелятся внутри зданий без окон, и я понимаю, что это Дарклинги, висящие вниз головой со стропил, как летучие мыши, наблюдающие за мной своими блестящими любопытными глазами. Тревожная мысль приходит мне в голову.

— Я увижусь со своей семьей? — говорю я, внезапно разволновавшись.

— Мы все — твоя семья, — отвечает Сигур, указывая на Дарклингов вокруг нас.

— Нет, я имел ввиду своих ближайших родственников. Тетей, дядей, ну и так далее...? Я никогда с ними не встречался.

Они перестали общаться с мамой, когда она вышла замуж за отца, испытывая отвращение к тому, что она была с человеком. Это опустошило мою маму, тем более, что она была так близка со своей младшей сестрой, Люсиндой, которой запретили общаться с мамой мои бабушка и дедушка. Несмотря на это, я хочу увидаться с ними. Я бы хотел больше знать о своем Дарклинговском наследии.

Сигур взял меня за руку, его лицо внезапно посерьезнело.

— Мне очень жаль быть тем, кто скажет тебе это, Эш, но они все погибли в Бесплодных землях еще в начале войны.

Я трясусь головой, горе и разочарование бушуют во мне, когда я понимаю смысл сказанных им слов. Есть только я и мама. Уцелели только мы. И скоро я останусь один.

Сигур тактично отворачивается, чтобы у меня было время успокоиться. Остаток путешествия проходит в молчании. Лодка останавливается, и сопровождающие ведут нас вверх по мощеной булыжником улице к кованым железным воротам, ведущим в зоопарк

Блэк Сити.

Зоопарк неестественно тихий и пустынный. Мы проходим через пустые вольеры для животных, которые заросли за восемь лет лозами винограда и сорняками. Внутри каждой клетки стоят каменные изваяния животных, живших когда-то в них: медведей, волков, тигров. Я предполагаю, что сами животные были съедены.

Наш эскорт ведет нас к рукотворной пещере, высеченной в насыпи из гранита. Над входом едва виднеется надпись: "ночные животные". Внутри пещеры на удивление жарко и душно. Узкий проход освещен рядами факелов, отбрасывающих колеблющиеся тени на землю. Мы спускаемся все глубже и глубже под землю, пока не оказываемся в огромной куполообразной камере.

По спирали по окружности камеры проложен металлический проход, каждый виток которого высотой в три этажа, как будто это гигантская змея. Ведет сей проход к нескольким второстепенным камерам. В центре камеры стоит круглый банкетный стол со странными канавками, вырезанными в нем. Для чего они нужны?

Слышится эхо шагов и голоса из правого прохода, моё сердцебиение учащается по мере того, как они становятся все ближе и ближе. Я внезапно начинаю нервничать. С дюжина Дарклингов входит в комнату, одетые в свои лучшие одежды. Все они спешат поприветствовать меня, кланяясь и представляясь. Восемь из них входят в Законодательное собрание Дарклингов, что эквивалентно правительству Стражей. Одна очень чопорная с серьезным взглядом женщина-Дарклинг с длинным узким лицом представилась как Логан Хенрик. Она выглядела менее впечатленной, чем остальные, тем, что я здесь и начала разговаривать с Сигуром, в то время как я знакомился с остальными.

Вскоре комната заполняется сотней Дарклингов, вечеринка в самом разгаре, с музыкой и вином Сангиус. Каждый хочет пожать мне руку. Я поворачиваюсь к Сигуру, рука уже аж отваливается, и бросаю на него умоляющий взгляд. Он хлопает в ладоши и все мгновенно оставляют меня в покое. Члены Совета садятся по кругу за стол, пока остальные Дарклинги рассаживаются поудобнее на полу.

Сигур жестом приглашает меня занять место рядом с ним за столом.

— Так что же ты думаешь о Легионе? — задает мне вопрос Сигур, когда мы занимаем свои места, наливая мне стакан вина Сангиус.

— Я даже не представлял, насколько плохи здесь дела, — отвечаю я.

Сигур усмехнулся.

— Правительство Стражей хорошо умеет вести пропаганду. Если бы люди знали, насколько плохи условия в гетто, они могли бы присоединиться к Людям за Единство. — Это насмешка прозвучала в его голосе?

Я сомневаюсь, что люди присоединятся к организации Люди за Единство, если увидят это место, но держу свои мысли при себе. Я жил достаточно долго среди людей, чтобы знать, что их ничего не заботит, пока это не влияет на их уютную жизнь.

Я выпиваю несколько глотков вина и начинаю чувствовать приятный туман в голове. Я ставлю вино на вершину необычных канавок, вырезанных в столе.

— Для чего это? — спрашиваю я.

— Увидишь, — отвечает он.

Я барабаню пальцами по столу.

— Мне нравится то, что Вы сделали с этим местом. Шик в стиле Дарклингов.

Сигур грустно улыбается.

— Здесь пусто без Анноры.

Я морщусь. Зачем нужно было упоминать маму?

Он поворачивается и изучает меня своим здоровым глазом, который полыхает оранжевым в свете костра. Прежде, я никогда не видел на этом лице нежности, которую вижу сейчас.

— Прости меня, Эш. За всё. Я никогда не хотел обидеть тебя или твоего отца. Просто...

— Так вышло? Да, я понимаю. — Стоит вам найти Кровную половинку, и ничто не сможет вас разлучить, даже, если она уже в браке. До меня наконец дошло. У мамы и Сигура попросту не было выбора. Их свела судьба. Пью вино, время от времени поглядывая на Сигура. Годами я ненавидел его, но может я поторопился его осудить. Он определенно любил маму, спас меня, и никогда не собирался намерено вредить отцу. Просто, так вышло. В тоже время, он позволил своей племяннице умереть. Нельзя ему полностью доверять. Заиграла музыка, причудливая и старинная мелодия, звучание ситар и флейт эхом отдавалось в зале. Я откинулся в кресле и выпил еще глоток вина. Мне почти удалось позабыть о Дарклингах снаружи, дрожащих и голодающих, пока мы здесь пируем.

Музыка перетекает в нечто медленное и чарующее, все в комнате начинают одобрительно восклицать и оживляться. Я выпрямляюсь, заинтригованный, что же происходит. Свечи мерцают, когда на верху спиральной дорожки появляется прекрасная девушка. Её угольно-черные блестящие волосы развеваются вокруг её бледного тела, которое едва скрывает нечто легкое и ненадежное, что только с натяжкой можно назвать платьем.

Её окружает группка детишек Дарклингов, их лица раскрашены в медово-коричневый цвет с пятнышками. На них кошачьи ушки и они ползают на четвереньках. Гости шутливо прогоняют детей, будто они все участвуют в пантомиме. Детки шипят в ответ.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Воссоздание битвы между богиней Зантиной и народом Бастет, — объясняет Сигур.

Девушка изящно танцует, спускаясь по лестнице, и оказывается на праздничном столе.

— Это богиня Зантина, — шепчет он мне. — Каждую ночь она танцует в небе, чтобы пробудить вечерние звезды.

Она начинает танцевать по кругу и кружиться. Её шаги уверены и точны. Я залпом выпиваю остатки своего вина, мои щеки горят алым, но не только из-за вина. Дети взбираются на стол и танцуют вокруг девушки, шипя на неё и теребя ей юбку.

— Это кошачий народ, — говорит Сигур. — Они завидуют умению Зантины танцевать и желают убить её, таким образом им станет подвластна ночь.

Девушка с детьми начинают танцевать агрессивно. Она набрасывается на кошачий народец. Дети падают, один за другим.

— Зантина празднует победу. Все хлопают в ладоши и одобрительно скандируют. Она кланяется. Её черные глаза останавливаются на мне и мое сердце сжимается. Она полукровка, как и я.

— Эш, позволь мне представить Эвангелину, жемчужину моей коллекции.

В голове, как будто что-то щелкает.

— Ты та девушка, которую я видел в тот день на казни, — вспоминаю я.

Сигур нежно, по-отечески гладит Эвангелину по щеке.

— Эвангелина мой самый верный помощник, — говорит он.

Когда Эвангелина садится, её нога задевает мою. Прикосновение столь незначительное и все же моя кожа пылает огнем, когда наши ноги соприкасаются, в венах бурлит кровь,

чувства оживают, пробуждая во мне Дарклинга. Что за черт? Она ухмыляется, будто зная, какой эффект оказывает на меня. Это всё потому, что она полукровка. Только и всего. Естественно же, что меня к ней влечет. Ведь так? Ничего особенного, не нужно искать нечто большее в этом. Верно?

Они с Сигуром очень непринужденно болтают, подшучивая друг над другом и после получасового наблюдения за ними, я понимаю, что их отношения глубже, чем просто деловые.

— Ты с Сигуром похоже очень близка, — говорю я Эвангелине.

Она кивает:

— Они с Аннорой вырастили меня.

При упоминании маминого имени, мое тело пронзает острая боль. Она вырастила Эвангелину? Все эти годы я тосковал по маме и мучился, скучает ли она по мне, а она воспитывала с Сигуром другого ребенка.

— Эвангелина преклонялась перед Аннорой, — говорит Сигур, не замечая, какую сильную боль эти слова причиняют мне. — Она словно хвостик повсюду следовала за Аннорой.

Сигур ерошит волосы Эвангелины, а она смеясь, отталкивает его руку.

— Старик, не разрывай мне сердце. Эта прическа отняла у меня добрых два часа, — шутит она.

Он закатывает свой здоровый глаз, качая головой.

— Как все меняется. Она была таким сорванцом, когда была маленькой и ей было неважно, как она выглядела. Я скучаю по тем денькам, — добавляет он с тоской.

Ревность скручивается во мне тугим узлом от того, как они близки. Интересно, какого это, воспитываться отцом-Дарклингом, насколько бы проще всё было.

Сигур хлопает в ладоши и все умолкают.

— Введите гостя.

По пещере проносится возбужденный шепоток и я отрываю взгляд от Эвангелины, когда в помещение приводят подростка. Он выглядит чуть постарше меня — может быть ему лет восемнадцать—девятнадцать. У него расширенны зрачки и он едва волочит ноги. Парень явно под кайфом. Сигур машет рукой и все кругом умолкают. Он подходит к пареньку и проводит когтем по его сочной щеке оставляя тоненькую кровавую полоску. У меня скручивает желудок. Парень покачивается, будучи под кайфом. Сигур осторожно укладывает его на праздничный стол и я неожиданно понимаю для чего эти канавки. По ним будет сбегать кровь. Я встаю, чтобы выразить протест происходящему, но Эвангелина тянет меня обратно на моё сидение.

— Он всего лишь Одурманенный, — говорит она. — Я подобрала его в притоне. Он даже не понимает, что происходит.

— Сигур позволяет тебе заходить так далеко в город? — удивленно спрашиваю я. Это не то, что позволить ей встать рядом с ним на Пограничной стене, во время Яниной казни, защищенной охранниками Легиона, это совсем другое, позволить ей бродить в одиночку по улицам города, таящим опасности на каждом углу.

Она бросает на меня снисходительный взгляд.

— Сигур часто отсылает меня с поручениями.

— А ты не боишься, что поймают?

— Не особо. Сигур подкупил нескольких охранников у Стражей, так что, когда они на

посту, я могу свободно входить и выходить, когда мне вздумается. Пока я не напорюсь на улице на Ищейку — я в безопасности.

Сигур проводит когтем по груди парня, вызывая вздохи у изголодавшейся аудитории. Он облизывает рану на теле парня своим черным языком. Его глаза закрыты, пока он наслаждается вкусом.

Я сглатываю, испытывая одновременно отвращение и желание. Я знаю, что это неправильно, но я умираю с голоду, а мысль о свежей крови так заманчива. Парень стонет, когда Сигур разрезает ему горло, разрывая яремную вену. Кровь брызжет во все стороны и Дарклинги стонут. Сигур жадно пьет, льющуюся жидкость из открытой раны, а остальные жадно наблюдают... включая меня.

Я пытаюсь не обращать внимания на свой голод и стараюсь не смотреть, однако запах свежей горячей крови щекочет мне ноздри и заставляет внутренности сжиматься. Я могу себе только представить, какая она удивительная на вкус, такая свежая...

— Вперед. — Сигур отступает, на его губах кровь.

Я не уверен, что это — мой голод, давление со стороны таких же, как я или вино, но внезапно это кажется мне таким пустяком, если я немножко выпью этой крови. Дарклинги уходят с моего пути, открывая мне хороший вид на умирающего мальчика. Его шея и грудь в пятнах крови, дыхание поверхностное и неровное. Я должен был бы почувствовать отвращение, но я его не чувствую. Это зрелище захватывает меня и на этот раз я не боюсь в этом признаться. Мне не нужно прятать свою истинную сущность от присутствующих здесь, я могу быть монстром, которым я, по сути, являюсь, но никто меня не осудит за это.

Я погружаю свои клыки парню в шею и жадно пью, наслаждаясь ощущением возможности питаться без людских вздохов и криков, не волнуясь, что тебя могут схватить. Парень выпускает последний вздох, когда его тело покидает последняя крупца жизни.

Я отшатыриваюсь, Дурман в крови парня заставляет меня нетвердо держаться на ногах. Я вытираю свой рот, испытывая к себе отвращение. Как я мог быть таким неосторожным? Это место, эти создания. Они заставляют меня вести себя так безответственно, так бесчеловечно. Но я человек — по крайней мере, на половину.

Я выбегаю из пещеры на воздух. Мне в нос снова ударяет зловоние города и у меня скручивает живот. Меня рвет до тех пор, пока желудок полностью не опустошается.

— Что с тобой? — спрашивает Эвангелина, уставившись на меня. — Это грубо покидать праздник. Сигур на самом деле оскорбился.

— Мне плевать!

— Чем ты так расстроен? Это всего лишь кормление?

— Человеком.

— И что? Именно это едят Дарклинги.

— Я тебе не хренов Дарклинг, я...

— Человек? — она смеется. — О, бедняжка, Эш. Ты и в самом деле считаешь себя одним из них.

— Нет. Я знаю, что не человек, но я и не один из них! — говорю я, тыча в сторону пещеры.

Я иду прочь, но Эвангелина не хочет оставлять меня в покое.

— Эш, ты слишком долго прожил среди людей. Хорошо, что ты теперь среди своих. Ты привыкнешь, и довольно скоро будешь думать, как мы, — говорит она.

— Может, ты просто отвалишь от меня?

— Ох, какой ты нервный, — дразнится она. — Если ты хочешь выжить здесь, то тебе придется стать жестче. У Дарклингов нет времени на человеческие эмоции.

— Как же ты живешь с ними? Они отвратительны, — говорю я, сдавленным голосом. Они совсем не такие, как я ожидал. Они совсем не похожи на маму.

Лицо Эвангелины ожесточается.

— Сигур хорошо обо мне заботился. Он присматривает за всеми полукровками.

— Так здесь есть еще такие же? — задето мое любопытство.

Она берет меня за руку. И внутри меня вспыхивают различные виды голода, а в том месте, где она прикасается ко мне, кожа горит. Перед глазами всплывает образ Натали и меня охватывает стыд. Тем не менее, я не отпускаю руку Эвангелины.

Она ведет меня в разрушенное здание, в котором сильно воняет разложением.

— Что это за место? — спрашиваю я.

— Госпиталь, — отвечает она.

Мы идем в палату на первом этаже. Эвангелина молча ждет у двери, пока я вникну в происходящее. Ряды металлических коек загромаждают всю комнату и почти все они заняты Дарклингами, инфицированными вирусом Разъяренных. Каждый из них на разной стадии заболевания. У некоторых из них еще только пожелтели глаза и истончились волосы, в то время как у других болезнь вступила уже в последнюю стадию, как у мамы. Приторный запах гниющей плоти атакует мои ноздри и желчь поднимается почти к самому горлу.

— Когда-то нас было сто сорок три, — объясняет Эвангелина. — Вирус Разъяренных распространился внутри гетто очень быстро. Сначала заболели Дарклинги, затем полукровки. Мы надеялись, что они выкарабкаются, ведь частично они люди, но... — она покачала головой — Не так уж много мы могли сделать. Мы вымираем, Эш.

Я судорожно сглотнул. Я знал, что полукровки — редкость, но я даже не представлял, насколько все было плохо. Если больше полукровки рождаться не будут в СШС из-за изоляции, то мы с Эвангелиной можем стать последними.

— Твоя мама хорошо о нас заботилась, — говорит Эвангелина. — Она ухаживала за больными, несмотря на риск заразиться самой. Я помогала, как могла.

— Разве ты не боишься заразиться? — спрашиваю я.

Эвангелина упирает взгляд в землю.

— Я уже.

— Ты не выглядишь больной.

— У меня врожденный иммунитет к вирусу. Мы не уверены, почему я не такая, как остальные полукровки, — говорит она — я все еще являюсь носителем, поэтому могу заразить кого-нибудь.

Ей не нужно ничего больше объяснять. Когда Дарклинги занимаются любовью, они часто кусают друг друга, смешивая кровь. Эвангелина никогда не сможет этого сделать, по крайней мере, с Дарклингом.

— Мне жаль, — говорю я.

— Может это к лучшему. Сигур считает, что моя кровь может быть лекарством. Мы были близки к тому, чтобы найти вакцину, но мы слишком сильно ограничены в ресурсах, так что... — она пожимает плечами — Мы не знаем. Вирус мутирует. Он каким-то образом становится все хуже.

Я покидаю палату, неспособный больше стоять посреди своих больных собратьев. Мы идем по гетто, минуя выжженные руины. В отличие от зданий на моей стороне стены, эти

увиты плющом и белыми цветами в изобилии с синими ягодами, придающими всему этому месту внеземную красоту. Эвангелина замечает, как я гляжу на них.

— Некоторые Дарклинги выращивают цветы, чтобы сделать это место более пригодным для жизни, — говорит она.

— Как долго ты уже здесь? — спрашиваю я.

— С тех пор, когда мне исполнилось восемь. Сигур нашел меня, истекающей кровью, на Унылой улице, — говорит она. — Он забрал меня сюда. Он отличный защитник.

— Он позволил своей племяннице умереть, — говорю я.

— Он не может спасти нас всех, хоть и старается.

Воспоминание о Яне и Томе на крестах, казненных из-за их запрещенных законом отношений, напоминает мне о Натали. Моё сердце глухо стучит *ба-бум, ба-бум, ба-бум*. Я так сильно хочу быть с ней. Именно сейчас. Пребывание здесь заставляет чувствовать себя изгоем больше, чем когда-либо. Ясно, что я не такой, как остальные Дарклинги. Когда я с ней, то чувствую себя своим.

Эвангелина удивляет меня тем, что кладет мне руку на грудь.

— Как такое возможно?

— Я встретил свою Кровную половинку.

Она выглядит удивленной.

— Ты не веришь мне? — с вызовом спрашиваю я.

— Я тебе верю. Просто по ту сторону не так много Дарклингов. Я удивлена, что ты нашел свою Кровную пару среди них.

Я гадаю, могу ли рассказать ей, что моя Кровная половинка — человек. Я едва знаю Эвангелину, но инстинкты подсказывают, что я могу довериться ей.

— Она человек, — признаюсь я.

Эвангелина отдергивает свою руку.

— Подобная связь возникает только между Дарклингами. Она не может быть твоей Кровной половинкой.

— Все доказательства говорят об обратном.

— И как же её зовут? — голос её тверд.

Я почесываю шею. Что мне ей сказать? Что моя Кровная половинка дочь Эмиссара стражей, Натали Бьюкенан? И не подумаю.

— Разве это важно? — в ответ спрашиваю я.

— Ты не можешь быть с ней. Эш, ты не можешь отвернуться от своего собственного вида.

— Я не собираюсь от него отворачиваться. Я же на половину человек, помнишь? Так почему я не могу быть с человеческой девушкой? Почему все твердят, что я могу позволить взаимоотношения только с Дарклингом?

— Потому что это против закона, — говорит она.

— Это не запретит мне быть с ней.

Мы подходим к каналу. Пограничная стена — просто полоска на горизонте. Дом так далеко отсюда.

— Мне нужно идти. Сможешь отвести меня к воротам?

Она колеблется.

— Ты вернешься? Сигур мог бы это устроить.

Я довольно долго изучающе смотрю на Эвангелину, наблюдая как её иссиня-черные

волосы колыхаются, словно поверхность океана. Я не могу отказаться от неё. Нас слишком мало осталось.

— Я вернусь, — обещаю я.

Глава 22

Натали

Повсюду черным-черно: небо, земля, вокруг нас кружится пепел — весь город скорбит по Крису. Даже школьные занятия на сегодня отменили, чтобы учащиеся могли присутствовать на похоронах. Я потуже затягиваю черный шарф вокруг шеи, чтобы не замерзнуть.

Жук достает сигарету из-за уха и прикуривает. Не могу сказать, что отношения между нами улучшились, после инцидента на его дне рождения, но, по крайней мере, он нормально относится ко мне. Я гляжу на телефон, в надежде увидеть сообщение от Эша. Он не звонил мне со вчерашнего дня, хотя мне казалось, что он позвонит. Мне любопытно узнать, как все прошло в субботу в Легионе. Но ничего.

— Слышал что-нибудь от Эша? — спрашиваю я.

Жук качает головой.

Мы стоим позади собравшихся, наблюдая за похоронами. Грегори безучастным взглядом пялится на гроб из черного дерева. Он стоит, сгорбившись в черном пальто не по размеру, которое мне кажется смутно знакомым, а затем меня осеняет — это пальто Криса.

Дей стоит впереди с остальными скорбящими. Там же стоит моя мать, которая пытается казаться для прессы подавленной, хотя в её лицо напихано столько всякой косметической дряни, мне кажется, что она не способна изобразить хоть какие-нибудь эмоции, за исключением, разве что, легкого удивления. Я не могу понять, с чего вдруг она проявляет такой интерес к смерти Криса; она заплатила за похороны, затем настояла на приезде с двадцатью ближайшими друзьями из СМИ, чтобы "отдать дань уважения". Может это все из-за того, что он ходил в мою школу? Я знаю, что она что-то замышляет.

Её сопровождает охрана и они же стоят по всему кладбищу, наблюдают за церемонией. Благодаря такому количеству охраны — мне, к счастью, сегодня не нужен личный телохранитель. Себастьян все еще на своем "духовном семинаре" в Центруме и вернется только вечером, так что у меня есть несколько часов относительной свободы.

Джуно Джонс, рыжая корреспондентка с канала Новости Блэк Сити, стоит рядом, делая репортаж о службе. Она говорит своему оператору, чтобы тот снимал маму.

— Эта такая трагедия, внезапный обрыв молодой жизни, — говорит мать родителям Криса и Грегори, достаточно громко, чтобы журналистка могла это слышать. — Будьте уверены, что правительство делает все, что в его силах, чтобы найти того, кто поставляет испорченный Дурман и предать виновного правосудию. Мы подозреваем, что к этому причастны Дарклинги.

Мистер Томпсон хватает мою мать за руку, благодарит ее, а губы матери, накрашенные красной помадой, в свою очередь слегка дергаются, от отвращения, что к ней посмел прикоснуться какой-то Бутц.

— Надеюсь, Вы поддержите Закон Роуза, — продолжает мать. — Он позволит нам держать Дарклингов отдельно, что станет первым шагом к полному освобождению общества от Дурмана.

Мистер и миссис Томпсон охотно кивают, а я сердито смотрю на свою мать. Так вот зачем она здесь? Чтобы заручиться поддержкой для принятия Закона Роуза. Да что за человек будет так себя вести на похоронах парня?

Грегори украдкой бросает взгляд на мою мать, и я понимаю, что он думает то же самое. Сейчас не время и не место для политических игр моей матери — люди скорбят.

— Что происходит между тобой и Дей? — спрашиваю я Жука, когда она оглядывается на нас.

Он пожимает плечами.

— Она все еще наказывает меня за то, что я предпочел Дурман, а не её. Мне кажется, что она никогда меня не простит.

— Может быть теперь, когда она знает, что Эш не подсаживал тебя на Дурман, она будет с ним чуть дружелюбнее? — спрашиваю я.

— Я бы не стал на это рассчитывать. Она упряма.

Я смотрю на Дей и чувствую грусть. Мне хочется столько ей рассказать. Я скучаю по своей подруге.

Я снова проверяю телефон. По-прежнему никаких сообщений от Эша.

Рядом со мной, Джуну Джонс начинает тихо говорить в камеру

— Я присутствую на похоронах студента средней школы Криса Томпсона, последней жертвы Золотого Дурмана, новый смертельный штамм которого сейчас повсюду продается на улицах, — говорит она, подходя чуть ближе к оплакивающим покойного парня. — Крис Томпсон — шестой подросток за последние две недели, который умер от передозировки наркотиков, что вызывает страх и беспокойство в городе. Если хоть кто-нибудь обладает информацией об источнике Золотого Дурмана — просьба сообщить её охране Стражей.

Крис шестая жертва? Я знала про Линуса и его друга, но не знала про остальных жертвы. Жук тоже выглядит не на шутку взволнованным.

— Если во всех этих смертях обвинят Дарклингов, люди обязаны будут проголосовать за Закон Роуза, — говорит он. — И тогда, кто знает, что будет с Эшем. Наверное, они заставят его жить в гетто с остальными Дарклингами. Они уже заставили его носить ID-браслет.

Мое сердце замирает. Они могут забрать у меня Эша.

— Нам необходимо выяснить, кто производит Золотой Дурман. Я не могу позволить своей матери винить в этом Дарклингов, — говорю я. — Тот парень Линус должен был его откуда-то доставать.

— Он брал его у своего босса, мистера Табса, — объясняет Жук.

— Хорошо, мы будем отталкиваться от этого и проведем кое-какое расследование. Ты знаешь, где я могу его найти? — спрашиваю я.

Брови Жука резко взмывают вверх и мне кажется, что они вот-вот оторвутся от лба и улетят.

— Тебе не стоит с ним связываться, подруга. Он опасен.

— Мы займемся этим ради защиты Эша. Мы должны хоть что-то сделать, — говорю я.

Жук чешет голову, спутывая, уже и без того неряшливые волосы.

— Я не могу. Я должен мистеру Табсу денег. Очень много денег...

Я раздраженно вздыхаю:

— Ладно. Мы с Эшем и вдвоем справимся.

Разумеется, сначала, мне нужно было бы переговорить об этом с Эшем. Я вновь проверяю телефон. Ничего.

— Короче, если ты в это ввяжешься, дай мне знать до чего докопаешься. Мы сегодня вечером пойдем в Парк на неофициальное поминание Криса. Встретимся у белого особняка. Знаешь такой?

Моё сердце сжимается:

— Да, я знаю этот особняк.

Налетает ветер и у меня в груди появляется знакомое тянущие ощущение. Эш таится в церковных развалинах. Меня накрывает чувство облегчения. Я удостоверяюсь, что никто не смотрит, прежде чем украдкой присоединиться к нему.

Крыша давно рухнула и сквозь костяк деревянных стропил проглядывает небо. На них сидят несколько воронов и их черные глаза-бусинки пристально наблюдают за мной, пока я осторожно шагаю по щебню.

Мы сидим на груде камней в углу развалин, скрытые от посторонних глаз. Я изучаю профиль Эша, который словно высечен из мрамора, такой холодный и бесстрастный, за исключением морщинки меж бровями, что делает его таки далеким.

— Ты не звонил. Я волновалась, — говорю я.

Он поворачивается, чтобы взглянуть на меня, его глаза темны и чем-то терзаемы. Его рот дергается, будто он хочет мне что-то сказать. Вместо этого он опускает свою голову мне на плечо. От него невероятно потрясающе пахнет — землей после дождя. Мы стоим вот так несколько минут молча.

— Как все прошло в Легионе? — спрашиваю его.

— Натали, я сделал нечто ужасное...

— Что? Ты можешь мне всё рассказать.

Он прижимается лицом к моей шее.

— Я не хочу быть таким, как они. Я не хочу быть Дарклингом. Я не чудовище, я не такой!

Что же они сделали с ним?!

— Я не знаю, что произошло, но в одном я уверена наверняка — ты хороший человек. Ты не чудовище. — Я прижимаю свою руку к его сердцу. — Я чувствую это.

Эш прижимает меня к себе и его губы находят мои. Поцелуй нежный и неуверенный. Мои пальцы запутываются в его волосах и я притягиваю его ближе, мое тело жаждет большего, чем кислород. Я стону от удовольствия, когда он все глубже погружается в поцелуй, его губы открываются, его язык соприкасается с моим. Внутри меня взрывается фейерверк, бах, бах, бах!

Он отстраняется.

— Это нехорошо. Не здесь.

Он оглядывается через плечо на похороны.

Я рассказываю Эшу о своем решении навестить мистера Табса.

— Мы можем пошпионить и разузнать кое-что про Золотой Дурман, — говорю я. — Если мы узнаем, что в него подмешивают, возможно, сможем проследить его источник. Чем бы это золотая фигня не была — это не может быть чем-то обыкновенным.

Эш неуверенно смотрит на меня.

— Мы должны хотя бы попытаться. Не хочу, чтобы моя мать возложила всю вину на Дарклингов. — Я переплетаю свои пальцы с его. — Я не могу тебя потерять, Эш.

Он кивает:

— Хорошо. Похоже на план к действию.

— Когда нам лучше начать? — спрашиваю я.

Он встает и в его глазах читается решимость:

— Прямо сейчас.

Вывеска над ломбардом мистера Табса висит всего на одном гвозде, угрожая упасть в любую секунду. Я придерживаю дверь открытой для Натали. Мы входим в магазин, который заполнен кучей разных безделушек, таких как ювелирные украшения, оружие, шляпы, инструменты, электрооборудование — в основном то, что любой мог приобрести всего за несколько монет. Очень трудно ориентироваться среди груды этой ерунды. Мистера Табса нигде не видно.

Черт! Мне нужно достать этот Золотой Дурман. Это наша единственная надежда на поимку того, кто действительно ответственен за смерть Криса и Линуса. Я впервые действительно начинаю волноваться о том, что закон Роуза будет принят. Я не в полной мере осознавал все последствия этого закона прежде. Я буду вынужден жить в Легионе с теми существами. И я никогда больше не увижу Натали.

— Мне только что пришла в голову одна мысль. Не сочтет ли мистер Табс странным то, что ты находишься здесь? — спрашивает у меня Натали.

— Возможно, но ты не волнуйся, у меня есть план, — говорю я, хотя единственный план, который у меня есть сейчас — это убраться из этого магазина, пока я не получил кол в сердце. Я успокаивающе сжимаю её руку, и она успокаивается. Мы приближаемся к стеклянной витрине в передней части магазина и звоним в колокольчик. Через мгновение низкорослый упитанный мужчина с Восточных территорий появляется из задней комнаты. Неприкуренная сигарета торчит у него в углу рта. Он мгновенно узнает меня.

Я поднимаю руки, когда он достает из-под прилавка оружие.

— Я привел тебе клиентку. Называй это предложением мира, — говорю я.

Натали нервно улыбается.

— Продолжай, — говорит мистер Табс, он заинтригован.

— Ищейка вырезал мои мешочки с ядом. Я нынче не у дел, — говорю я, ложь легко слетает с моего языка. — Линус нынче мертв, я предположил, что тебе нужен новый парень, и я помогу тебе найти кучу новых клиентов.

Мой пульс учащается, пока я жду его ответа. Он достает руку из-под прилавка.

— Я подумаю об этом, — говорит он.

Я выдыхаю.

Мистер Табс обращает свое внимание на Натали.

— Так что же нужно от меня такой красоте, как ты? — его слезящиеся глаза скользят по груди Натали, и мои клыки зудят от желания укусить его.

— Ну, у меня скоро намечается большая вечеринка, понимаете, — говорит она в спешке. — И я хочу, чтобы это была действительно веселая вечеринка.

— Скажи мне, красотка, как много "веселья" ты хочешь?

— Много. Около пятидесяти грамм? — говорит Натали.

— А деньги у тебя есть? — спрашивает он.

Её щеки розовеют.

— Эээ, нет. — Она поворачивается ко мне и шепчет, — мама оставила меня совсем без карманных в ту ночь, когда я тебя встретила. У тебя что-нибудь есть?

Ха! Если бы. Я качаю головой. Нам надо было бы обговорить все детали, но я просто

решил, что у Натали есть деньги.

— Не тратьте моё время! — говорит мистер Табс, его круглое лицо становится красным.

— Нет, постойте. — Натали снимает с запястья свои антикварные часы. — Я бы хотела их заложить. Они очень дорогие.

Я хватаю её за руку, прежде чем она успевает отдать часы.

— Ты не можешь их продать, они принадлежали твоему отцу.

— У нас нет выбора, — шепчет она в ответ. — Кроме того, я знаю, он бы понял, почему я так поступаю.

Она смотрит на меня со всей решительностью, и я отпускаю её. Я не собираюсь указывать ей что делать, она может сама решать.

— Подержите у себя их десять дней, — говорю я мистеру Табсу. — Я буду работать в долг.

Натали благодарно мне улыбается, а затем протягивает часы мистеру Табсу, который с любопытством их разглядывает.

— Хорошая вещица, как я погляжу. Циферблат из кости Бастета. Большая редкость. Я дам тебе два флакончика Золотого Дурмана.

— Беру, — соглашается она.

— Следуйте за мной, — говорит он.

Он ведет нас к задней комнате и затем вниз по узкой лестнице в подвал. Натали начинает задыхаться и хватается меня за руку. Пол заполнен людьми, потерянными в экстазе Дурмана, целующимися друг с другом, стаскивающими одежду, не осознающими или просто не заботящимися о том, что они здесь не одни. Томящиеся на нескольких диванах Дарклинги, должно быть, те, кто перебрался через Пограничную стену для того, чтобы посетить притон. Дарклинги могу получить свое удовольствие, питаюсь кровью употребляющих Дурман людей, и многие считают, что лучше рискнуть перебраться через стену, чтобы немного поправить положение дел и получить немного свежей крови. Я стараюсь не пить слишком много у своих клиентов, когда дарю им кайф.

Они закатывают на меня свои мутные глаза, блеск там уже давно погас. У одного из Дарклингов на лице и шее странные следы от укусов, как будто на него напало животное. Рядом с ним две близняшки, девушки-Дарклинги, обе с потрясающими белыми волосами и блестящими оранжевыми глазами. Дарклинги Нордин. Из их лопаток торчат шишковатые отростки, где раньше были крылья. Они все пьют кровь из женщины тридцати лет, её тощее тело разрушено Дурманом. Её глаза закрыты, она лежит с блаженным видом. Желудок начинает усиленно работать, пока в мозгу всплывает воспоминание о мальчике, которым мы пировали в жилище Сигура. Вероятно, его здесь подобрали.

Мистер Табс перешагивает через растянувшихся на полу людей и проходит в свой офис в задней части комнаты. Сама комната состоит из старого стола, покрытого документами, календаря с обнаженными девицами, грязного холодильника и нескольких маленьких телевизионных экранов, показывающих записи камер видеонаблюдения в притоне Одурманенных. Рядом с ними расположена книжная полка, заполненная дисками с нацарапанными на них датами. Я предполагаю, что это записи с камер видеонаблюдения.

Он замечает, что я смотрю на них.

— Это для страховки. Ты докладываешь обо мне властям, я предъявляю доказательства того, что ты тоже тут был, и мы вместе садимся за решетку.

Запутанно, но все же имеет смысл. Он открывает отвратительный грязный холодильник в конце комнаты, достает оттуда два флакончика с Золотым Дурманом с зелеными крышечками, прям как тот, что был у Линуса, и вручает их Натали.

— Слушай, это важно, — обращается мистер Табс к Натали — Берешь только каплю, поняла? Не больше. Этот намного сильнее обычного Дурмана. Некоторые детишки, они не слушают, и... — он пренебрежительно взмахивает рукой. — Это только их вина.

Мои клыки снова пульсируют. Он должен был предупредить Линуса с Крисом. Так что там с этим Золотым Дурманом? Он хорош только в маленьких дозах, но возьмешь немножко больше, и он тебя убьет? Это слишком рискованная игра, чтобы играть в нее. Как узнать, сколько это, слишком много?

Она делает вид, что хочет проверить яд, прежде, чем передать пузырек мне. Мои ноздри обдало огнем. С этим Дурманом все в порядке, из чего бы его ни смешивали.

— Вы знаете, что это за золотистая фигня? — спрашивает Натали у мистера Табса. Хитроумный план. — Я слышала, что это самый лучший Дурман, который дарит самые лучшие ощущения, но после него нет никаких головных болей.

Мистер Табс улыбается своей желтозубой улыбкой:

— Все дело в секретном ингредиенте.

— Вы уверены, что не можете сказать мне, что это за ингредиент? Я имею в виду, если это небезопасно... — говорит она.

Мистер Табс хватается Золотой Дурман.

— Не нравится — иди в другое место.

— Нет, нет! — Натали берет Золотой Дурман и хватается меня за руку. — Идем.

Мы выходим из его офиса и возвращаемся в основное помещение притона.

— Извини, я облажалась, — говорит Натали.

— У нас есть наркотик. По крайней мере, это начало, — отвечаю я.

— Эш? — раздается знакомый голос из мрака.

Девушка выходит из тени на красный свет, её темно-синие волосы спускаются ей до талии. Эвангелина. Что-то шевельнулось во мне при виде её, и я быстро прячу свои чувства поглубже. В руках у Эвангелины несколько пакетиков с кровью. Предвещающий бурю взгляд появляется на её лице, когда она видит Натали.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Достāju кровь для Сигура. Он не ест это дерьмо, Синт-1. А ты что тут делаешь?

Я показываю ей флакончики с Дурманом, и она насмешливо на меня смотрит.

— Давай поговорим снаружи, — предлагаю я.

Начался легкий снег, превращая некогда черное небо в дымчато-серое. Мы нырнули вниз в переулок рядом с ломбардом.

Натали протягивает руку Эвангелине.

— Привет, я — Натали.

Эвангелина не жмет ей руку в ответ. В её тяжелом взгляде — холод.

— Я знаю, кто ты такая. Ты — дочь Эмиссара, — отвечает Эвангелина. — Чего я действительно не понимаю, так это почему ты здесь вместе с Эшем.

— Это та девушка, о которой я говорил тебе прошлой ночью, — говорю я — Натали — моя Кровная половинка.

— Нет! — Эвангелина смотрит на Натали с негодованием. — Это не может быть она.

— Почему не я? — дерзко говорит Натали.

Эвангелина рычит и демонстрирует свои клыки.

— Эй, потише тут! — вмешиваюсь я, оказываясь между ними. — Спрячь клыки.

Эвангелина отходит назад, её дыхание становится неровным.

— Я знаю, что это неожиданно, но я надеюсь, ты порадуешься за меня, — говорю я Эвангелине — Я счастлив.

Эвангелина знает, что такое жить без сердцебиения. Она должна понимать, что значит для меня то, что я нашел Натали.

— Мои поздравления, — бормочет она.

Я вкратце объясняю Натали как я познакомился с Эвангелиной, что её немного успокоило.

Эвангелина указывает на флакончики с Дурманом в моей руке.

— Почему вы покупаете Дурман у мистера Табса?

Я рассказываю ей о том, что случилось с Линусом и Крисом.

— Почему они умерли от этого? Ведь другие принимали Золотой Дурман и выживали, — говорит Эвангелина.

— Он смертелен только при употреблении больших доз, — объясняю я, припоминая то, что говорил нам мистер Табс, — Если употреблять маленькое количество, то ничего такого не случится.

— Как вы думаете, с чем смешан Золотой Дурман? — спрашивает она.

— Именно это мы и надеемся выяснить, — отвечаю я.

— Я могу провести несколько тестов в лаборатории, — говорит Натали.

Эвангелина окидывает Натали злобным взглядом.

— И я тоже принесу образец в Легион. Наши алхимики также могут его изучить.

Они обе ждут, пока я решу, с кем из них я сейчас пойду. Я знаю, что мне нужно идти с Натали — она — моя Кровная половинка — но что-то удерживает меня, говоря, что нужно идти с Эвангелиной. Я не понимаю, почему я так смущен, когда совершенно ясно, что я должен идти со своей девушкой. Может это потому, что Эвангелина полукровка? Я ей интересуюсь.

— Если ты хочешь пойти с Эвангелиной, то все нормально, — говорит тихонько Натали.

Я улыбаюсь, радуясь, что она позволила мне сорваться с крючка.

— Я присоединюсь к вам Жуком сегодня в Парке, — говорю я, целуя её в щеку.

Она молчит, когда я уйду с Эвангелиной.

Глава 24

Натали

Я мчусь вниз, в лабораторию, надеясь провести несколько тестов с Золотым Дурманом, чтобы найти, с чем он смешан. Ревность сдает меня изнутри при мысли об Эше с Эвангелиной. Как я вообще могу конкурировать с полукровкой? Они же все такие невероятно красивые, а я просто обычный человек.

Я думаю, что мне улыбнулась удача, раз я не наткнулась сразу на Крейвена в лаборатории, так что я устремляюсь к одному из микроскопов. Но затем дверь в биологическую лабораторию открывается и оттуда выходит Крейвен, держа в руках тонкий черный кейс. Его жесткие бронзового цвета волосы выглядят неопрятно, и под его зелеными глазами залегли темные круги, как будто он не спал несколько дней. Он, кажется, удивился, увидев меня.

— Здравствуй, моя хорошая. Чем могу помочь? — спрашивает он.

— Я... э... — я незаметно засовываю Золотой Дурман себе в карман. — Ты не знаешь, когда возвращается Себастьян? — Это единственная мысль, пришедшая мне в голову.

— Он приехал домой несколько минут назад. Он в своей комнате.

— Здорово, — улыбаюсь я фальшивой улыбкой.

Я иду наверх, крадусь на цыпочках мимо двери Себастьяна, не желая, чтобы он знал, что я здесь, но паркетная доска скрипит под ногами. Его дверь открывается, и я чувствую удушье. Себастьян сбрил свои великолепные белокурые волосы, и прямо над его левым ухом виднеется заготовка тату розы. Комната за его спиной практически пуста. Даже шелковые простыни на его кровати заменены на самые обыкновенные белые хлопковые.

— Ты сбрил волосы, — констатирую я.

Он проводит рукой по своей голове и холодно улыбается.

— Конечно. Каждый последователь Праведной веры должен избавиться от волос.

Я слишком потрясена, чтобы говорить. Вместо этого я просто направляюсь в свою спальню и убираю флакон с Золотым Дурманом в шкатулку на тумбочке. Себастьян следует за мной через мгновение и плюхается на мою плюшевую кровать.

— Что это ты делаешь? — спрашиваю я.

— Я бы хотел прогуляться с тобой. Я не видел тебя несколько дней. Думал, мы сможем поболтать.

— Я ухожу, — я хватаю из гардероба какую-то одежду.

— Куда собираешься? — спрашивает он.

— Не твоё дело.

— Я твой телохранитель, так что это моё дело, особенно, после того, что случилось с Малькольмом.

Внутри меня все перевернулось при звуке его имени. Я все еще вижу в своих снах мертвые изуродованные тела Малькольма и Трюфелька, после них меня преследуют кошмары о ребенке в пещере. Мои глаза снова возвращаются к темному пятну на моем полу, где кровь Трюфелька стекала на ковер. Я бью по ковру выше пятна.

Я переодеваюсь в ванной и спешу на улицу, Себастьян следует за мной, несмотря на мои протесты. Попробую избавиться от него, когда доберемся до Парка.

Несмотря на свое название, квартал не выглядит как лужайка с травкой и качелями.

Ничего такого в Блэк Сити больше не существует. Парк просто является сокращением от Паркового Бульвара, старой улицы в богатом квартале города, подвергшейся бомбардировке во время одного из арталетов.

Ворота скрипят, когда я открываю их. Улица выглядит как на фото-негативе: белые мраморные дома почернели от сажи, в то время как земля присыпана белым снегом.

Стоит жутковатая тишина, пока мы с Себастьяном идем по центру дороги. Я изучаю дома по обе стороны от нас: крыш у них давно уже нет, окна выбиты снарядами. Многие постройки превратились в груды щебня. Несмотря на то, что жители были эвакуированы отсюда год назад, их призрачное эхо все еще живет здесь.

— Это навевает некоторые воспоминания, — тихонько произносит Себастьян.

В том числе те, которые я предпочла бы забыть.

Мы приближаемся к особняку в конце Паркового Бульвара. Себастьян успокаивающе берет меня за руку. Некогда элегантное белое здание теперь разрушено, заброшено и покрыто пеплом. Колючие лозы обвивают дом, медленно притягивая строение к земле.

— Это место как будто из сна, — тихонько говорю я, — Я знаю, что это был мой дом, но все же я не узнаю его.

Я беру себе на заметку, что нужно будет взять отсюда сувенир для Полли, если представится шанс. Я ведь так и не удосужилась это сделать с той ночи, как встретила Эша под мостом две недели назад.

Грегори сидит на каменных ступенях лестницы у центрального входа в особняк, в одиночестве, кутаясь в пальто брата. Надпись на двери гласит: "Опасность! Неустойчивая постройка. Не подходить!" На газоне разожгли большой костер, и несколько группок людей столпились вокруг него, пропитываясь дымом от горящих веток мальвы, из которых разожжен костер. Среди них были также Эш, Жук и Дей. Она стоит немного в стороне от других, явно не желая ни быть в их числе, ни остаться одной.

Черные глаза Эша мерцают в свете огня. Улыбка сползает с его губ, когда он видит Себастьяна, держащего меня за руку.

— Даже не думай утраивать сцену, — предупреждаю я Себастьяна, высвобождая свою руку. — Если ты пришел заботиться обо мне, то просто выполняй свою работу. Понятно?

Себастьян смотрит на Эша, затем снова на меня. Темные эмоции мелькают на его лице. Я перестану дышать. Он что-то подозревает.

— Все, что угодно, лишь бы ты была счастлива, — говорит он.

Мы подходим к ребятам, и я становлюсь напротив Эша, достаточно близко, чтобы он знал, что я с ним, но не настолько близко, чтобы у Себастьяна были причины для подозрений.

Лицо Эша неподвижное, словно камень.

— Извини, — говорю я беззвучно, одними губами.

Он снова переводит все внимание на костер. Я хочу подойти к нему и взять за руку, но не могу. Не у всех на глазах.

— Итак, Фишер, — невозмутимо говорит Себастьян, — ты рад нашей первой охоте в качестве Ищеек, которая будет на этой неделе?

Эш сжимает кулаки.

— Хватит издеваться над ним, — огрызаюсь я на Себастьяна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мне не верится, что мы должны пойти на охоту. Так много всего произошло, что я

совсем об этом забыла. Как я могу охотиться на Дарклингов, если с одним из них я в серьезных отношениях? Я даже представить не могу, что Эш чувствует по этому поводу.

Эш устался на огонь, как будто я и не существую вовсе. От огня на его коже появляется теплый румянец, и начинает казаться, что он почти такой же человек, как и все остальные. Часть меня хочет, чтобы он был человеком, тогда все было бы намного проще. Мы могли бы при всех держаться за руки, целоваться, быть вместе — действительно вместе, как обычная пара. Но тогда он не был бы Эшем.

— Когда ты обратился в Праведную Веру? — спрашивает Дей у Себастьяна, настороженно оглядывая его бритую голову.

— Несколько дней назад. На меня снизошло озарение, — объясняет он, переводя взгляд на Эша. — Пуриан Роуз показал мне, что я иду в неверном направлении. Я был слишком снисходителен к Дарклингам. И если я не сосредоточусь полностью на этих кровососах, то не успеете вы и оглянуться, как они будут расхаживать по нашим улицам, нападать на людей и спать с нашими женщинами.

Моё сердце бьётся быстрее. Губы Эша дёргаются.

— Конечно, ты-то Фишер подобного никогда не сделаешь? Переспать с человеческой девчонкой, я хочу сказать, — говорит Себастьян.

— Себ, довольно! — говорю я.

Он злобно мне улыбается:

— Прости, дорогая.

— Не обращай ко мне так, — возражаю я.

— Почему? Тебе же нравилось, когда мы были вместе, — говорит он.

— Себастьян, не провоцируй меня. Помни, с кем разговариваешь. Я твой босс, а не твоя девушка, — говорю я.

Зеленые глаза Себастьяна темнеют от гнева.

— Да, мэм. Приношу извинения.

Эш засовывает руки поглубже в свои карманы и обходит особняк с торца. Грегори наблюдает, как Эш уходит.

Мне нужен повод, чтобы пойти вслед за Эшем.

— Мне надо в туалет. Останься здесь, — говорю я Себастьяну, получая небольшое удовольствие, приказывая ему.

— Ты не войдешь в этот дом. Он может в любую минуту развалиться, — говорит он.

— А куда ты предлагаешь мне идти? В кусты? — сердито спрашиваю я.

Он хватается меня за запястье.

— Тронешь меня еще хоть пальцем и я добьюсь, чтобы тебя уволили, — говорю я.

Он отпускает меня, бормоча себе под нос проклятья.

Я иду за Эшем, надеясь, что никто из остальных ребят не рискнет войти в дом за мной. Когда я ступаю, под ногами скрипят половицы, а с потолка кусками осыпается штукатурка. Я обнаруживаю Эша на кухне. Он водит пальцем по толстому слою пыли, скопившемуся на столе.

— Я говорила Себастьяну не приходить. Он не послушался.

— Ты говорила мне, что он не твой парень.

— Он не мой парень! Мы расстались несколько месяцев назад. — Я прикусила губу. — Ты злишься на меня?

— Нет.

Он выходит из кухни и направляется через коридор в кабинет.

Я иду за ним.

— А ведешь себя так, будто злишься.

— Я не злюсь.

— Тогда почему ты на меня даже не взглянул?

Эш ударяет рукой об стену, заставляя картину упасть вниз. Я вздрагиваю.

Он обращает ко мне свои блестящие глаза.

— Он пахнет, как ты.

Я выдыхаю:

— Чего?

— Он полностью пропах тобой.

— Он побывал в моей постели.

Я тут же сожалею о том, что сказала, когда Эш кривит лицо.

— Он просто друг. Вообще-то, даже и не друг. Он работает на меня.

На полу валяются два перевернутых стула. Эш подбирает один и садится на него. Эта сцена приносит с собой вспышки воспоминаний, образы, которые я пыталась забыть почти весь год.

— Это нечестно. Он может бывать в твоей постели. Он может бывать с тобой на публике, а мне приходится вести себя так, будто мы едва знакомы. Я ненавижу, что даже не могу взглянуть на тебя, боясь, что кто-то может догадаться, что я испытываю к тебе, — говорит Эш.

— Себастьян что-то подозревает, — говорю я.

Он пробегает пальцами по волосам:

— Уверена?

— У него нет никаких доказательств, даже, если он что-то подозревает. Разговаривать с тобой не является преступлением, а это все, что он видел, — говорю я.

Он кивает, а затем слабо мне улыбается.

— Ты что-нибудь выяснила про Золотой Дурман?

— Нет. А ты?

— Эвангелина отдала его своим алхимикам. — Он потер шею. — Слушай, прости, что ушел с ней тогда, но ты ведь все понимаешь, да? Она единственная полукровка, с которой я знаком, мне просто хотелось побыть с ней какое-то время.

У меня внутри бушует ревность, но я заставляю себя улыбнуться.

— Все нормально. Тебе должно быть интересно с ней. Это естественно.

Он смотрит вниз на свои ноги, и я клянусь, что на секунду его щеки вспыхивают румянцем. Нет, наверное, это все мое воображение. Эш заботится обо мне. Я его Кровная половинка. Он встает и вешает, упавшую картину. Его глаза округляются. Он поворачивает ко мне картину и с неё мне улыбаются мои родители.

— Я выросла здесь, — говорю я. — Я жила здесь до тех пор, пока моего отца не убили, как раз перед воздушными налетами в прошлом году. Нас вскоре эвакуировали в Центр, вскоре после начала налетов; я впервые здесь, после его смерти.

Эш вешает картину и осматривается. Кабинет огромен. Деревянные полы и темно-зеленые стены, но все покрыто пылью и пеплом. Сломанные напольные дедушкины часы. На циферблате двадцать птиц, показывающие время. Время в моем доме измерялось пением птиц.

Черные волосы Эша шевелятся, когда он ходит по комнате. Он удивленно смотрит на меня.

— Она повсюду. — Он проводит рукой по стене, убирая слой пыли, чтобы открыть темные брызги высохшей крови.

Я отвожу взгляд.

— Что случилось? — спрашивает он.

Перед моими глазами возникают события той ночи, и я закрываю глаза.

* * *

Я просыпаюсь под звуки соловьиной трели. Одиннадцать часов. Сквозь половицы проникает злой настойчивый голос отца. С кем это он так поздно разговаривает? Я крадусь в комнату Полли и обнаруживаю, что она уже проснулась. Мы на цыпочках спускаемся вниз. Мама вертится возле двери в кабинет, её волосы распущены. Она что-то быстро говорит человеку, прячущемуся в тени. Что-то шевелится у её ног и в нос ударяет запах гниющей плоти.

Мама замечает нас и на её лице появляется страх.

— Идите вверх! — восклицает она.

— Нет. Приведи их сюда, — приказывает тихий расслабленный голос.

— Нет, не смей! — раздается голос отца из кабинета. — Девочки, бегите! БЕГИТЕ!

Полли пускается бежать, но я стою, словно приросла к земле, охваченная ужасом за себя, за отца. Мне нужно убедиться, что с ним все в порядке.

— Ну же! — зовет меня Полли.

Адреналин придает мне силы действовать. Я несусь в кабинет, и Полли следует моему примеру. У меня перехватывает дыхание от того, что я вижу. Отец привязан к стулу, избитый и окровавленный. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Папа, что происходит? — спрашиваю я.

— Уходи! Уходи! — кричит он.

Рычание привлекает мое внимание к человеку в тени. У его ног — Разъяренный, его желтые глаза буравят мои, с его клыков стекает яд. Я кричу и падаю назад в объятия Полли. Разъяренный помечает меня Взором, намереваясь съесть меня. Он жадно нюхает меня, чтобы понять, что я за еда. Он наклоняет голову, а затем, не заинтересовавшись мной, пятится назад.

— Кажется мне, Джонатан, что ты не был полностью откровенным со мной. Возможно, тебя нужно чуть подтолкнуть? — говорит мужчина. Я мгновенно узнаю этот вкрадчивый голос. Пуриан Роуз.

Он поднимает руку в белой перчатке и указывает на охранников, стоящих в углу комнаты — я их даже и не заметила. Она набрасываются на меня с Полли и ставят нас рядом с отцом.

Волчьи глаза Пуриана Роуза наблюдают за нами из темноты.

— Итак, которая девочка это будет? — Он смотрит на мою мать. — Эмиссар, почему бы Вам самой не выбрать?

Я пинаюсь и борюсь со своим похитителем, пока мама смотрит то на меня, то на Полли.

— Не заставляй меня выбирать. Не надо... я не могу, — умоляет она.

— Выбирай, или умрут обе, — приказывает Пуриан Роуз.

— Полли! Берите Полли! — торопливо говорит мама, подбегая ко мне и притягивая меня в свои объятия.

* * *

— Они пытали Полли до тех пор, пока отец не признался в сотрудничестве с Фронтом Легиона "Освобождение", — в оцепенении говорю я. — А потом, когда Пуриан Роуз получил все за чем пришел, он натравил на отца Разъяренного. Нам посчастливилось сбежать.

— Мне так жаль, — говорит Эш.

— Сигур Марвик обещал защитить моего отца, когда он перешел на сторону Дарклингов, но так и не сделал этого. Он бросил его на произвол судьбы. Он бросил всех нас, когда мы больше всего в нем нуждались.

Эш хмурится:

— Да, похоже на Сигура. Он отправил на смерть свою племянницу.

— Не знаю, почему Пуриан Роуз оставил нас в живых. Мама не любит говорить об этом, кроме того, что мы считали бы это своим благословением. Она никогда не позволит мне забыть, что это моя вина в том, что Полли пострадала. Если бы я убежала, как велел мне папа, то...

Эш тянет меня в свои объятия.

— Я никогда не пойму, почему мама предпочла меня Полли. Моя сестра всегда была её любимицей. Теперь она притворяется, что её даже не существует, — шепчу я.

Слезы начинают течь ручьем. Я отталкиваю Эша и выбегаю из комнаты. Он догоняет меня в моей старой спальне, которая разрушена, стены покрыты граффити и мебель вся перевернута и обуглена. Моя кровать все еще на месте, хотя вид у нее такой, будто за прошедший год ей многое пришлось вынести.

Я ложусь поверх грязных покрывал и не возражаю, когда Эш присоединяется ко мне. Это позволяет ему прикоснуться ко мне, пока остальные остаются снаружи, но я очень надеюсь, что никому не придет в голову взглянуть на дом изнутри. Мы лежим как две ложки, расположенные друг напротив друга.

— Я не могу выносить этот мир. Он полон злобы и страданий. Смерть везде, куда не взгляни. — Я поворачиваю лицо к Эшу. — Я хочу перестать это чувствовать. Эш, пожалуйста, заставь меня забыть обо всем. Хотя бы на короткое время, я хочу пожить в мире, в котором мы не должны быть врагами.

Он неуверенно смотрит на меня.

— Эш, пожалуйста...

Он настойчиво целует меня, пытаясь вытеснить боль из наших чувств. Его сердце бьется в унисон с моим, и меня заполняет его боль, любовь, желание. Все его чувства проходят сквозь меня. Руки Эша спускаются вниз по моему телу, легко касаясь моей груди, живота, проскальзывая под пояс моих джинс. Я вздыхаю и взбираюсь на него, мои пальцы скользят под его хлопчатобумажной одеждой, лаская его живот. Он нерешительно нажимает губами на мой пульс и проводит кончиком языка по моей шее. Я запускаю пальцы в его волосы и он стонет, его чувства взрываются от моих прикосновений.

— Может... тебе... лучше... остановиться, — говорит он между быстрыми вдохами — Я...

больше... не могу... сдерживаться...

Я продолжаю перебирать его волосы, зная, что делаю с ним, зная, как возбуждает его такая стимуляция волос и мне нравится тот факт, что я произвожу такой эффект на кого-то настолько красивого, как он.

Он весь дрожит:

— Натали.... прекрати...

— Нет.

— Останови...

Я этого не делаю. Клыки Эша погружаются в мое горло.

Я кричу, но звук скоро исчезает, когда яд проникает в кровь, горячий и покалывающий, обезбаливая мою кожу в месте, где её прокололи клыки. Комната начинает мерцать и я моргаю раз, другой, пытаюсь сосредоточиться, но здесь так много цветов, ярких, прекрасных цветов циркулирует в воздухе. Я провожу рукой по радуге, и хихикаю, когда цвета лопаются и превращаются в бабочек! Они порхают в танце вокруг моей головы. Они такие милые, что я чуть не плачу.

Блаженство разливается по мне. Я никогда не чувствовала себя такой счастливой. Мои руки в волосах Эша, затем я начинаю теревить его одежду, пытаюсь коснуться его кожи. Мне нужно прикоснуться к нему — я жажду этого больше, чем воды, воздуха.

Почему я так боялась быть укушенной? Это не так уж и плохо. Это совсем не так, как когда на папу напали, его кровь растеклась по всему полу...

В мой разум тут же врывается образ его мертвого тела. Как будто он был здесь, в этой комнате, со мной, и все произошло сначала. Блаженство сменилось ужасом. Моя шея содрогнулась от боли. Ой... ой...

— Ой! Слезь с меня! — говорю я.

Эш отскакивает назад, его щеки краснеют. Дыхание сбилось, он весь дрожит. Мне удастся сесть, хотя движения вялые, тело меня не слушается. Голова легкая и кружится, и желание все еще бушует во мне, но я использую все оставшиеся силы, чтобы отодвинуть его в сторону. Это не настоящие эмоции. Это просто эмоции, вызванные Дурманом.

— Ты... дал мне... наркотик... — Я едва могу говорить.

Эш опускает голову на руки.

— Мне так жаль, — бормочет он, сквозь пальцы. — Я предупреждал тебя, что теряю контроль, но ты настаивала. Я думал, ты хотела этого.

— Я хотела, чтобы ты меня поцеловал, я хотела, чтобы мы зашли даже дальше, и я допускаю, что увлеклась, но я не этого хотела. Ты знаешь, как мой отец погиб — ты должен понимать, как сильно я боюсь быть укушенной, — говорю я.

— Я пугаю тебя? — тихо спрашивает он.

Я не отвечаю. Мы просто сидим в нескольких футах, но я чувствую себя так, будто между нами пролегло большое расстояние. С момента нашей первой встречи я по-настоящему задумалась о том, что же на самом деле означает встречаться с полукровкой-Дарклингом.

Дверь в спальню внезапно с грохотом распаивается и в комнату вваливается Грегори. Его тонкие волосы облепили изможденное лицо, карие глаза смотрят диковато и безумно. Выглядит он так, будто сошел с ума. Он бросает взгляд на Эша, и на кровь, стекающую по моей шее, и стремительно кидается на Эша.

— Ты гнилой гибрид! — вопит он.

Эш устремляется прочь с его дороги с молниеносной скоростью.

— Ты все неправильно понял! — говорю я.

Эш качает мне головой из стороны в сторону, страх появляется в его глазах. Я осознаю свою ошибку — то, что мы сейчас делали, это намного хуже, чем если бы Дарклинг просто укусил меня. Я хватаю Грегори за руку, так как он пытается сделать еще одну попытку, чтобы ударить Эша.

— Он просто дал мне немного Дурмана! — говорю я.

Грегори замирает и смотрит на меня с презрением. На лестнице слышны поднимающиеся шаги, без сомнения тех, кого привлекли наши крики.

— Ты — отвратительна, — глумится надо мной Грегори — Позволить гибриду питаться тобой. Я должен бы рассказать об этом твоей матери.

— Это тебя не касается.

— Как ты можешь позволять с собой делать такое? Да что с тобой? Ты — предательница расы?

— Как Крис, ты имеешь в виду? — тут же спрашиваю я.

Глаза Грегори загораются яростью, он набрасывается на меня, бьет по лицу и начинает бить меня об пол. Громкий рык заполняет комнату. Эш скалит клыки на Грегори. В нем нет сейчас ничего человеческого. Он выглядит, как дикий зверь, полный злобы и силы.

Грегори отступает назад, его нога ударяется о край кровати.

— Я в порядке, — говорю я. "Эш, прошу тебя, только ничего не предпринимай, пожалуйста..."

За Себастьяном в спальню вбегают Жук и Дей.

— Только попробуй напасть, помесь. Тут куча свидетелей. Тебе это не сойдет с рук, если ты сделаешь мне что-нибудь, — говорит Грегори Эшу.

— Что Эш сделал с тобой? — говорит Дей, заметив, что по моей шее сочится кровь.

Эш делает еще шаг в сторону Грегори, его клыки все еще обнажены.

— Эш, успокойся. Я в порядке, — умоляю я.

— Арестуй его! — приказывает Грегори Себастьяну.

— Себ, если ты арестуешь Эша, у меня тоже будут неприятности, — говорю я. — Ты у меня в долгу.

Мы обмениваемся многозначительным взглядом. Он знает, что я имею в виду его темные секреты, которые я хранила все эти месяцы.

— Мне кажется, тебе лучше уйти, — в конечном счете говорит Себастьян Грегори, — И если хоть одно слово об этом достигнет ушей Эмиссара, я вышвырну тебя из Ищек.

Грегори выходит из комнаты, хлопая за собой дверь.

Эш тянется ко мне.

— Ты в порядке?

Я вздрагиваю, все еще злая на него из-за этого наркотического опьянения, хоть я и понимаю, что часть вины за это лежит и на мне, ведь я ввела его в заблуждение.

Себастьян тычет пальцем в грудь Эша.

— Если ты когда-нибудь прикоснешься к ней снова, это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни, кровосос.

Он берет меня за руку и выводит из комнаты.

Себастьян не произносит ни слова, пока мы не возвращаемся в мою спальню.

Он усаживается на край моей кровати.

— Итак, теперь ты у нас подседа на наркоту?

— Нет.

— Тогда чем ты занималась с тем гибридом?

Я покраснела при воспоминании, чем мы занимались в постели, прежде чем он укусил меня. Себастьян вместе сложил два и два.

— Он полукровка!

— Кто бы говорил! Ты изменил мне с Дарклингом, — огрызаюсь я.

Себастьян больно хватает меня за руку.

— Я просто спал с ней, так как ты мне этого дать не могла! Если бы ты спала со мной, мне не нужно было бы искать способ удовлетворения своей похоти на стороне.

— Ты делаешь мне больно, — говорю я.

Себастьян сразу отпускает меня, проводя рукой по своей бритой голове.

— Как ты могла выбрать его вместо меня? Я люблю тебя, — говорит Себастьян.

— Ты не любишь меня. И никогда не любил — ты просто хотел, чтобы я была твоей собственностью, — отвечаю я.

В его зеленых глазах мелькает гнев.

— Я должен был его арестовать.

— Если ты его арестуешь, они меня казнят. Ты этого хочешь?

— Нет, — тихо говорит он.

— Выметайся из моей комнаты, — говорю я.

— Не думай, что я забуду об этом, — говорит он, прежде чем уйти.

Я сижу на кровати. Меня всю трясет. На моей прикроватной тумбочке звонит телефон. Это Дей.

— Я знаю, что мы больше не подруги, но я хотела узнать все ли у тебя в порядке, — говорит она.

Я должна бы на неё злиться, но сейчас, как никогда, мне нужна подруга. Я начинаю плакать, от усталости и эмоций после всех этих драматических событий.

— Нат, не плачь. Он такой придурок. Не могу поверить, что он укусил тебя...

— Я не из-за Эша плачу, — говорю я сквозь слезы. — И он на меня не нападал. Мы целовались, и увлеклись в процессе. — Я думаю, нет смысла врать ей о нас, она уже знает о наших отношениях.

— О, я думала... фигня, не обращай внимания, — говорит она.

— Что ты думала? Что мы с Эшем расстались?

— Да, — признается она.

— Так теперь дай я угадаю: ты думала, что мы снова можем быть друзьями, когда Эш исчез с горизонта. Так? — огрызаюсь я, сердитая на неё, на Себастьяна и вообще на всех сразу.

— Нет, я просто подумала, что ты расстроена и, возможно, тебе нужен кто-то, с кем можно поговорить, кто-то, кто мог бы тебя понять. Я рассталась с парнем, которого любила, так что я знаю, как это должно быть тяжело, — отвечает она.

— Ааа... — говорю я.

— Натали, я пытаюсь извиниться. Я хочу, чтобы мы снова стали подругами.

Я вздыхаю. Мне и, правда, нужна подруга.

— Если мы будем снова подругами, тебе придется лучше относиться к Эшу. У него доброе сердце, и ты знаешь это в глубине души. Он приносит твоей семье еду, и он помогает Жуку.

— Он все еще дилер.

— У него нет выбора, Дей. Ему нужны деньги.

На другом конце телефонной линии долгая пауза.

— Ладно, — наконец-то, говорит она.

Мы немного поболтали, разговаривать так легко и просто. Как будто мы никогда и не ссорились. Я кладу телефон, ощущая себя немного лучше.

Я откидываюсь назад и слегка касаюсь двух проколов на шее. Я очень сильно переживаю за Эша, но сегодня он меня напугал. Если еще не было нашего соединения, как Кровных половинок, можем ли мы быть вместе? Впервые с тех пор, как мы поцеловались в первый раз, я не знаю, как ответить на этот вопрос.

Я роюсь в кармане в поисках ключей от входной двери. Мои руки все еще дрожат от адреналина, я все еще на взводе от всего того, что произошло сегодня вечером. Ключи выскальзывают из пальцев и падают в растущий рядом куст.

— Черт! — вскрикиваю я, ударяя кулаком по двери.

Стыд тяжким грузом давит мне на плечи, когда я думаю о Натали и как она отпрянула от меня, когда я попытался прикоснуться к ней.

Я пугаю её.

Она моя Кровная половинка, а я пугаю её! Зачем я укусил её? Конечно, она не хотела, чтобы я делал это, каким надо быть уродом, чтобы хотеть это? Она просила о чем-то другом. Мне хотелось самому себе хорошенько наподдать, что я за хренов идиот.

Я отыскиваю свои ключи и тихо захожу в церковь, прокрадываюсь мимо папы, который спит на кухне, охраняя подземелье. Я иду в свою комнату, находящуюся в колокольне. У неё шесть углов и в центре комнаты висит потускневший медный колокол, а там, где должны были быть окна высокие стеклянные арки. Большинство арок заколочены, но две остались открытыми. На день я цепляю на них черные пластиковые листы, чтобы защититься от сильных солнечных лучей или непогоды, но на ночь я снимаю их, чтобы иметь лучший вид на город. У меня не так много вещей, всего несколько книг и кое-какие наброски, развешанные на стенах. Большинство рисунков Блэк Сити, но теперь есть и несколько портретов Натали.

Я застываю, как вкопанный. Эвангелина, одетая в голубую мантию, цвет, который так идет её чернильным волосам, изучает один из моих рисунков. Она проводит пальцем по портрету Натали.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

Она отрывает глаза от картины.

— Я кое-что тебе принесла.

Мы усаживаемся на мою скрипучую кровать. Мои ноздри заполняет легкий аромат лилий Кольдер, когда Эвангелина убирает волосы на одну сторону, застенчиво мне улыбаясь. Меня охватывает тоска. Бьюсь об заклад Эвангелина бы не испугалась, если бы я укусил её. На самом деле, я знаю, что ей бы это даже понравилось; всем Дарклингам нравится. Я сердито отбрасываю эту мысль куда подальше. У меня не должно быть подобных мыслей. Кроме того, если я укушу Эвангелину, то могу заразиться вирусом Разъяренных. Порой я забываю, что она заражена; на вид она совсем здорова.

Эвангелина протягивает мне резную деревянную шкатулку.

— Я нашла её у Анноры в комнате. Подумала тебе может понравится, — говорит она.

Я открываю шкатулку и медленно вытряхиваю из неё содержимое, бережно изучаю каждый предмет. Я подавляю эмоции, когда понимаю что это за предметы: все самые ценные мамы вещицы.

Три выцветших фото: на одном из них я, будучи еще совсем мальцом, на другом вся моя многочисленная семья, а на третьем мама с папой в день их свадьбы. Есть и другие памятные вещи, например, памфлет Фронта Легиона "Освобождение" с фото Сигура на нем золотой амулет в форме, похожей на четвертинку круга, со странной надписью по ободу, и

прядь белых волос, перевязанных ленточкой.

Эвангелина слегка прикасается к моей ноге, когда я смотрю на мамины вещи. Все происходит так естественно, что я и не думаю убирать её руку.

Последними вещами в шкапулке, оказываются восемь конвертов, перевязанных вместе веревочкой. Все они адресованы мне. Я в нетерпении из открываю. В каждом конверте открытка к моему дню рождению, сделанная её руками. Одна на каждый год, пока мы были с ней врозь.

— Эш, она никогда о тебе не забывала, — говорит Эвангелина.

Одинокая слезинка скатывается по моей щеке. Я в смущении отворачиваюсь.

— Все хорошо, — шепчет она, вытирая слезу с моей щеки.

Её рука задерживается на моем лице и по моей коже пробегают мурашки, в том месте, где она касается меня. Лунный свет, проникающий через распахнутое окно, заставляет её кожу казаться переливчатой и блестящей. Мой пульс учащается.

— Аннора столько мне про тебя рассказывала, — говорит Эвангелина. — И должна признаться, я тебе немного завидовала.

— Мне? Почему? — удивляюсь я.

— У тебя были люди, которые тебя любили. Твоя мама, папа, — говорит она. — Я потеряла своих родителей во время войны. Я так по ним скучаю. Я так...

— Одинока, — заканчиваю я за неё предложение.

Она кивает, её пальцы переплетаются с моими.

— Но я больше не одинока, теперь в моей жизни есть ты.

Жизнь была бы намного проще, если бы моей девушкой была Эвангелина. Но это не она, моя девушка — Натали. Я отпускаю её руку. Уязвленная этим Эвангелина, отворачивается.

— Могу я повидаться с Аннорой? — спрашивает она.

Я киваю.

Мы проникаем в склеп, стараясь не разбудить папу. Мама сидит скорчившись в углу комнаты, дрожа от боли. Её дыхание громкое и булькающие, будто в легких скопилась жидкость. Наступила последняя стадия болезни. Горе съедает меня изнутри. Я всегда мечтал, что, если она вернется, то пустота, которая осталась после её ухода, исчезнет, но пустота только разрослась.

Эвангелина зажимает рот рукой, сдерживая рыдания.

Я пячусь назад, стараясь не находится слишком близко, и изучающе смотрю на маму, пытаюсь найти признаки той женщины, которую я помню с детства. Я вижу проблески: она читала мне, когда я был совсем маленьким, огонь в ее глазах, когда она говорила о движении за гражданские права Дарклингов, как они танцевали и пели с папой на свою годовщину, ее щека покоилась на его руке, ее длинные темные волосы волнами струились по ее спине.

Теперь же её волосы сильно поредели, так как выпадают клочьями; глаза пожелтели; тело гниет. Она не моя мать — она чудовище. Как бы мне хотелось, чтобы она никогда не возвращалась. Я не хочу помнить её такой.

Она стонет и вздрагивает, когда боль волнами накрывает её тело.

— Мама, — говорю я, мой голос срывается.

Я должен что-то сделать, но что я могу? Нет лекарств, которые могли бы помочь ей, а уж тем более вылечить.

Эвангелина, не раздумывая, мчится к ней.

— Эвангелина, нет! — предостерегаю я.

— Эш, я уже заражена, — напоминает она.

Эвангелина нежно гладит маму по спутанным волосам, успокаивая её. Я так благодарен ей за то, что она здесь и может, в отличие от меня, утешить маму.

— Спасибо тебе, — говорю я Эвангелине.

Я сажусь на колени недалеко от них, вне досягаемости от маминого укуса.

Маму пронизывает еще одна волна боли, и она рыдает. Эвангелина обнимает её.

— Аннора обычно пела Разъяренным, когда ухаживала за ними, дежуря в палате, — говорит она мне. — Это их успокаивало. Эш, спой ей.

Мой разум пуст. Я не могу думать ни о каких песнях. А потом на ум приходит одна мелодия, колыбельная, которую мне пела когда-то мама, когда я был еще маленьким. Слова медленно вспоминаются, и я тихонько ей напеваю.

— Тише, тише, не рыдай

И скорее засыпай.

Колыбельную свою,

Для тебя сейчас пою.

Пусть тебе приснится сон,

Где с тобою мы вдвоем.

Искренне люблю тебя,

Я с тобою навсегда.

Мама вздыхает и перестает дрожать. Похоже, это ей чуть-чуть помогло. Она пытается улыбнуться, но у неё не очень выходит.

— Эш... — шепчет мама.

Она протягивает ко мне свою когтистую руку.

Я замираю в нерешительности.

Она же моя мама.

Я осторожно протягиваю руку, и наши пальцы соприкасаются. Я улыбаюсь, но это улыбка горечи, потому что мы оба знаем, что возможно это последний раз, когда мы прикасаемся к друг другу.

Обычно я не стремлюсь попасть в школу, но я отчаянно хотел увидеть Натали. Я подбираю по дороге Жука и спешу скорее на городскую площадь, не делая свой обычный крюк вниз к городской Окраине, чтобы пройти мимо Пограничной стены.

— Как все прошло вчера с мистером Табсом? — интересуется Жук.

У нас не было возможности поговорить об этом прошлой ночью, так как вместе с Натали явился и Себастьян. Я рассказал ему, что случилось, о том, что Натали с Эвангелиной собираются провести с Золотым Дурманом кое-какие анализы, чувствуя себя немного бесполезным из-за того, что сам больше ничем не могу помочь.

— Надеюсь, что они уже в ближайшее время что-то выяснят, прежде чем еще чью-нибудь смерть повесят на какого-нибудь Дарклинга, — говорит Жук, напоминая мне о моем аресте на прошлой неделе.

— Уверен, Натали это выяснит, — говорю я.

— Слышал чего-нибудь от неё? — спрашивает Жук, когда мы выходим на городскую площадь.

— Нет.

— Может быть, покинув прошлой ночью Парк, она прямиком пошла спать, — говорит Жук.

— Может быть, — говорю я.

На площади перед школой собралось около тысячи протестующих, которые держали высоко над головой плакаты. Одни поддерживали Закон Роуза, другие призывали правительство Стражей освободить Дарклингов. Тетка Жука выкрикивала в мегафон призывы и лозунги, заводя толпу, её длинные дреды покачивались в унисон каждому слову.

— Неужели эти люди никогда не разойдутся по домам? — ворчу я, проталкиваясь сквозь толпу.

— По крайней мере, им не все равно, — в их защиту говорит Жук. — Они пытаются свергнуть Пограничную стену, а это куда больше, чем делаешь ты.

Я поворачиваюсь к нему.

— Знаешь что? Иди-ка ты к черту. Ты, сам-то, что сделал для того, чтобы стена рухнула? Вся деятельность Людей за Единство — это рисование плакатиков и выкрикивание бесполезных лозунгов. Уверен, правительство Стражей прямо-таки дрожит от страха.

— Мы делаем гораздо больше, — говорит он.

— Да ну? Например?

— Вот увидишь. Я должен идти. Развлекайся в школе. — Он идет к своей тетке.

Что он имел в виду под "вот увидишь"?

Я поджидаю Натали на школьной лестнице. Мимо проходят корреспондент с ТВ Джуно Джонс и её съемочная группа. У входа также ждет Дей, держа гору книг. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, а потом снова закрывает его.

— Если у тебя есть что мне сказать, просто скажи, — огрызаюсь я.

— Извини, — брякает она.

— Что? — Я ожидал чего угодно от неё, но не этого.

— Я была не права, обвиняя тебя в том, что ты посадил Жука на Дурман.

— Ну да, ошибалась, — говорю.

— Ты, блин, придурок, я пытаюсь извиниться.

Я слабо улыбаюсь:

— Своеобразно ты извиняешься.

Дей улыбается в ответ:

— Прости. Я серьезно. Друзья?

Я колеблюсь немного, а потом киваю. Этого хотела бы Натали.

— Друзья.

Мы ждем Натали молча, между нами все еще сохраняется неловкость, несмотря на наше перемирие. Минуту спустя, по всей городской площади эхом разносится звук лошадиных копыт и у школы останавливается знакомый черный экипаж. Перед дверью экипажа возникает Себастьян и предлагает Натали руку, которая отвергает ее. Она выходит из кареты, убирая свои красивые светлые волосы от лица. Мелькают две отметины на её шее. Меня гложет чувство вины. По выражению её лица я не могу судить продолжает ли она все еще сердиться на меня или нет.

Неожиданно вблизи Пограничной стены вспыхивает драка и Себастьян идет, чтобы разобраться, в то время, как Натали поднимается ко мне. Джуно Джонс преграждает ей дорогу и тычет микрофоном ей в лицо.

— Мисс Бьюкенан! Уделите секунду Вашего времени? Как студенты держатся после смерти Криса Томпсона?

— Мы держимся, как и следовало ожидать, — раздраженно говорит Натали.

— Почему Ваша мать вчера присутствовала на похоронах? Вы хорошо знали Криса?

Натали качает головой и пытается обойти Джуно Джонс.

— Крис был шестой жертвой, умершей от Золотого Дурмана, а больше десяти сейчас находятся в больнице в критическом состоянии. Как вы думаете, почему все больше молодых людей Вашего возраста подсаживаются на наркотики?

Натали замирает.

— Еще кто-то пострадал?

— Да, и это только те, о которых нам известно...

БУМ!

По городской площади эхом разносится мощный взрыв. Ударная волна сбивает меня на колени и я, прикрывая голову, когда школьные окна разлетаются на мелкие осколки и сыплются на землю стеклянным дождем. В ушах стоит звон, словно внутри меня звенят церковные колокола. Я поднимаю голову, в ушах стреляет; звуки атакуют мои чувства: крики паники, бьющиеся стекла, падение тяжелых камней.

Часть Пограничной стены разрушена, обнажив гетто Легион по другую сторону. На нас плятятся тысячи бледных истощенных Дарклингов. Всё замирает, словно мир затаил дыхание. По началу Дарклинги не двигаются, возможно, от шока или страха перед репрессиями.

А затем по их обонянию ударяет запах человеческой крови.

Дарклинги воют.

Они спешат к дыре в стене, привлеченные запахом свободы и горячей крови.

— Эш... — Голос Натали раздается не громче шепота, но для меня он словно сирена, призывающая действовать.

Я устремляюсь вниз по ступенькам и хватаю её в свои объятья.

— Ты ранена? — спрашиваю я.

— Нет. Где Дей? — спрашивает она.

— Я здесь! — Дей спешит к нам. Её, обычно идеальные черные волосы, перепачканы в крови и грязи, а худенькое личико исцарапано, но в остальном с ней все в порядке.

— Мне нужно найти Жука, — говорю я им. — Идите внутрь.

Натали качает головой.

— Я должна убедиться, что с Себастьяном все в порядке.

Мы все втроем проталкиваемся сквозь толпу, в направлении Пограничной стены, где я последний раз видел Себастьяна и Жука.

Образуется столпотворение.

Люди спешат, толкаются, отчаянно пытаясь убраться подальше от Дарклингов, которые нескончаемым потоком льются через пролом в стене. Везде, куда ни взгляни, кричат люди, схваченные Дарклингами, которые уже пьют кровь несчастных. Перепуганные охранники Стражей обнажают мечи и рубят направо и налево, не разбирая, где Дарклинги, где люди. Кровь повсюду, пьянящая, вкусная. Во мне просыпается голод. Я желаю присоединиться к остальным Дарклингам. Я хочу есть.

— Эш, он здесь! — дергает меня за руку Натали, отвлекая от мыслей о жажде крови.

Жук лежит в пыли и мусоре без сознания. Его лицо частично обожжено, а из кровоточащей раны в области живота торчит осколок. Он, должно быть, находился в момент взрыва слишком близко к эпицентру, и его задело шрапнелью. Наверное, он и устанавливал бомбу.

— Он не дышит! — истерит Дей.

Натали делает искусственное дыхание, но оно не помогает; Жук продолжает бледнеть. Ему нужен кислород и как можно быстрее.

Дей рыдает взхлеб.

— Маттиас, не оставляй меня, прошу тебя. Я люблю тебя, пожалуйста...

— Эш, твоя кровь! — говорит Натали.

— Что...?

И вдруг до меня доходит, о чем она. Трипаносома вампириум в моей крови может реанимировать его — в конце концов, именно она насыщает мои органы кислородом. Может и ему это поможет?

Я вонзаю клыки себе в руку, вгрызаюсь в плоть, до тех пор, пока не начинает течь кровь. Натали задирает рубашку Жука, чтобы показать открытую рану на животе.

— Что ты делаешь? — в изумлении произносит Дей.

— Спасая Жуку жизнь, — отвечаю я.

Я держу своё запястье над раной на животе Жука и позволяю своей крови проникать в его тело, целясь в брюшную артерию. Я просто молюсь, чтобы все получилось. Мы ждем, затаив дыхание. После целой вечности ожидания, как нам показалось, хотя на самом деле прошло не больше тридцати секунд, цвет начал возвращаться к лицу Жука. Работает! Я продолжаю вливать в него свою кровь, даже когда начинаю чувствовать слабость и понимаю, что пора остановиться.

Вокруг нас по-прежнему раздаются человеческие крики, люди отчаянно толкают друг друга, пытаясь убраться подальше от Дарклингов, наводнивших округу через брешь в стене. Если мы очень быстро не уберем Жука с земли, то рискуем быть просто растоптанными спасающейся бегством толпой.

Жук издает слабый стон, и веки его трепещут.

— Он жив! — восклицает Дей.

— Натали, слава Богу, ты здесь! — подбегает к нам Себастьян.

Он быстро оценивает обстановку.

— Себ, заberi Жука в школу. Ему нужна медицинская помощь, — говорит Натали, перевязывая мое запястье. — Я пойду сразу за тобой.

— Я тебя здесь не оставлю, — говорит он.

— Нет времени на препирательства! Жук ранен, — отвечает она. — Пожалуйста, он мой друг.

Себастьян смягчается и взваливает Жука себе на руки, а потом несет его к школе. Дей идет за ними. Они быстро затерялись в море бегущего народа. Натали помогает подняться мне на ноги. Я перекидываю свою руку ей через шею, ища поддержки. Я все еще чувствую слабость.

Один из Дарклингов нападает на женщину впереди нас, она издает пронзительный крик, когда существо погружает свои клыки ей в шею. Люди рядом с ней впадают в панику и начинают бежать в нашем направлении, обратно к стене. Нас накрывает волной паникующих людей.

— Эш! — кричит Натали, когда нас разлучают.

Волна тел проталкивается через расщелину в стене. Когтистые, костлявые ручища Дарклингов хватают её и тащат вглубь на территорию Легиона.

— Натали! — я расчищаю себе путь к стене, устремляясь за ней.

Её окружают Дарклинги, открытые участки их кожи трескаются и шипят в тех местах, где солнце попадает на них, но они не обращают на это внимания. Они все приближаются, с их клыков капает яд.

— Отвалите от неё! — кричу я.

Они поворачиваются в мою сторону на какой-то момент, затем отворачиваются, не заинтересовавшись. Я частично Дарклинг, в конце концов, не еда.

— Натали, не шевелись, — тихо говорю я.

Ближайший к ней Дарклинг высовывает свой змеиный язык, пробуя воздух на вкус. Он наклоняет голову в сторону и другой Дарклинг делает то же самое. Они не шевелятся, просто стоят там, наблюдая за ней.

Я чувствую на себе чей-то взгляд и отворачиваюсь от Дарклингов. Эвангелина стоит в двадцати футах от меня, в тени заброшенных зданий. Её чернильно-черные волосы колышутся на ветру вокруг её лица. Она выходит на солнечный свет, опускает капюшон своей голубой мантии и обнажает клыки на Натали.

— Оставь её, — говорю я Эвангелине.

Она выпускает низкий, злобный смех.

— Я так не думаю, Эш. Может ты и простил ей то, что её мать и остальное правительство Стражей сделало с нами, но я — нет.

— Эш, — шепчет Натали.

Как мне защитить Натали? Использовать Взор! Я останавливаюсь и концентрирую свой взгляд на Натали, сфокусировав свой разум на одной только мысли:

МОЯ.

Моё видение приобретает темно-красный оттенок, когда Взор вступает в силу, и воздух вокруг меня наполняется мощным ферромоном, предупреждающим других Дарклингов, чтобы оставили мою жертву в покое. Похоже, это срабатывает, так как Дарклинги крадутся

обратно к своим лачугам, но Эвангелина остается на месте.

Эвангелина смеется.

— Ты серьезно что ли? Снова пытаешься использовать на мне Взор?

Что она подразумевает под словом "снова"?

А потом до меня доходит.

— Ты была тем самым Дарклингом в музее, — говорю я.

Эвангелина злобно смотрит на Натали.

— Тебе понравились мои небольшие подарочки, которые я для тебя оставила?

— Какие подарочки? — не понимает Натали.

— Твой кот и телохранитель? — отвечает Эвангелина.

— Ты убила Малкольма и Трюфелька? Зачем? Что я тебе сделала? — спрашивает Натали.

— Ты украла мое сердце! — выкрикивает Эвангелина.

Мир замер.

У Натали сердце Эвангелины?

— Как такое возможно? — спрашиваю я у Эвангелины.

— Ищейка нашел мою семью во время войны и убил прямо у меня на глазах, — говорит Эвангелина, медленно приближаясь к нам. — Он взял меня с собой в лабораторию штаб-квартиры Стражей, где они раздели меня догола, обрили голову и бросили в клетку, как собаку. Они ставили на мне эксперименты. Они делали жуткие вещи, Эш.

— Ты ребенок из моих снов, — вскрикивает Натали.

Я представил себе эту картину. Эвангелина — молодая девушка, напуганная, одинокая, привязанная к каталке, пока над ней проводили эксперименты больные садисты-врачи.

— Затем в один прекрасный день в лабораторию пришла Эмиссар, плача, рыдая, говоря, что её младшая дочь умирает. Натали была необходима пересадка сердца, но повстанцы захватили больницу, — продолжает Эвангелина. — Поэтому им пришлось обойтись тем, что было в лаборатории. А там была я. Так как я — полукровка, моё сердце подходит для человека, и не то, чтобы я так сильно в нем нуждалась, не так ли? Полукровке не нужно сердце, чтобы выжить.

— Это не может быть правдой, — говорю я тихо. — Натали?

— Я не знала, что это сердце её. Эш, ты должен мне верить, — говорит она. Она поворачивается к Эвангелине. — Вот, почему ты убила Трюфелька и Малкольма? Это месть за то, что моя мать забрала твое сердце?

Эвангелина кивает.

— Я хотела, чтобы ты испытала тот же страх, что и я, когда они вырывали сердце из моей груди. Знаешь, а я ведь была в сознании, когда они это делали?

Натали тяжело дышит:

— Нет, я этого не знала. Мне так жаль.

— Жаль? — Эвангелина кривит губы. — Тебе жаль?

— Да. Я никогда не хотела причинить тебе боль, — кротко говорит Натали.

— В самом деле? — Эвангелина поворачивается ко мне. В её глазах боль. — Тогда представь, как я себя чувствовала, когда мы столкнулись в лавке у мистера Табса и ты сказал мне, что Натали, девушка с отобранным у меня сердцем, и есть та самая твоя Кровная половинка.

У меня в голове возникает страшная мысль.

Обезумевшее выражение лица Натали отражает мое собственное.

Я смотрю на Эвангелину.

— Натали не моя Кровная половинка, — говорю я.

Эвангелина качает головой:

— Нет. Это — я.

Я опускаюсь на колени, не в состоянии принять это. Влага от земли, просачивается сквозь мои брюки, но мне плевать.

Натали не моя Кровная половинка?

— Я ждала подходящего времени, чтобы сказать тебе, — говорит Эвангелина. — Я не была уверена, что ты мневеришь. Я знаю, что ты думаешь, будто у тебя к ней чувства, но все они не настоящие. Это просто ощущение связи с ней потому, что у неё мое сердце.

— Это неправда, — говорит Натали, подходя ко мне.

Я поднимаю на неё глаза.

— Прощу тебя, скажи, что это неправда, — повторяет Натали. — Эш?

Я ничего не говорю в ответ.

Часть меня желает, чтобы Эвангелина оказалась права. Я привязан к Натали только потому, что у неё украденное сердце? Я смотрю на Эвангелину и желание загорается глубоко в моём животе. Она — моя настоящая Кровная половинка. Все эти годы я был одинок, потерял, думая, что я — единственный полукровка в городе, и все это время она меня ждала. Может поэтому меня так тянуло к Пограничной стене? Мог ли я почувствовать её на той стороне?

У Натали начинают дрожать губы.

— Эш? Ты чувствуешь ко мне вообще хоть что-нибудь на самом деле?

— Я не знаю, — признаюсь я.

У неё сбивается дыхание.

Прежде, чем я могу остановить её, Натали карабкается к дыре в стене и убегает прочь. Моё сердце вздрагивает. Что я наделал? Эвангелина хватается меня за руку, когда я собираюсь побежать за ней.

— Позволь ей уйти, — говорит Эвангелина.

— Отвали от меня, — говорю я.

Я бегу за Натали и Эвангелина следует за мной. В городе все еще беспорядок с бегущими по улицам людьми, пытающимися спастись от Дарклингов, которые свободно бродят по окрестностям. Я нигде не вижу Натали. Черт!

На дорогах полно гвардейцев Стражей и танков. Раздаются выстрелы одного из танков, и Дарклинг падает на землю, мертвый. Мы бросаемся в одну из аллей, карабкаемся на ближайшую крышу, чтобы уйти от опасности, используя крыши для передвижения по городу. Я направляюсь к штаб-квартире Стражей, единственному месту, где я, предполагаю, найду Натали.

— Эш, куда ты? — спрашивает Эвангелина.

— А ты куда думаешь? — отвечаю я, когда мы достигаем Унылой улицы в непосредственной близости от штаб-квартиры Стражей.

Мы спускаемся с крыши здания и следуем в переулок рядом с штаб-квартирой. Эвангелина берет меня за руку, останавливая. Мы стоим рядом с переполненным желтым мусорным баком.

— Она того не стоит. Ты сам сказал, ты даже не уверен, что у тебя действительно есть к ней чувства.

— Тогда почему я чувствую себя так, как будто у меня сердце вырвали из груди? — говорю я.

Она отпускает мою руку, качая головой.

— Здесь меня нашел Сигур, ты знал об этом? — говорит Эвангелина, указывая на мусорный бак. После того, как у меня вырвали сердце, меня выбросили сюда вместе с остальным мусором.

Я зажмуриваю глаза. Это слишком ужасно, чтобы даже представить.

— Я не знаю, что делать, — шепчу. — Я люблю Натали, но она не моя Кровная половинка. Я чертовски сбит с толку.

Мягкие губы вдруг прижимаются к моим. Губы Эвангелины. Ощущение... невероятное. Её поцелуй более настойчивый, чувственный, более отчаянный, чем поцелуй Натали. Я отстраняюсь.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, открывая глаза.

— Показываю тебе, что ты теряешь, — говорит она и целует меня снова, в этот раз более настойчиво.

Желание бурлит во мне, и я даже не пытаюсь с ним бороться. Я притягиваю к себе Эвангелину и возвращаю ей поцелуй, сильно, желая найти ответы, ведь мне необходимо знать, есть ли между нами что-нибудь искреннее. Если я собираюсь отказаться от своих отношений с Натали, то я должен быть уверен, что принимаю верное решение. Губы Эвангелины приоткрываются, и её язык находит мой. Это так чувственно, удивительно — каждая клеточка моего тела гудит. Несмотря на все это только одна мысль крутится в моем мозгу: Натали.

Я смутно ощущаю, что дверь позади нас открывается. Слышится вздох. Прерываю поцелуй и поворачиваюсь, чтобы увидеть в аллее Натали, её глаза наполнены слезами.

— Десять минут! Еще и десяти минут не прошло, как ты уже заменил меня на неё, — говорит она. — Я поверить не могу, что собиралась тебя найти, чтобы бороться за тебя, за нас, когда стало совершенно ясно, что я тебе вообще не нужна.

— Это совсем ничего не значит — я просто в замешательстве, — говорю я.

— Эш, только не говори, что наш поцелуй ничего для тебя не значит, — говорит Эвангелина.

— Ну что же, тогда позвольте мне помочь вам обоим выйти из этой щекотливой ситуации. Я больше никогда в жизни не хочу тебя видеть! — произносит Натали.

Она захлопывает дверь перед моим носом.

Эвангелина подходит ко мне сзади.

— Она должна была знать. Она никогда на самом деле не смогла бы быть с тобой.

Она пытается взять меня за руку, но я не позволяю ей это сделать.

— Оставь меня в покое, — говорю я.

— Эш...

— Ты ведь знала, что она смотрит, не так ли? — спрашиваю я.

Молчания Эвангелины достаточно, чтобы ответить на мой вопрос.

— Просто уйди! — резко говорю я.

— Нет, — возражает она.

Я топаю прочь, но она преследует меня. Не могу поверить, как сильно я облажался! Я сжимаю переносицу, пытаюсь прогнать боль, но боль не в голове. Она извивается у меня в груди, словно змея и мне не стерпимо больно. У меня такое чувство, будто я умираю. Есть

только одно место в котором, как мне кажется, я смогу обрести покой.

* * *

Через полчаса я шагаю по Шантильи Лейн с определенной целью, Эвангелина все еще следует за мной. Мы используем крыши для передвижения по городу, держась вне поля зрения Ищеек. Люди под нами борются, кричат, напиваются. После взрыва бомбы утром, все напуганы, возбуждены, злы. В каждом доме семьи вместе с детьми смотрят новости, пытаюсь понять, что же все-таки происходит. Запись с места трагедии транслируют все гигантские цифровые мониторы по всему городу. Внизу экрана постоянно бежит лента новостей: в результате взрыва в городе двадцать шесть погибших... Правительство призывает людей голосовать за закон Роуза и раздавить угрозу Дарклингов... Три активиста организации Люди за Единство арестованы по подозрению в причастности к утреннему взрыву... Эмиссар призывает горожан не выходить на улицу, пока поблизости бродят Дарклинги.

Я быстро звоню Жуку, еще до того, как приблизиться к Шантильи Лейн, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке. Ответила его тетка Роуч, и изложила мне последнюю информацию о его состоянии. От ожогов на его лице, вероятно, останутся шрамы, на его живот наложили с десятков швов, но жить он будет, благодаря моей крови. Она выйдет из его организма через несколько дней, но свою работу она сделала: запустила его сердце. Я с облегчением услышал, что родители Дей позволили ей остаться с Жуком на всю ночь, чтобы она могла позаботиться о нем.

Мы с Эвангелином спрыгиваем с крыши, находящейся рядом с лавкой мистера Табса и входим внутрь. Лучший способ найти умиротворение, получив кайф от Дурмана, который мне может дать человек, уже находящийся под наркотиком.

Притон такой же тесный, вызывающий клаустрофобию, как я запомнил. Все, что я могу разглядеть в тусклом красном свете — это тени, которые, потерявшись в экстазе, извиваются на полу. Человеческая женщина изображает сладострастный поцелуй и обнажает свою грудь.

— Всего десять монет и я могу быть твоей, — говорит она.

— Нет уж, спасибо, — отвечаю я.

Мы осторожно перебираемся через тела и находим мистера Табса в его офисе. Он одаривает меня желто-зубой улыбкой.

— Привел мне еще одного клиента? — спрашивает он.

— Я здесь ради себя. Мне нужна пища, — говорю я.

Он взмахивает рукой и в углу кто-то шевелится. Ко мне подходит одурманенная девушка. Это видно по её синим глазам. Светлые волосы обрамляют лицо. Её внешность мне немного напоминает Натали.

— Сойдет, — говорю я.

— Чем думаешь расплачиваться? Я все еще жду денег за часы, — говорит он, припоминая наручные часы Натали.

— Запиши на счет Сигура, — отвечает Эвангелина.

Одурманенная девушка берет меня за руку, и мы ищем, где присесть на липком скользком полу. Эвангелина присоединяется к нам. Девушка отклоняет голову в сторону, даже не взглянув на меня. Ее шея вся в следах от укусов, ее вены черные там, где кровь уже отхлынула от них. Выглядит она неаппетитно, но сейчас мне наплевать.

— Дамы вперед, — говорю Эвангелине.

Она погружает свои клыки в шею девушки и начинает питаться. Я терпеливо жду, пока она закончит, страстно желая получить свою дозу Дурмана, которая теперь бежит по венам девушки, так что я не почувствую ничего, кроме блаженства, потому что сейчас я чувствую себя так, будто меня разорвали на куски. Как я мог причинить Натали такую боль?

Дверь в подвал открывается, впуская немного желтого света в комнату, и по лестнице спускается несколько пар ног. Себастьян входит в притон вместе со своими друзьями — Ищейками, включая Оцарапанную шею и Грегори. Они усаживаются на один из диванов, и мистер Табс приносит им бутылочку Шайна, не дожидаясь, пока его об этом попросят.

Я отступаю в тень, так чтобы они не могли меня видеть, радуясь, что в помещении так темно.

Оцарапанная шея несет тонкий черный кейс и идет напрямик в кабинет к мистеру Табсу. Через секунд он возвращается и садится рядом с Грегори.

Себастьян всем разливает Шайн.

— А разве мы не должны убивать всех кровососов, которые еще ошиваются за стеной? — спрашивает Грегори своим ноющим голосом.

— Тебе предоставится такой шанс, когда мы завтра отправимся на охоту, — отвечает Себастьян. — Отряды Аарона Блейка и Дерека помогают гвардейцам Стражей. Пока все под контролем. Мы устроим облавы на Дарков завтра.

— Просто расслабься, парень. Выпей, — говорит Оцарапанная шея Грегори.

— Это сюда Ищейки обычно приходят выпить? — спрашивает Грегори, оглядываясь несколько взволнованно.

Оцарапанная шея весело похлопывает Грегори по спине.

— Конечно! Мистер Табс угощает нас бесплатным Шайном, а мы, в свою очередь, никому не говорим о его небольшом незаконном бизнесе.

— И еще он информирует нас, — добавляет Себастьян, — например, где найти гнезда Дарклингов в окрестностях города. У нас уже есть несколько хороших целей для завтрашней охоты.

— Разве мы не должны держаться все вместе, одной большой группой? — спрашивает Грегори.

Оцарапанная шея хихикает.

— Мы разделимся. Ты будешь в группе Аарона, вы пойдете к Высотке. Блэйк поведет своих кадетов к Кратеру, а остальные, со мной и Себастьяном пойдут охотиться на Узел.

— А кровосос, Эш Фишер пойдет с нами? — спрашивает Грегори.

— Он может оказаться полезным, — говорит Себастьян. — Кроме того, я буду наслаждаться, наблюдая за тем, как его будет коробить, когда я заставлю арестовать его первого Дарка.

Мои клыки начинают пульсировать при упоминании моего имени. Я не собираюсь идти на их дурацкую охоту, мне все равно, что они со мной сделают. Мне вообще теперь на все наплевать.

Женщина, которая ранее предлагала мне себя теперь подсаживается к ним и Себастьян тянет её к себе на колени. Она хихикает и оставляет на его щеке красные следы поцелуев, проводя рукой по его бритой голове. Тату розы на его лице все еще выглядит воспаленным.

— А что случилось с Натали, когда она вернулась в штаб-квартиру? Почему она плакала? — спрашивает Грегори Себастьяна

— Да кто его знает? Девчоночьи проблемы, наверное... — произносит Себастьян скучающим голосом, лениво играя волосами сидящей на его коленях женщины. — Может быть мне пойти домой и утешить её...

Мне не нравится то, каким тоном он произнес слово "утешить".

— Вы же с неё раньше встречались, да? — спрашивает Грегори.

Себастьян кивает.

— Было дело, но она такая скучная. — Он поворачивается к шлюхе, сидящей у него на колене. — Ты ведь не дашь мне скучать, не так ли?

Она провокационно проводит пальцем по его нижней губе, и он кусает её действительно больно, до крови. Женщина вскрикивает, пока он заваливает её на пол, со смехом задирая ей платье. Женщина царапает его лицо и пытается убратсья прочь, теплая кровь стекает по её руке.

— Хотя, Натали довольно симпатичная, — продолжает Грегори, как ни в чем не бывало. — Ну, если тебе такие нравятся.

Себастьян осторожно вытирает платком оцарапанную щеку.

— В принципе да. Правда, не так хороша, как когда-то была её сестра, Полли. В принципе она тоже ничего. Возможно, я предложу Натали снова встречаться. Она будет хорошо смотреться рядом со мной, когда я получу повышение.

— Ты получишь повышение? — спрашивает Грегори.

— Ну, разумеется, получит, — поддакивает Оцарапанная шея.

— Пуриан Роуз поручил мне важную миссию, — хвастается Себастьян. — Это лишь вопрос времени, мое вознаграждение.

— А что за миссия? — спрашивает Грегори.

Себастьян и Оцарапанная шея издают смешок.

— Как убьешь своего первого Дарка и докажешь, что ты — один из нас, тогда, возможно, я и расскажу тебе, — говорит Себастьян, — А сейчас пей, джентльмен.

Они возвращаются к своей выпивке и через несколько минут поднимаются по лестнице. Я выпускаю вздох облегчения от того, что они меня не заметили. Хотел бы я знать, что это за "важная миссия". Что бы это ни было, это не может быть ничем хорошим, если за этим стоит Пуриан Роуз.

Эвангелина заканчивает свое питание одурманенной девочкой и передает её мне. Девочка плюхается мне на руки, едва дыша, её светлые волосы рассыпаются по моим пальцам. Жемчужно-белые пузырьки пены в уголке её рта напоминают мне о той одурманенной девушке, что была со мной ночью, когда я впервые встретил Натали.

— Я ухожу, — говорю я Эвангелине.

Она хватает меня за руку.

— Даже не смей возвращаться к ней. Ты принадлежишь мне!

— Я никому не принадлежу. Это была ошибка.

— Если ты сейчас уйдешь, то между нами будет все кончено. Я никогда не буду с тобой, — угрожает мне Эвангелина.

Я колеблюсь, запаниковав от мысли, что могу уступить. Эвангелина моя истинная Кровная половинка, девушка, с которой мне суждено быть. Не только из-за того, что она единственная известная мне полукровка. Если я сейчас уйду, то рискую потерять её навсегда и снова остаться одному. Разве что, осеняет меня, я ведь не был совсем один. У меня была Натали. С ней мне никогда не было одиноко. Не знаю, сможет ли Натали меня когда-нибудь

простить, но я готов осмелиться это выяснить.

Не говоря больше ни слова, я иду наверх в ломбард. Я уже собираюсь выходить, когда замечаю под витриной прилавка часы Натали. Я оглядываюсь по сторонам, не смотрит ли кто, затем разбиваю стекло и выбегаю на улицу, прежде чем меня кто-нибудь схватит.

* * *

Путешествие до дома Натали не занимает у меня много времени, так как я выбираю передвигаться по крышам. Я спрыгиваю на её балкон и стучусь в окно, жду с минуту, потом стучусь еще раз, на этот раз громче, на случай, вдруг первый раз она меня не слышала. Занавеска дергается и голубые глаза Натали внимательно смотрят на меня сквозь крошечную щель между шторами.

— Натали...

Она закрывает шторы, тем самым, отсекая меня.

— Пожалуйста, позволь мне все объяснить, — говорю я через стекло. — Прости меня.

Я жду на балконе, молясь, чтобы она впустила меня, но через час понимаю, что этому не бывать. Я кладу её часы на балюстраду, надеюсь, что она их найдет. Это не очень-то годится для примирения, но мне нужно, чтобы она знала, что я очень сожалею обо всем том, что между нами произошло. Как же я могу доставить ей сообщение? И мне на ум сразу же приходит одно имя. Как только я оказываюсь дома, хватаю телефон и звоню Жуку.

Как я и надеялся, на звонок отвечает Дей.

— Ты вообще в курсе, который час, Эш? — говорит она плохо соображая.

— Да, да, прости. Как Жук?

— Жив. Тебе что-то нужно?

— Да. Я хочу попросить тебя об одолжении.

"Лишь бы это сработало", — надеюсь я.

Глава 28

Натали

Я слышу, как Эш уходит, но я не бросаюсь за ним. Я не могу.

Моя подушка мокрая от слез, но они не могут смыть боль, сколько бы я ни плакала. Вид целующихся Эша и Эвангелины преследует меня, о чем бы я ни думала. Мне кажется, что я схожу с ума. Он разбил мне сердце. Ах да, это же её сердце. Оно же никогда не было моим, чтобы мне его разбили. Что на самом деле причиняет боль, так это то, что я все еще чувствую то же, что и раньше по отношению к нему. Я люблю его больше, чем когда-либо. Он все еще тот парень, с которым мы бегали по крышам, с которым играли в снежки. Сейчас это уже не имеет такого уж значения. Я не его Кровная половинка. Если он и хотел меня когда-то, то причиной тому было только украденное сердце.

Моя грудь усиленно пульсирует, и я беру одну из своих таблеток от сердца, хотя я знаю, что таблетки не помогут мне избавиться от этой душевной боли. Я переворачиваюсь на спину и устремляю взгляд в потолок. Начинаю ощущать, будто комната сжимается вокруг меня, это клаустрофобия. Как будто стены начинаю приближаться со всех сторон, как в моем сне. Я заставляю себя встать с кровати и подойти к балкону, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха. На балюстраде замечаю какой-то небольшой предмет. Это же часы моего отца!

Должно быть, это Эш вернул их мне. Я тронута этим жестом, но я все еще зла на него.

Я провожу пальцем по циферблату, любуясь, как он сверкает в лунном свете. Мой палец останавливается. Я внимательно приглядываюсь к часам, повернув их к свету. Костяная поверхность отливает золотом.

Во мне поднимаются смешанные чувства ужаса и недоверия.

Я припоминаю, что уже видела подобное мерцание раньше: на черепе Бастета в музее. Что там говорил Себастьян? Зубы Бастета пропитаны ядом? Вот что придает золотой оттенок кости.

Я бегу к своей тумбочке и вытряхиваю содержимое своей шкатулки прямо на кровать. Флакончик Золотого Дурмана выкатывается на простынь, мерцая все тем же металлическим блеском, что и кость Бастета.

Я прикрываю рот, чтобы не закричать, когда правда поражает меня.

Золотой Дурман смешан с ядом Бастета.

И есть только одно место в городе, где можно достать яд Бастета.

В лаборатории штаб-квартиры Стражей.

* * *

Мальчик-Бастет свернулся в углу калачиком, хвост обвивает нагое тело. Ноги его прикованы к стене. Он истощен, и синяки покрывают его загорелое, коричневое с пятнами туловище. Что же они делали с ним?

Они делали это и с Эвангелиной. Должно быть, она была очень напугана, ведь она была всего лишь маленькой девочкой. Как бы я ни хотела ненавидеть её, не могу. Они жестоко обращались с ней и отобрали единственный шанс на любовь, отдав её сердце мне. Я тоже ненавижу их за это, хотя и знаю, что мама сделала это для того, чтобы спасти меня. Но она

не должна была оставлять Эвангелину в сознании, когда ей вырезали сердце, это было просто жестоко.

Я осторожно вхожу в клетку мальчика. Я нашла ключ от его оков в ящике Крейвена. Это сводит меня с ума, когда я думаю о том, над чем Крейвен и моя мать работали в последние недели. Это объясняет, зачем им нужно было так много Дарклингов: им просто нужно было где-то брать Дурман. Единственный вопрос, который возникает у меня: зачем? Чего на самом деле мама хотела добиться, загрязняя таким образом Дурман? Если горожане выяснят, что их правительство осознанно шло на отравление детей, они просто взбунтуются. В этом нет смысла. Не удивительно, что она была так заинтересована в том, чтобы обвинить в смерти Криса Эша — ей нужен был козел отпущения. Она провела нас всех.

Мальчик поднимает голову и смотрит на меня своими яростными золотыми глазами. Только кончики его изогнутых саблевидных зубов видны снаружи. Остальная их часть втянута внутрь черепа.

— Я собираюсь выпустить тебя, но ты должен пообещать мне, что не причинишь мне вреда, — говорю я.

Он кивает.

Я знаю, что это большой риск, но мне все равно. Я больше не позволю матери вредить здоровью "испытуемых", так же, как она мучила Эвангелину. Я отпираю металлические оковы, удерживавшие мальчика за лодыжки. Он вскакивает на ноги, хватая меня за горло и толкает на жесткий пол клетки. Меня охватывает паника, когда он начинает скалить зубы. Я царапаю ему руки. Я не хочу умереть вот так, пожалуйста, только не так, не так, как погиб отец.

— Ты обещал... — я задыхаюсь, так как он все сильнее сжимает моё горло.

Мальчик колеблется. Он отпускает меня, и я поднимаюсь на ноги.

— Иди к лестнице и выходи через кухню. В это время ночи там нет охранников, — говорю я.

— Я запомню твою доброту, — говорит он и спешит прочь из комнаты.

Я потираю шею и жду несколько минут, чтобы посмотреть, не поднимется ли тревога. Когда этого не происходит, я знаю, что побег удался. Я сворачиваюсь калачиком у стены клетки, пытаюсь унять слезы. Как могла мама делать это? Так или иначе, я подозреваю, что Пуриан Роуз стоит за всем этим, но какие у меня есть доказательства? Голова кружится от одной мысли об этом. Есть только один человек, с которым я хочу поговорить сейчас, но, в то же время, он сейчас тот, кого я меньше всех хочу видеть.

Я возвращаюсь в свою комнату, надеясь лечь в кровать и забыть о том, что этот день вообще имел место в моей жизни. Я прохожу мимо комнаты Полли и замечаю, что она слегка приоткрыта. Это странно. Я вхожу к ней в комнату, надеясь, что она проснулась.

Я задыхаюсь от страха.

Над спящим телом Полли стоит Эвангелина. Белые занавески развеваются на ветру.

— Отойди от нее, — говорю я.

Эвангелина поворачивается, чтобы взглянуть на меня, на её лице написано презрение.

— Я сказала, отойди от неё — говорю я более решительно. Я не могу позвать на помощь, не сейчас — Эвангелина слишком близко к Полли. Она убьет её до того, как к нам кто-нибудь подоспеет.

Полли ворочается в постели, не подозревая о грозящей ей опасности. Её черные волосы разметались по подушке, и Эвангелина легонько касается их.

— Что тебе нужно? — говорю я, испугавшись.

— Я хотела поговорить с тобой.

— И для этого ты вломилась в мой дом? Большинство людей используют для этого телефон.

— Твоя сестра очень хорошенькая, даже несмотря на свои шрамы, — говорит она.

— Отстань от неё, — говорю я, — если ты пришла, чтобы наказать кого-то за кражу твоего сердца, то это ко мне — я этого заслуживаю. Она к этому отношения не имеет.

Эвангелина делает шаг ко мне. Я сосредотачиваюсь на разговоре, надеясь отвлечь её внимание от Полли, чтобы улучшить момент и позвать на помощь.

— У тебя есть все права, чтобы злиться на меня. То, что моя мать сделала с тобой, было очень жестоко, и это моя вина, что тебе причинили вред, — говорю я. — Они забрали твое сердце, и не только это, по сути, они забрали у тебя и Эша. Мне очень жаль, за все.

Она морщит лоб.

Я делаю глубокий вдох. Следующие слова были самыми трудными из всех, что я когда-либо говорила:

— Если тебе нужен Эш, я не буду устраивать ссору. Он никогда не был моим. Он всегда принадлежал тебе.

— Ты бы это сделала? — спрашивает она.

Я опускаю глаза:

— Если это то, что ему нужно.

Она довольно долго молчит.

— Я не хочу, чтобы он был со мной, лишь потому, что у него есть только эта возможность, — наконец произносит она. — Я знаю, что если поставить его перед выбором, он предпочтет тебя. Он ясно дал мне это понять сегодня ночью.

— Он целовал тебя, — напоминаю я.

— Я целовала его.

— И что это нам дает? — говорю я.

— Я не собираюсь сдаваться, и буду за него бороться. Эш — моя Кровная половинка, есть сердце или его нет. Но когда он решит быть со мной, то потому, что сам так захочет, а не потому, что ты не оставишь ему другого выбора, — говорит она.

Я киваю.

Эвангелина устремляется к балкону.

— И, Натали?

— Да?

— Не думай, что это меняет что-то между нами, — говорит она. — Однажды я верну себе свое сердце.

С этими словами она запрыгивает на балкон и растворяется в ночи.

Я спешу к балкону и закрываю его изнутри.

* * *

Я остаюсь в постели даже после полудня, занавески задернуты, голова под одеялом, пытаюсь отгородиться от остального мира. Приходится притвориться больной, ведь сегодня среда — школьный день. Несмотря на вчерашний взрыв, мама распорядилась, чтобы школа оставалась открытой и все вернулись к своей работе, потому что правительство "не

склонится перед террором". Мне удивительно легко притворяться больной, учитывая, как я себя чувствую. Когда я наконец-то легла спать прошлой ночью, сны были наполнены расстраивающей меня сценой поцелуя Эша и Эвангелины. По крайней мере, мне не снился мой обычный кошмар о ребенке в пещере. Я не думаю, что увижу его снова, ведь теперь я знаю правду об Эвангелине и моем сердце.

— Ты уверена, что не хочешь пойти со мной на охоту после обеда? — спрашивает Себастьян.

Я притворно кашляю.

— Я действительно не могу.

— Я прикрою тебя в этот раз, но в следующий раз тебе придется пойти, — говорит он, тяжелой походкой выходя из моей комнаты — Если передумаешь — встретимся у Мемориала Примирения на кладбище.

Я ни в коем случае этого делать не собираюсь. Я не собираюсь охотиться на Дарклингов! И мне плевать, кто, что на это скажет, я не хочу быть Ищейкой!

Я слышу визжащий голос матери, проникающий сквозь доски пола. Она весь день кричит на сотрудников за то, что позволили сбежать мальчику-Бастету. Крейвену перепала основная доля её ярости. Я бы могла чувствовать сожаление из-за того, что ему досталось, но, с другой стороны, он это заслужил за свое создание Золотого Дурмана. В конце концов, мальчик-Бастет исчез, у них нет теперь возможности использовать его яд для создания этой дряни. Это, конечно, не вернет Криса, но, в конце концов, больше никто не пострадает.

Дверь открывается и Марта вносит поднос с едой.

— Я не хочу есть, — бурчу я.

— Тебе нужно поесть, дорогая.

— Нет, я не хочу.

Марта стаскивает с меня одеяло, пока не освобождает из-под него мое лицо.

— Давай, хоть ложечку супа. Тебе сразу станет легче.

— Ничто и никогда не заставит меня почувствовать себя лучше, — говорю я, снова натягивая одеяло себе на голову.

Она гладит меня по ноге и уходит, позволяя мне валяться и жалеть себя. Через несколько минут дверь снова открывается.

— Я не хочу ничего есть, Марта, — говорю я.

— Не беспокойся, Нат. Я думаю, что вид анорексички тебе будет к лицу, — произносит Дей.

Я сажусь, и Дей кривит губы, глядя на мой видон: спутанные волосы, покрасневшие глаза и впалые щеки. Я сверяю время по часам. Разве уроки уже закончились?

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Я в курсе, что случилось между тобой и Эшем, и подумала, что тебя надо подбодрить.

— Я в порядке. Я... — я заливаюсь слезами.

Дей вытирает мне глаза гофрированным рукавом своей блузки.

— Давай, — говорит она, стаскивая меня с кровати, так же, как делала Полли, когда я была еще маленькой девочкой и не желала вставать.

Я быстро удаляюсь в душ, пока Дей идет и достает мне чистую одежду. Я позволяю воде стекать по моей коже и хмуро гляжу, как пузырится вода от мыльного раствора над сливным отверстием. Я одеваюсь и сразу же ползу обратно в постель.

— Ой, ну нет, не надо, — она стаскивает меня с постели и выводит из комнаты.

Мы прокрадываемся по коридору мимо комнаты Себастьяна. Дверь в его комнату открыта. Он переодевается в униформу Ищейки, готовясь к охоте. Татуировка розы над его левым ухом все еще выглядит красноватой и воспаленной. Он оборачивается, почувствовав мое присутствие.

— Натали? — зовет он.

Я хватаю Дей за руку, мы бегом спускаемся по лестнице и выбегаем из здания до того, как он сможет остановить нас.

— Куда мы идем? — ворчу я, пока мы идем по городским улицам.

— Увидишь.

Сверху, словно черный снег, сыпятся хлопья пепла, пока призрачные здания, окружающие нас, продолжают медленно гореть, из-за чего в городе стоит запах костра. В воздухе чувствуется напряжение, все еще в шоке от вчерашнего взрыва. Танки катятся по улицам, пока многочисленные отряды Ищейек собираются на различных контрольно-пропускных пунктах по всему городу. Необычно видеть их в таком количестве, но, я предполагаю, что им нужно усилить бдительность после вчерашнего происшествия.

Волоски на моем затылке становятся дыбом. Это значит, что кто-то следует за нами, но когда я оглядываюсь, никого не вижу.

Следуя дальше по дороге, мы проходим мимо двадцатилетней девушки с привлекательной внешностью, стоящей на ящике и раздающей листовки всем прохожим.

— Дарклинги голодают! Правительство Стражей нам врет, — говорит она небольшой группе людей, которые остановились послушать её. — Они говорили нам, что Дарклинги накормлены, о них заботятся, но вчера мы видели правду собственными глазами. Все это время Люди за Единство были правы. Я говорю "нет закону Роуза" и "нет разделению".

В группе раздаётся ропот одобрения.

Она сует листовку мне в руки, и я быстро просматриваю её. На ней изображена горящая черная роза, над изображением слова: "НЕТ ЗАКОНУ РОУЗА" и разные слоганы типа " НЕ ГРАНИЦАМ" и " ЕДИНЫЙ ГОРОД", написанные повсюду. Я складываю её и кладу в карман.

— Как там Жук? — спрашиваю я, чувствуя себя ужасно из-за того, что только сейчас удосужилась об этом спросить.

Дей обеспокоенно улыбается.

— Живот заживает хорошо, но лицо по-прежнему воспалено. Доктор говорит, что останутся шрамы, — последнее слово ей далось с трудом.

Я порывисто её обнимаю.

— Так вы снова вместе? — спрашиваю я.

— Мы попробуем. Он пообещал мне, что перестанет принимать Дурман.

— Это замечательно, — говорю я.

— Время покажет, — отвечает она.

Мы приближаемся к городскому кладбищу, где проходили похороны Криса. Дей толкает открытые ворота, и мы входим внутрь кладбища. Курт и еще несколько кадетов собрались у Мемориала Примирения, готовясь к их первой охоте. Мы быстро проходим мимо них, держа головы опущенными, чтобы нас не заметили.

— Ты знаешь, большинство девочек ведут своих подруг мороженое поесть, когда они расстроены, а не на кладбище.

Дей смеется. Мы направляемся к руинам церкви, где мы с Эшем однажды поцеловались.

Куда мы идем? Скоро я получаю ответ, когда замечаю Эша, тревожно выглядывающего из трещины в витраже. Мое сердце волнуется, привлекая меня поближе к нему, но я непоколебима. Я в ярости разворачиваюсь, чтобы уйти, но Дей берет меня за руку и тянет к руинам.

— Вам двоим нужно поговорить, — наставляет она.

— Нам не о чем говорить, — говорю я ей, не в силах смотреть на него из страха, что моё сердце рассыпется на миллион осколков.

— Просто дай ему шанс извиниться, — тихонько говорит она, глядя на меня нежными карими глазами. — Увидимся позже.

Я делаю глубокий вдох и поднимаю взгляд на Эша. Мы смотрим друг на друга среди развалин. Пустота между нами кажется такой огромной. Он выглядит усталым, я уверена — он не спал всю ночь. Но даже так он все еще невероятно, душераздирающе красив. Его волнистые черные волосы отросли, и он рукой убирает их назад.

— Извини, — наконец произносит он.

— Если это все, что ты собирался мне сказать, то я лучше пойду.

Через мгновение он оказывается рядом со мной. Так больно от того, что он так близко ко мне. Он такой совершенный, его запах опьяняет. Костры, мускус и дождь. Запах дома. На моих глазах блещт слезы, и я сердито вытираю их.

Он приподнимает мое лицо, чтобы я могла взглянуть в его.

— Я сожалею, что обидел тебя, Натали. Я допустил ошибку, действительно глупую, ужасную ошибку, и я не ожидаю, что ты простишь меня когда-нибудь за это. Я не заслуживаю твоего прощения.

— Тогда зачем ты вынудил меня прийти?

— Я лишь хотел кое-что тебе сказать.

— Что? — шепчу я.

Он слегка проводит своим пальцем по моим губам, оставляя покалывающий след на моей коже.

— Я люблю тебя, — говорит он, — Я люблю, когда ты прикусываешь свою губу, когда нервничаешь. Я люблю тот раздражающий шум, который ты издаешь, когда жуешь свои мятные конфетки. Я люблю тебя за твою храбрость. Вот за что я тебя люблю, Натали, а не за то, что у тебя сердце Дарклинга.

— Ты сильно меня обидел, — говорю я.

— Я знаю.

— Если ты действительно любишь меня, почему тогда ты целовал её? — обвиняю его я.

Он садится на мокрую от росы землю, и я опускаюсь рядом с ним. Он на меня не смотрит.

— Я поцеловал её потому, что она и есть моя Кровная половинка и меня тянет к ней. Я не собираюсь лгать тебе. Это притяжение — не такое сильное, как то, что я чувствую к тебе, но оно есть, и я просто растерялся, не зная, что это все значит, — говорит он. — Мне нужно было знать, что я чувствую к ней. Мне нужно было удостовериться, что *то* чувство, что есть у нас с тобой — настоящее.

— И как, узнал? — спрашиваю я, мое сердцебиение учащается.

Он нерешительно прикасается кончиками пальцев к моему колену, и от этого прикосновения у меня бегут по коже мурашки. Я не убираю его руку.

— Да. Это для меня по-настоящему, — он смотрит на меня и в этот момент выглядит

таким сломленным, таким уязвимым. — По-настоящему ли это для тебя?

Я срываю несколько травинок с земли.

— Я не знаю, — говорю я наконец, и он хмурится — Признай, Эш, мы почти ничего не знаем друг о друге. Я даже не знаю, какой твой любимый цвет!

— Зеленый, — говорит он.

Я издаю мягкий смешок.

— Вот видишь? Я — то думала, что черный.

— А твой?

— Серебряный, — отвечаю я.

— Что еще ты хочешь узнать? — спрашивает он.

— Любимая книга?

— Это просто. Пиноккио.

Я приподнимаю бровь:

— Серьезно?

— Да. Он хотел стать настоящим мальчиком — это мне близко. Все, чего я всегда хотел — это быть нормальным ребенком, чтобы мое сердце билось, как у остальных. — Он смотрит на меня глазами, сверкающими, как звезды, полуулыбка на его губах, и мое сердце волнуется.

— Наверное, это было действительно тяжело для тебя, — говорю я.

Он кивает:

— Спроси у меня что-нибудь еще. Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Расскажи мне свой секрет, — говорю я.

Он изучает меня несколько секунд, затем смотрит в землю, неопределенно. Я не уверена, что он собирается рассказывать мне что-либо.

— Мой отец прячет мою мать в склепе под нашей церковью, — быстро проговаривает он.

Я резко вдыхаю. Укрывательство Дарклингов является тяжким преступлением. Чтобы сказать мне — дочери Эмиссара — это действительно доказывает, что он доверяет мне. Я сплетаю свои пальцы с его.

— Я никому не скажу, обещаю, — уверяю я.

Он легонько сжимает мою руку.

— Теперь расскажи мне один из твоих секретов, — говорит он нежно.

Я прикусываю губу. Сейчас самое время рассказать ему о Дурмане. Нужно доверять ему.

— Эш, я узнала кое-что о Дурмане. Стражи...

— Какого хрена тут происходит? — звучит разъяренный голос позади нас, разгоняя ворон, сидевших на стропилах.

Себастьян стоит на входе в руины, его лицо искажено от гнева.

Я вырываю руку у Эша.

— Убирайся, Себ. Это не твое дело, — говорю я.

Он смотрит испепеляющим взглядом на Эша, затем поворачивается ко мне. В нем нет ничего, кроме ненависти.

— Почему ты продолжаешь оскорблять меня таким образом? — говорит мне Себастьян. — Я любил тебя, я тебе обещал целый мир, но ты по-прежнему предпочитаешь мне других.

— Перестань говорить о своей любви ко мне. Это не так! — говорю я.

— Те, кто возлежат со зверем, будут брошены в ямы ада, — говорит Себастьян, цитируя

Книгу Сотворения. — Ведь та, что вкусила Грех, будет навеки опьянена его ядом.

— Отдохни от этой ерунды Праведников, — говорю я, — Если я — грешница, так и ты тоже! Та девушка — Дарклинг забеременела от тебя, или ты забыл упомянуть об этом Пуриану Роузу?

Эш смотрит на меня ошарашенно.

— У него есть ребенок-полукровка?

— Он заставил её сделать аборт, — отвечаю я.

У Эша сбивается дыхание.

— Это существо было мерзостью, — говорит Себастьян.

— Это был ребенок, и ты убил его, чтобы шкуру свою спасти, — говорю я.

Рука Себастьяна легла на рукоять его меча. Эш, защищая, встает передо мной.

— Себастьян, мы охотимся, или как? — раздается голос Курта с кладбища.

Жестокая улыбка играет на губах Себастьяна.

— Да, охотимся.

Он достает свой меч и угрожающе наставляет его на нас.

— Вы идете со мной.

Себастьян выводит нас из руин, тыча своим мечом нам в спины. Я осторожно гляжу на Натали, пытаюсь поддержать её взглядом, дать ей понять, насколько возможно, что с нами все будет хорошо. Она кивает.

Оцарапанная шея вскидывает брови при виде нас, в то время как мы присоединяемся к остальным кадетам, которые одеты в свою униформу Ищеек. Мы выделяемся на фоне остальных, как белые вороны, в своей гражданской одежде.

— Я нашел прогульщиков, — объясняет Себастьян, пряча меч в ножны.

Оцарапанная шея не придает этому значения. Он обращается к курсантам.

— Сегодня будет простое задание: поиск-и-сбор, — говорит он. — У нас есть наводка, что в здании на окраине города прячется Дарклинг. Мы проверим дом и, хотелось бы надеяться, схватим кровососа.

Один из кадетов издает раздраженный вздох.

— Это не слишком увлекательное задание, но такой вид охоты — наша повседневная работа, и вам нужно научиться делать это, — продолжает Оцарапанная шея. — И поверьте мне, когда я говорю, что никто из вас, молокососов, не готов идти в гнездо Разъяренных.

Они ведут нас через кладбище к городской окраине, которая заполняется людьми, возвращающимися с работы домой. Себастьян остается позади нас с Натали, чтобы быть уверенным в том, что мы не сбежим. Мы находим дом, скромный призрачный особняк с окрашенной желтой краской дверью. Оцарапанная шея пинает её.

— Инспекция Ищеек! — говорит он, затем поворачивается к нам. — Никогда не стучите. Это дает им время убежать.

Себастьян указывает своим мечом на меня.

— Входи, — приказывает он.

Я в нерешительности застываю.

— Просто делай, как он говорит, — шепчет Натали.

Мы входим в дом. Он маленький и потрепанный, с облупившейся краской на стенах и потертыми коврами. Я стараюсь придумать, как выбраться из сложившейся ситуации, но пока ничего не приходит в голову. Кадеты передвигаются, окружая мужа с женой, которые жмутся друг к другу на полу крохотной гостиной. В их глазах появляется страх, когда они видят Оцарапанную шею и Себастьяна.

— У вас нет права быть здесь! — говорит муж, его голос от волнения срывается. — Мы не сделали ничего плохого.

— У нас есть сведения, что вы укрываете Дарклинга, так что заткнись, — произносит Оцарапанная шея. — Обыщите дом, — приказывает он двум кадетам.

Они отходят от остальных и начинают обыскивать дом, переворачивая мебель, проверяя шкафы. Один из кадетов пытается открыть дверь в туалет. Дверь закрыта. Супруги в панике переглядываются.

— Открывай, — приказывает Себастьян жене.

— Нет...

Он вытаскивает свой меч.

— Открой, — убеждает её муж.

Женщина поднимается на ноги, достает ключи и открывает дверь. На стиральной машине стоит ящик с Кровью Синт-1.

— Он упал с грузовика Стражей. Мы собирались продать его на Шантильи Лейн, — быстро проговаривает муж. — Я был уволен. А нам нужно платить по счетам.

— Просто заберите эту кровь, — говорит жена, опускаясь на пол позади мужа. — Пожалуйста, это все. Нам больше нечего скрывать.

Муж неосознанно бросает взгляд на коврик у его ног.

Это не осталось незамеченным Оцарапанной шеей. Он отбрасывает ковер подальше, чтобы освободить люк.

В комнате повисает всеобщее гробовое молчание.

— Это просто старая кладовка, — говорит жена.

Оцарапанная шея открывает люк и засовывает туда руку.

— Там ничего нет, я клянусь, — запинается она.

Оцарапанная шея усмехается.

Жена хватается мужа за руку.

— Там пусто, клянусь!

— А это тогда что? — Оцарапанная шея поднимает маленького мальчика из отверстия, как кролика из шляпы волшебника.

Моё сердце замирает.

Мальчик — полукровка, как я.

Он бледный и худой, как червяк, с вьющимися волосами до плеч. Он смотрит на меня, и на долю секунды он улыбается, и я знаю, о чем он думает — я больше не один. Затем этот беглый взгляд солидарности сменяется обвиняющим в предательстве. Я хочу сказать ему, что я на самом деле не Ищейка, но это было бы ложью. Впервые я должен признаться перед самим собой, что я — предатель.

Его бросают на деревянный пол.

— Что это у нас здесь? — говорит Себастьян, пиная мальчика.

— Оставь его! — рычу я.

Себастьян смотрит на супругов.

— Так кто из вас предал нашу расу?

Муж смотрит на жену. Мальчик хнычет.

Оцарапанная шея злобно улыбается мне, предлагая свой меч.

— Покажи нам, на чьей ты на самом деле стороне, Фишер. Убей кровососа.

— Нет! — говорю я.

— Не причиняйте ему боль. Он же всего-навсего ребенок, — говорит жена.

Полукровка поднимает на меня взгляд своих сверкающих глаз.

Я делаю шаг назад.

— Я не буду этого делать.

Оцарапанная шея поднимает свой меч.

— Мама! — плачет мальчик-полукровка.

— Пожалуйста, не надо! — просит женщина.

В тот же момент Оцарапанная шея перерезает женщине горло.

Несколько курсантов кричат. Натали прячет голову у меня на груди.

— Просто заберите проклятого кровососа! — говорит муж, его лицо забрызгано кровью жены.

Оцарапанная шея тянет мальчика наружу, и мы спешим за ним.

— Отпусти его! — бросаюсь я на Оцарапанную шею.

Себастьян блокирует меня и отбрасывает на землю. Я оказываюсь на мостовой рядом с мальчиком

— Оставь их! — вопит Натали.

— Я собираюсь забрать тебя отсюда, — говорю я мальчику, беря его за руку.

Себастьян приставляет меч сзади к моей шее.

Паника охватывает меня.

— Кто умрет? — спрашивает он у меня.

Он приподнимает свой меч, и тычет им, вместо меня, в мальчика-полукровку.

— Себ, не надо! — кричит Натали.

— Кто это будет, Фишер? Ты или он? — говорит он.

Ручка мальчика сжимает мою. Пот капает с его лба, стекая прямо в его сверкающие черные глаза. Такие же глаза, как и у меня.

— Я, — отвечаю.

— Нет! — выкрикивает Натали.

Себастьян поднимает свой меч и размахивается. Я закрываю глаза, ожидая боль. Раздается ужасный звук погружения металла в тело. Что-то горячее и липкое заливает мое лицо и волосы.

Я открываю глаза. Безжизненные глаза мальчика-полукровки смотрят прямо на меня, в них только один вопрос: почему я?

Я бью кулаками об булыжники, когда горе захлестывает меня. Себастьян и не собирался позволить мальчику жить. Натали бросается ко мне и помогает подняться на ноги.

— Зачем ты это сделал? — спрашивает она у Себастьяна.

Он улыбается ей холодной, жестокой улыбкой.

— Потому что я могу.

Я обнажаю свои клыки на Себастьяна, ничего не желая так сильно, как оторвать этому засранцу голову.

— Не надо, — шепчет она мне.

— Вот что происходит с предателями своей расы, — говорит он Натали, а затем машет своим людям.

Одна из девушек-кадетов поворачивается к своей подруге, её голос дрожит.

— Ты думаешь, другие кадеты тоже подобным занимаются?

Другие кадеты...

Мое сердце перестает биться.

Мой мозг возвращается к разговору Себастьяна с Грегори у мистера Табса и о том, что его послали на охоту в Высотку.

— Мама! — говорю я, ужас охватывает меня.

Я хватаю Натали за руку и перехожу на быстрый бег, таща её за собой. Она старается не отставать, хотя несколько раз спотыкается.

— Подожди! Пожалуйста... — задыхается Натали.

У меня нет времени, чтобы ждать. Я беру её на руки и продолжаю бежать. Я не перестаю бежать, даже когда мы добираемся до моего дома.

— Папа! — кричу я, вбегая в склеп.

Но Грегори уже стоит в центре комнаты с обнаженным мечом. Даже в тусклом свете я

могу видеть кровь, сочащуюся вниз по металлическому лезвию. Прямо за ним отец, сгорбившийся над скелетообразной фигурой на полу. Я не шевелюсь. Я не могу.

Отец встает и подходит ко мне.

— Сынок, — шепчет он.

Тогда я вижу её лицо, частично скрытое несколькими прядями черных волос. Я вижу эту гниющую плоть, тонкие черные губы, и представляю себе ту женщину, которой она была. Её голова склонилась на бок, как будто она спит.

Мама.

— Как ты мог? — говорит Натали Грегори. — Ты — чудовище!

Я набрасываюсь на Грегори, швыряя его к стене. Его ноги пинают воздух, пока моя рука сжимает его тонкое горло.

— Эш, отпусти его. Ты не убийца. Твоя мама бы этого не хотела, — говорит отец.

Пальцы Грегори царапают мои руки.

— Ты убиваешь его, — говорит Натали, пытаясь оттащить меня от него.

— За что? — кричу я на него.

— Это... твоя вина... Крис мертв, — Грегори задыхается.

— Я не давал ему тот Золотой Дурман, Линус дал ему его, — рычу я.

— Но он... сначала просил тебя, но ты отказал. Если бы ты дал ему Дурман... ему бы не пришлось... ему бы не пришлось обращаться к Линусу. Это твоя вина, что он мертв, — говорит Грегори, его глаза наполнены болью.

— Эш, — раздается шепот.

Я бросил Грегори и повернулся кругом. Мама зашевелилась на полу. Я думал, она мертва!

Грегори выбежал из склепа прежде, чем я смог закончить то, что начал.

От мамы слышится скрипучее, болезненное дыхание, пока из раны в груди сочится кровь. Я становлюсь на колени рядом с ней и отчаянно хватаю её за руку. Я больше не вижу в ней Разъяренную, просто женщину, которой она была. Свою маму.

— Мне жаль, что я оставила тебя... — говорит она — Прости меня, мой любимый мальчик.

— Я прощаю тебя, — говорю я.

Она слабо сжимает мою руку.

— Не оставляй меня, мама. Пожалуйста...

Я чувствую, что она ускользает.

— Я люблю тебя, — говорю я.

Она выдыхает.

— Пожалуйста, не умирай.

Её пальцы выскальзывают из моих.

— Мама? — шепчу я.

Тишина.

— Мама?

Отец трогает меня за плечо.

— Сынок, её больше нет.

Натали обнимает меня и целует в щеку, не говоря ни слова. И мы стоим вот так, кажется, вечность. Я не хочу двигаться. Как только я пошевелюсь, мир оживет и тогда, все окажется взаправду. Я слышу, что откуда-то издалека раздается пение. Тоскливый,

душераздирающий плач. Я знаю, что это Сигур. Должно быть, его двойное сердце перестало биться.

— Нам надо подготовиться к Со'Камур, — говорю я, подразумевая обряд Дарклингов для того, чтобы почтить мертвых.

Папа сначала меня не слышит. Он держит мамину руку, проводя большим пальцем по её указательному, где она обычно носила обручальное кольцо. Дарклинги верят, что указательный палец на прямую связан с двойным сердцем. Вот, почему они носят кольца именно на этих пальцах.

— Папа?

— Она должна быть со своей родней, — тихо произносит он. — Мы принесем её тело к пограничным воротам после наступления комендантского часа. Сигур нас впустит.

* * *

Натали тянет меня в свои объятия, мгновение, и вот мы уже в моей спальне.

— Тебе не обязательно быть здесь, — говорю я, и мой голос срывается от эмоций. — Я знаю, ты все еще на меня злишься.

Она легонько меня целует и, несмотря на мое горе, я отчетливо осознаю, что страстно её желаю.

— Эш, я люблю тебя. Позволь мне быть здесь с тобой.

Взяв за руку, она ведет меня к кровати. Мы забираемся под одеяло. Она кладет руку на мое сердце, открывая канал связи между нами. Единения душ. Все мои эмоции мгновенно заполняют её сердце: моя боль, моя печаль, моя несчастная любовь. Она поглощает все это, словно губка, разделяя эти чувства со мной. Мне не придется страдать в одиночестве.

Я ласкаю её кожу, целую её губы, провожу руками по её ногам. Не возникает никакого смущения, когда наши пытливые пальцы изучают тела друг друга. Мы молча раздеваемся, бросая нашу одежду на пол. Я продолжительно смотрю на неё, потом ложусь рядом и притягиваю её к себе. Её тело идеально умещается на моем, будто мы две половинки одного целого.

— Эш, я люблю тебя, — говорит она.

— И я люблю тебя, — говорю я. — Так начинается мое сердце...

— Так начинается наша жизнь, — шепчет она в ответ, вспоминая слова, которые я сказал ей в тот вечер на барже у Жука, когда впервые поцеловал её.

— Навечно, — говорим мы в унисон.

Кровная клятва. Теперь мы едины по закону Дарклингов.

Я отклоняю голову, предлагая свою шею ей, чтобы скрепить наш союз. Натали проводит ногтем по моей коже и из ранки появляется крошечный пузырек крови. Она нежно слизывает кровь.

Приподнявшись, Натали убирает волосы на одну сторону, обнажает две колотые раны на своей шее. Я колеблюсь, вспоминая, что случилось в особняке.

— Все хорошо, — шепчет она. — Я доверяю тебе.

Я слегка расцарапываю кончиками своих клыков её ранки, вскрывая их и прижимаюсь губами к её шее. Её горячая кровь струится по моему языку. Мне приходится приложить все усилия, чтобы выпить всего несколько капель, для того чтобы укрепить нашу связь.

Она откидывается назад и, не произнося ни слова, я как можно аккуратнее устраиваюсь

сверху. Она издает небольшой вздох, а затем остается только одно блаженство. Вся нервозность исчезает, когда мы целуемся и нами руководствуют только инстинкты.

После, Натали засыпает, и её голова покоится у меня на груди. Однако я не могу заснуть. Хотел бы, но не могу. Я знаю, что папа уже скоро постучится в мою дверь и скажет, что нам пора уходить.

В комнату, через открытое окно, залетают дождевики и ударяясь о колокола, вызывают мелодичный перезвон. В воздухе пахнет свежестью, чистотой. Маме бы понравилось. Из того, что папа мне о ней рассказывал, я знаю, что она любила дождь. Натали шевелится и я целую её в макушку.

Я вылезаю из постели и подхожу к окну. Холодный ночной воздух покалывает мне кожу, и я дрожу, но не стремлюсь укрыться от холода. Я оглядываю панораму города и перевожу взгляд на Пограничную стену, которая пробивает себе путь через середину города, словно бетонный хребет.

Город все еще очень тих. Огни не горят, улицы пусты, мир безмолвствует. Я подхожу к раковине, которая стоит в углу комнаты, и споласкиваю водою волосы, смывая грязь и кровь, думая о том парнишке полукровке. Как бы мне хотелось знать, что он был в городе. Я бы навел его и дал понять, что он не одинок. Хотя, с другой стороны, это дало мне небольшую надежду, что кроме нас с Эвангелиной, в городе есть еще полукровки.

Я возвращаюсь к арочному окну и выглядывая, поворачиваюсь лицом, к залитому лунным светом, небу. Во мне просыпается Дарклинг, влекомый ночью. Я издаю вой, полный горя и отчаяния, так чтобы его слышали все мои собраты. Где-то в отдалении мою песню подхватывает другой Дарклинг, затем следующий, пока весь город не оживает от этой неземной музыки: "Мы здесь. Ты не одинок, брат", — поют они в ответ. — "Мы любим тебя".

Натали просыпается.

— Прости, не хотел тебя будить, — говорю я.

— Ничего, — сонно отвечает она.

В мою дверь раздается тихий стук.

Когда папа входит в комнату, Натали оборачивается одеялом. Он бросает на неё быстрый взгляд, но ничего не говорит.

Я с удивлением обнаруживаю, что он сбрил бороду и он кажется выше, будто сбросил тяжкий груз целого мира со своих плеч. На нем тускло-серая мантия, которую он одевает только на похороны.

— Пора, — говорит он.

Мы стоим и ждем у железных ворот, в то время, как охранники Легиона идут докладывать Сигуру о нашем прибытии. Часть стены, которая была разрушена в результате взрыва, была наспех восстановлена, и эту часть патрулировал лишь один отряд Стражей-гвардейцев. Мы подождали, пока они не вернутся к своим постам, прежде чем подойти к воротам.

Натали смотрит вверх на охранников Легиона, которые патрулируют стену.

— Не беспокойся — они не обидят тебя, — тихонько говорю я. — Они не нападут, пока Сигур или кто-нибудь из его приближенных им не прикажет.

Железные ворота открываются, и мы заходим внутрь. В гетто стало все еще хуже, чем мне помнится. Повсюду на мокрой вонючей земле валяются осколки от бомбы, а многочисленные лачуги разрушены. Из ветхих строений на нас таращится сотня сверкающих глаз, когда мы проходим мимо. Я несу на руках тело мамы. Она завернута в меховое манто из волчьей шкуры — в то, что ей подарил папа на свадьбу. Он продолжает держать её руку в своей, бормоча себе под нос слова утешения, как будто она слышит его. Натали прикрывает рукой рот, когда видит и чувствует по запаху, какой Легион изнутри.

В окружении двух дюжин охранников, нас поджидает Эвангелина. Она пристально смотрит на тело моей матери и глаза её наполняются слезами. Натали подходит ближе ко мне.

— Извини, за кавалерию. Но так будет безопаснее. — Эвангелина кивает в сторону истощенных Дарклингов, которые повыходили из своих домов, соблазненные запахом человеческой крови.

Наши провожатые тычат и ударяют по Дарклингам своими палками, чтобы те держались от нас подальше. Папа бормочет молитву.

— Держись ко мне ближе, — говорю я Натали.

Неожиданно что-то проносится мимо моих ног. Между нами оказывается молодой Дарклинг, еще совсем мальчишка, и вонзает клыки Натали в ногу. Она кричит и один из охранников отталкивает ребенка. По ноге Натали бежит кровь и Дарклинги воют, учуяв её запах.

— Шевелитесь! — велят нам провожатые.

Мы бежим к лодке. Я держу маму и потому постоянно поскользываюсь и спотыкаюсь, когда бегу по грязи. Мне не следовало брать сюда Натали. Я поступил эгоистично. О чем я только думал? Папа берет Натали за одну руку и сопровождает её в качестве защитника. Я благодарно ему улыбаюсь.

К нам приближается Сигур, издавая громкое рычание. Дарклинги немедленно пятятся. Они по-прежнему уважают своего предводителя, не важно насколько они голодны. Он смотрит на Натали.

— А она что здесь делает? — спрашивает он.

— Она со мной. Ты можешь ей доверять, — говорю я.

Эвангелина насмешливо фыркает.

— Ты не должен был приводить её сюда. Ты всех нас подверг огромному риску, — высказывает своё недовольство Сигур.

— Прошу тебя, она нужна мне. Ты, как никто из всех, должен меня понять, — отвечаю я.

Сигур бросает короткий взгляд на мою грудь, в то место, где бьется моё сердце. Так он может слышать сердцебиение? Тогда он должен понимать, какие чувства я к ней испытываю.

— Мой отец отдал свою жизнь ради Вас, господин посол, — говорит Натали Сигуру. — Вы ему доверяли — можете доверять и мне. Я не такая, как моя мать. Я не согласна ни с чем из того, что она делает.

— При первых же признаках возникновения проблем, она должна будет тут же вернуться к воротам, — говорит он мне.

Я киваю.

Мы садимся в лодку и плывем в зоопарк. Натали прикрывает тканью одежды укусы Дарклинга.

— Извините за это, — говорит Сигур, подразумевая Дарклингов. — После взрыва бомбы, Эмиссар отрезала поставку продуктов питания.

— Мама? Но почему? — спрашивает Натали.

— Правительство Стражей считает, что мы объединились с Людьми за Единство, чтобы разбомбить стену. Просто они хотят обвинить нас еще и в этом. Все что угодно, лишь бы это помогло пройти Закону Роуза, — говорит он.

Уже в зоопарке, Сигур ведет нас в маленькую, вырубленную в скале, комнату. Она освещена факелами, которые бросают длинные тени на камень. Посередине пещеры стоит каменный алтарь, на котором стоит эмалированная урна. Сигур ставит урну на пол, и я аккуратно кладу маму на алтарь. Она кажется такой маленькой и хрупкой в этой своей шубе.

Сигур слегка отгибает мех и смотрит на маму. Он начинает рыдать.

— Она нашла успокоение, — говорит отец, надломленным голосом.

Сигур обнимает отца. Это так странно, видеть, как они утешают друг друга, объединенные общим горем.

По щекам Эвангелины катятся слезы. Сегодня мы оба потеряли мать.

— Тебе нужно пойти к ней. Ты ей нужен, — говорит Натали.

Я так и делаю, подхожу к Эвангелине и притягиваю её к себе. Она беззвучно рыдает у меня на груди.

В пещеру входит Первосвященник, одетый в зеленую длинную до пола мантию.

— Я должен приготовить её для Со'Камура, — говорит он.

Я не хочу оставлять её здесь совсем одну среди этих незнакомцев, хотя с другой стороны, я осознаю, что это не незнакомцы. Вся её жизнь прошла здесь. Она знала этих людей.

Мы все выходим на улицу. Сигур устало трет рукой лоб. Он выглядит совершенно разбитым. Эвангелина перехватывает мой взгляд, когда я смотрю на него.

— Все стало гораздо хуже, с тех пор, как ты побывал у нас на прошлых выходных, — говорит она.

— Что ж, я так и думал, — отвечаю я.

— Но и это не самое худшее, — говорит она.

— Что ты имеешь в виду? — уточняю я.

Сигур устало показывает нам следовать за ним. Мы идем в сторону больницы, которую Эвангелина показывала в первое моё здесь появление. В ноздри тут же ударяет вонь.

Разложение. Смерть. Это запах Разъяренных.

— Вирус мутировал, — говорит Эвангелина, когда мы входим в палату. — На прошлой неделе три Дарклинга здесь были совершенно здоровы, а теперь у них последняя стадия. Болезнь каким-то образом протекает очень быстро, но мы не знаем почему.

Она указывает на трех Дарклингов, лежащих на ближайших к нам металлических кроватях. Они тянут руки и кричат на своем языке:

— Убейте меня.

Глаза у них желтые, а кожа начинает гнить. Первый Дарклинг мужчина, его искусанное лицо отвратительного зеленого цвета. Рядом с ним две девушки Нордин, с торчащими из-под лопаток обрубками вместо крыльев. Их некогда густые длинные белые волосы сильно поредели, образуя залысины. Я узнаю всех троих; все три жертвы были у мистера Табса, когда я приходил к нему с Натали.

Мое тело начинает трясти, когда до меня, наконец, доходит правда.

— Я знаю, что подмешивают в Золотой Дурман, — говорю я, дрожащим голосом.

Я смотрю на Сигура.

— Вирус Разъяренных.

Глава 31

Натали

Я смотрю на больного Дарклинга, лежащего на каталке. У меня голова идет кругом.

— Яд Бастет вызывает превращение в Разъяренных, — выпалила я, не веря в то, что говорю.

Все пялятся на меня, даже Дарклинги на больничных койках.

— О чём ты говоришь? — спрашивает Эш.

— Думаю, Золотой Дурман заражен ядом Бастет, — предполагаю я.

— Но в этом нет никакого смысла, — говорит Эвангелина. — Яд Бастет токсичен для Дарклингов. Он мгновенно их убивает. Мы бы не смогли прожить достаточно долго, заразившись вирусом Разъяренных.

— Прожили бы, если бы яд чем-нибудь разбавить. Например, Дурманом или кровью, — мрачно говорит Эш.

— Это объясняет, почему Разъяренные страдают от некроза, — робко добавляю я, вспоминая то, о чем прочла в музее о Бастет. Их яд содержит плотоядных бактерий, Вибоио некрозис, которые вызывают отмирание тканей.

Ужасная мысль приходит мне в голову. Первые Дарклинги, заразившиеся вирусом Разъяренных, были из тех, кто был отправлен в концентрационные лагеря во время войны. Неужели Стражи тестировали эффект яда Бастет на Дарклингах уже тогда? Значит, так они и обнаружили, что яд вызывает появление вируса Разъяренных впервые?

Эш поворачивается ко мне, его лицо встревожено.

— Откуда ты знаешь, что Золотой Дурман был отравлен ядом Бастетов?

Я прикусываю губу.

— Говори! — требует он.

— Эш, пожалуйста... — мой голос дрожит.

— Это дело рук Эмиссара, верно? — говорит Сигур. — Она догадалась, что мы протестировали Кровь Синт-1 на наличие ядов и ей пришлось найти другой способ, чтобы заразить нас. Значит, они создали Золотой Дурман и раздали его в притоны...

— Люди становились носителями инфекции и передавали её Дарклингам, которые питались ими, — заканчивает Эвангелина мысль. — Кроме того Золотой Дурман убивает и людей тоже. Поэтому Эмиссар пыталась повесить эти смерти на нас.

Эш испускает страдальческий звук, словно раненый зверь.

— Эш, мне жаль, — говорю я.

— Почему ты мне не сказала? — спрашивает он.

— Я пыталась сказать тебе сегодня утром, потом вернулся Себастьян и...

— Нужно было лучше пытаться! — огрызается он.

Сигур рычит на меня:

— Они умышленно отравили нас. Они убили Аннору.

У меня едва ли есть возможность как-то отреагировать на это, потому что Сигур хватает меня за горло, крепко его сжимая.

— Мне следовало бы бросить тебя на растерзание Разъяренным, — говорит он.

— Нет, пожалуйста! — задыхаюсь я, вцепляясь в его руки.

— Отпусти её! — требует Эш.

— Имей сострадание, Сигур! Она всего лишь дитя, — вступается преподобный Фишер.

— Её мать убила наших детей! О чем ты говоришь?! Око за око! — говорит ему Сигур.

Дарклинги в палате воют в унисон и это ужасный кровожадный звук.

— Если ты её убьешь, я никогда тебе этого не прощу. Моя мама никогда бы не позволила бы тебе сделать это. И ты это знаешь, — говорит Эш.

Кажется, это задело невидимую струну в сердце Сигура. Он бросает меня, и я тяжело опускаюсь на землю. Преподобный Фишер поднимает меня на ноги.

— Тебе нужно уйти, — говорит мне Эш, голос у него холодный и отстраненный.

— Эш, мне жаль. Прощу тебя, прости меня, — говорю я.

— Просто иди, пока Сигур не передумал, — отвечает он.

Преподобный Фишер тащит меня из комнаты.

— Отпустите меня! — протестую я. — Мне нужно вернуться.

— Не глупи, дитя. Они убьют тебя, — наставляет он.

В данный момент он очень похож на Эша. Раньше я этого не замечала, так как его лицо было скрыто растрепанной бородой. У них одинаковая форма глаз, одинаковые приподнятые скулы, тот же прямой нос. Трудно не слушать его, когда он так сильно напоминает мне Эша.

Мы плывем на лодке назад к трупам у выхода Пограничной стены. Охранники провожают нас к воротам, держа меня за руки с большей силой, чем это было необходимо. Новости распространяются в округе со скоростью лесного пожара. Я слышу их бормотание друг с другом. Мне не понятно, о чем именно они говорят, но ярость в их голосе отчетливо слышна. Они плюют в мою сторону, когда я прохожу мимо. Железные ворота распахиваются, и меня выбрасывают через них, словно мусор. Преподобный Фишер остается внутри.

Я пристально вглядываюсь в ворота, молясь, чтобы Эш вышел оттуда следом за мной. Пожалуйста, пусть это не станет концом. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Но ворота остаются закрытыми.

В погребальном зале почти темно. В полумраке видны только серебристые очертания других Дарклингов, стоящих вокруг маминого тела прикрытого простыней. Я держу папу за руку, держась рядом с ним — он не может видеть в темноте так же хорошо, как я.

Эвангелина слабо улыбается мне. У меня ноет сердце. Как бы мне хотелось, что бы здесь была Натали. Не нужно было мне так резко ранее обходиться с ней, но я был расстроен. Даже если так, это было неправильно, я должен был проводить её к пограничным вратам и дать ей понять, что между нами все хорошо, особенно, учитывая, что всего несколько часов назад мы занимались любовью. Должно быть сейчас она сбита с толку.

Первосвященник начинает петь. Я смутно узнаю мотив и немного подпеваю, то небольшое, что помню. Я жалею, что мало знаю об этой стороне моей культуры, но я не придавал этому особого значения.

Пение прекращается, и Первосвященник приглашает нас выйти вперед.

— Что нам полагается делать? — спрашиваю Эвангелину.

— Мы все должны сказать вслух о том, что нам больше всего запомнилось связанное с Аннорой, чтобы это осталось в нашей памяти.

Сигур говорит первым:

— Я запомню твои поцелуи.

Эвангелина с трудом заставляет себя заговорить:

— Я запомню твою доброту.

Следующий отец:

— Я запомню твой смех.

А затем Первосвященник называет мое имя. Я смотрю на мамино тело, соображая, что сказать. Что больше всего мне запомнится? Как она пела мне перед сном? Как она читала мне "Пиноккио" каждую ночь, даже тогда, когда, наверное, была уже смертельно больна? Как она каждый год писала мне ко дню рождения поздравительную открытку, даже, когда не могла её отправить?

— Я запомню, что ты всегда со мной, — говорю я.

Первосвященник берет погребальную урну, которую я уже видел, и передает её Сигуру. А потом он из-за пояса вынимает из ножен церемониальный нож.

— Что они делают? — шепчу я.

— Тебе не обязательно на это смотреть, — говорит Эвангелина.

Первосвященник заносит нож над маминым телом.

— Нет! — кричу я.

Священник погружает нож в мамину грудь.

— Это часть ритуала, — объясняет Эвангелина. — Её двойное сердце извлекут и отдадут её Кровной половинке.

Я утыкаюсь лицом в папино плечо. Эвангелина была права; я не хочу это видеть. Папа гладит меня по спине.

— Все закончилось, — шепчет мне папа минуту спустя.

Я набираюсь смелости, и смотрю на маму. Она снова накрыта саваном. Сигур помещает крышку на урну и предлагает взять урну отцу.

Папа качает головой.

— У меня есть Эш. Он лучшая часть Анноры. Забирай ее сердце; оно принадлежит тебе И всегда принадлежало.

Сигур слабо улыбается и прижимает урну к груди.

Дверь открывается и серебристый свет падает прямо на алтарь, в то время как Эвангелина выскальзывает из помещения. Папа с Сигуром заняты беседой между собой; они не замечают, как я ухожу, несколькими минутами спустя. Мне просто нужно выйти на свежий воздух.

Я обнаруживаю Эвангелину рядом с пустой обезьяньей клеткой. Мы прогуливаемся по зоопарку, проходя вдоль клеток. В какой-то момент, Эвангелина берет меня за руку, и я переплетаю её пальцы со своими, нуждаясь в утешении. Несмотря на то, что эти ощущения приятны и естественны, мне все еще хочется, чтобы здесь прямо сейчас была Натали.

— Церемония не была затяжной. Аннора была бы довольна. — Эвангелина смахнула слезы со своих глаз. — Не могу поверить, что её больше нет.

Я не знаю что сказать, чтобы её утешить.

— Знаешь, а ведь именно я привела твою маму к вам домой, — говорит она.

— Спасибо, — говорю я.

— Это было самое меньшее, что я могла для неё сделать. Она столько лет присматривала за мной. Я её любила.

— Почему ты никогда не говорила Сигуру, что мама была больна? — спрашиваю её.

Она опускает ресницы:

— Боялась, что он меня во всем обвинит.

— Почему? Как её укусили? — спрашиваю я. Этот вопрос мучил меня последние несколько недель.

— Это был один из Разъяренных в больнице. Я работала в палате, а она зашла, чтобы попрощаться, после того, как у неё вышел спор с Сигуром. На неё напал Разъяренный... Все произошло так быстро. Это всё я виновата. Она не должна была приходить, чтобы попрощаться.

— Ты не виновата. Кроме того, в конце концов, не это её убило, — говорю я, и у меня внутри закипает ярость, когда я вспоминаю о Грегори. — Что они теперь сделают с её телом?

— Они вынесут её тело наружу перед самым рассветом. Солнце сожжет её останки.

От этой мысли мне становится не по себе.

— Она сейчас в Небытие, в лучшем месте, — говорит Эвангелина.

— Ты и в самом деле в это веришь?

Она кивает.

Над головой пролетает птица, которая напоминает мне о том дне, когда мы с Натали сидели на крыше штаб-квартиры Стражей, а над нами пролетел ворон. Мое сердце ноет от боли, когда я думаю о том дне, о том, что я чувствовал, обнимая её, как она целовала меня.

— Что ты теперь собираешься делать? — спрашивает Эвангелина.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Ты вернешься обратно или останешься с нами?

Я даже не думал о том, чтобы остаться в Легионе. Но почему бы мне не остаться? Что меня удерживает на людской стороне стены? Моя мама умерла, папе будет безопаснее без меня, и Жук все поймет. Есть только одна причина, по которой мне стоит вернуться. Натали.

— Ты ведь думаешь о ней, не так ли? — спрашивает Эвангелина.

— Это так очевидно?

— Для меня — да. — Глаза Эвангелины сужаются в щелочки. — Разве ты не понимаешь, что она предательница? Она знала о яде Бастетов, но не рассказала тебе.

— Натали сказала, что у неё не было возможности...

— Не будь наивным, Эш. Она просто защищает свою мать. Натали — Страж. Снаружи и внутри. Не забывай об этом, — отвечает Эвангелина.

— Не правда. Она не такая, как они.

— Не ведись на её ложь. Она играла с тобой, как с дурачком.

— Я в это не верю, — упряmlюсь я.

— Как ты можешь все еще хотеть быть с ней? — спрашивает Эвангелина.

— Потому что я все еще люблю её, — говорю я.

— Ты не любишь её. Тебе только кажется, что любишь, потому что у неё моё сердце.

— Может у неё твое сердце, но я люблю её не из-за этого, — говорю. — Это не только физическая связь. Это нечто глубже. Может ты и моя Кровная половинка, но она моя Душевная половинка. А это гораздо сильнее.

Эвангелина прикасается к моей груди.

— У нас могла бы быть такая связь, Эш, если бы та просто дал мне шанс. Я бы никогда не лгала тебе и не предавала. Ей нельзя доверять — она опасна.

Она смотрит на меня широко раскрытыми, выжидающими глазами. Её чернильно-черные волосы струятся волнами вокруг её бледного красивого лица.

Я убираю её руку.

— А ты не опасна? Ты убила человека или забыла? Его звали Малкольм.

Она издает раздражительный взглас:

— Он был просто куском мяса.

— Вот видишь, в чем разница между тобой и Натали. Она бы никогда не позволила Дарклингу пострадать, если бы у неё была возможность это предотвратить, в то время как ты совсем не сожалеешь о том, что убила человека.

— Может быть, если бы она вырвала твое сердце точно так же, как моё, то у тебя бы тоже не было такого теплого и трепетного отношения к людям, — говорит она.

Я вздыхаю. Мы сидим на каменной лавочке возле заброшенного львиного логова. Вокруг наших ног цветут белые цветы. Их лепестки такого же цвета, что и переливчатая кожа Эвангелины.

— Значит, ты собираешься остаться с нами? — спрашивает она и в её глазах загорается надежда.

Я смотрю на Пограничную стену, которая высится вдалеке. И впервые за все время, мне тоскливо. Мне хочется оказаться по другую сторону стены.

— Нет, — говорю.

Эвангелина отворачивается, но я знаю, что она плачет.

— Прости. Я никогда не хотел причинить тебе боль, — говорю я.

Она снова смотрит на меня.

— Ну, тем не менее, причинил. Наверное, мне повезло, что у меня нет сердца, потому что ты не можешь его разбить.

Я тянусь к ней, но она отталкивает мою руку.

— Я не собираюсь тебя ждать, Эш.

— Я никогда не просил тебя об этом, — говорю я.

Она вздыхает, плечи поникли. Она сдалась. Эвангелина поднимает взгляд на луну, её темные глаза блестят серебристым светом. По щеке стекает одинокая слезинка, но она её не стирает.

— Я просто подумала, если бы ты узнал бы меня получше, то захотел бы быть со мной, а не с ней. Но этого не произойдет, не так ли? — тихо говорит она.

— Нет. Думаю, нет.

Она судорожно вздыхает, и я чувствую себя просто ужасно из-за того, что раню её чувства, но я не могу лгать. Иначе, дальше может стать только хуже.

— Эвангелина, ты когда-нибудь находила меня привлекательным? — спрашиваю я.

— Да, — говорит она. — Ты очень привлекателен...

— Нет, я имею в виду не внешность. Я на самом деле тебе нравился?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Меня влечет к тебе, но это... физическое влечение. Словно ты моя потребность. Жажда. Но я едва тебя знаю, Эш.

Я, понимая, киваю. Между мной и Эвангелиной определенно существует притяжение, но нет той эмоциональной связи, как между мной и Натали.

— Мне кажется, это серьезное давление, что мы должны испытывать друг другу определенные чувства, потому что мы — Кровные половинки. Но, на самом деле, ты не испытываешь этого ко мне, а я к тебе, — говорю я.

Она всхлипывает:

— Эш...

Я притягиваю её к себе и обнимаю, пока она плачет. Она такая маленькая, такая хрупкая. Зоопарк вокруг нас совсем тих, клетки пусты и безжизненны. Это её мир: тишина, одиночество. Это было моей моей жизнью до встречи с Натали. Мне повезло. Сколько всего могло произойти... Ненавижу тот факт, что мне пришлось бросить её на произвол судьбы, но что я мог сделать? Единственное, в чем нуждалась Эвангелина, в том, что я не мог ей дать: моё сердце.

— Ты еще встретишь кого-нибудь, кого-нибудь достойного, — говорю я, когда она отстраняется от меня.

— Кого? Мы единственные оставшиеся полукровки.

— Нет, не единственные. Нас больше. Я сам их видел, — отвечаю я. — Мы можем искать их вместе.

Неожиданно, она встает.

— Нет причины, чтобы оставаться. Меня здесь ничего не держит. Анноры больше нет, ты с Натали, да и Сигур не очень-то во мне нуждается. Пора двигаться дальше, — говорит она.

— Ты не можешь сейчас уйти, — возражаю я, поднимаясь на ноги.

— Почему? Назови мне причину, по которой я смогу остаться.

Я не могу.

— Прощай, Эш. Может, как-нибудь свидимся.

Она идет к лодке, которая доставит её обратно к Пограничной стене. Она в последний раз бросает на меня долгий взгляд и уплывает. Мое сердце наполняется тоской, понимая, что она покидает меня.

А я гадаю, увижу ли я ее еще когда-нибудь.

Глава 33

Натали

Я вваливаюсь в мамин кабинет. Она в окружении своих закадычных друзей, которые пляшут на меня, ошеломленно замолчав, когда я хватаю стеклянное пресс-папье и бросаю его через всю комнату. Оно ударяется в портрет Пуриана Роуза, который висит над камином.

— Натали!

— Как ты могла? — кричу я. — Ты заразила Дарклингов вирусом Разъяренных?

Собравшаяся шушера спешит скорее за дверь, желая поскорее убраться подальше, и я захлопываю за ними дверь.

Мама щурит свои ледяные голубые глаза.

— Не знаю, что за бред ты слышала о Разъяренных, но...

— Перестань нести чушь! Я знаю, что это твоих рук дело. Чего я не понимаю, так эту причину, — говорю я.

Мама напрягается и это подчеркивает еще сильнее угловатость её тощего тела. Она собирается возразить, но потом, смирившись, вздыхает.

— Причина в том, что Дарклинги — паразиты и их необходимо уничтожить.

Я так и знала, что она была в этом замешана, но её признание всё равно выбивает у меня почву из-под ног.

— А что на счет Криса и других детей? Тех, кто пробовал Золотой Дурман? Они тоже всего лишь паразиты? — спрашиваю я.

— Их смерть была несчастным случаем, но я не собираюсь мучиться бессонницей из-за парочки Одурманенных.

Гнев во мне разгорается с новой силой.

— Что ж, я бы начала беспокоиться на твоём месте. Сигур уже все знает.

— Откуда? — спрашивает она.

— Я ему рассказала.

Мама резко встает, и её зеленое кожаное кресло опрокидывается на пол.

— Ты хоть отдаешь себе отчет, какой опасности нас всех подвергаешь? — восклицает она.

— Это не я подвергаю нас опасности, а ты со своим безумным планом! Зачем ты это сделала? Я просто не понимаю, — говорю я.

Мама слегка поворачивается так, что я могу видеть лишь её профиль, и смотрит на огонь в камине. Оранжевое пламя мерцает, и на её бледной коже танцуют тени. От этого её лицо кажется совсем костлявым и я вдруг вижу как плохо она выглядит, какая же она усталая.

— У меня не было выбора, Натали. После того, как твой отец предал нас, Пуриан Роуз собирался нас всех казнить, чтобы сделать из нас пример в назидание остальным. — Её голос не звучал привычно уверенным. Будто ей было... страшно. — Но я уговорила его пожалеть нас.

— Каким образом? — спрашиваю я.

— Я знала, он хотел, чтобы Закон Роуза был принят — он только об этом и говорил в течение нескольких месяцев. — Она бросает на меня взгляд через своё костлявое плечо. — Мы должны были найти способ убедить граждан проголосовать за него. Мы знали, что будут

возражения, особенно со стороны Людей за Единство.

Я подхожу к ней.

— Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение к Золотому Дурману. Почему ты хотела заразить Дарклингов вирусом Разъяренных? — спрашиваю я.

Мама поднимает глаза на портрет Пуриана Роуза, словно боится, что он может нас слышать. Его волчьи серебристые глаза смотрят на нас сверху вниз.

— Тебе никогда не приходило в голову, что это очень странно, что школа Блэк Сити находится как раз рядом с Пограничной стеной? — спрашивает она.

Я киваю.

— Да, вообще-то, приходило.

— Это не случайно. Идея состояла в том, чтобы заразить Дарклингов вирусом Разъяренных, а потом — она облизывает губы — а потом мы собирались открыть ворота и впустить их в школу. Мы собирались обвинить во всем Людей за Единство и убедить граждан, что это они выпустили кровососов. Эти идиоты со своими протестами только сыграли бы нам на руку.

У меня перехватывает дыхание. Меня охватывает ужас. Пуриан Роуз приказал погубить сотни детей?

— Зачем? — спрашиваю я.

— Чтобы выиграть голосование наверняка. Никто бы после того не усомнился насколько Дарклинги — опасны, — говорит мама. — Я сказала Пуриану Роузу, что возьму руководство операции на себя, и в случае провала вся ответственность ляжет на меня. В случае победы — победа будет только его.

Я смотрю ей в глаза, и впервые за все время, вижу, испуганную и ранимую женщину в них.

— Я пошла на это, чтобы защитить вас с Полли. Я должна была пойти на это. Другого пути не было, — говорит она.

— Но ты отправила меня в эту школу. — До меня, наконец-то, начинает доходить. — Роуз хотел, чтобы я погибла вместе с остальными и его бы никто не заподозрил в том, что он имеет отношение к нападению Разъяренных. Я имею в виду, иначе бы, зачем ему позволять гибнуть дочери Эмиссара?

Она хватается меня за руки и пристально смотрит на меня.

— Я умоляла его пощадить тебя, но он и слушать не стал. Почему ты думаешь я приставила к тебе Себастьяна, чтобы он глаз с тебя не спускал? Я хотела, чтобы он смог тебя защитить, когда нападут Разъяренные. Это должно было произойти в следующий четверг, после завершения пограничных переговоров. Мы поняли, что это было бы самым подходящим моментом, так как Люди за Единство придут в ярость, когда я откажусь расширить территорию Дарклингов.

— Себастьян знал обо всем этом?

Маме даже не нужно отвечать. Ну, разумеется, он обо всем знал. Он помогал ей. Вот почему Себастьяну было предложено присутствовать на духовном семинаре. Он был, таким образом, вознагражден.

Я высвобождаю свои руки из маминой хватки.

— Не сердись на Себастьяна. Он всего лишь исполнял то, что ему приказывали, — говорит она. — Это было его предложение, организовать выявление новых Ищеек. Мы надеялись, что если некоторые студенты будут подготовлены, то потери будут минимальны.

— Ты приказала найти новых Ищеек? Я думала, это была инициатива Пуриана Роуза.

— Мне удалось убедить его, что это хорошая идея заручиться поддержкой большего количества Ищеек, но он не знал настоящей причины, — говорит мама.

— Ты все еще собираешься следовать намеченному, несмотря на то, что Люди за Единство опередили тебя и разбомбили стену? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Пуриан Роуз сказал, что это будет последним гвоздем в крышку гроба Дарклингов вместе с Людьми за Единство. У граждан просто не останется выбора только, как проголосовать за Закон Роуза. Таким образом, бомбежка обернулась только нам на пользу; она показала, что Люди за Единство оказались экстремистами. Народ поверит нам, когда мы скажем ему, что во всем виновата эта организация.

Я мотаю головой, стараясь все осознать. На руках мамы столько крови, что при мысли об этом мне становится дурно.

У моих ног осколки от пресс-папье, которое я швырнула в стену. Они сверкают в отблеске камина, как глаза Эша. Мое сердце сжимается, когда я думаю о нем, думаю, сколько я потеряла из-за своей матери.

— Поверить не могу, что ты решилась пойти на такое безумие, — наконец, выдавливаю я из себя. — Меня могли убить. Неужели тебе совсем на меня плевать?

— Конечно, мне на тебя не наплевать. Ты же моя дочь.

— Прежде, это не имело для тебя никакого значения. Ты позволила Пуриану Роузу пытать Полли. А она ведь тоже твоя дочь.

— У меня не было выбора!

— Ну, конечно он у тебя был. Ты могла воспротивиться в ту ночь Пуриану Роузу. Ты могла попытаться хоть что-нибудь сделать. Вместо этого ты просто отдала её ему.

Худое лицо матери застывает.

— Не забывайся, юная леди. Это была твоя вина, что еще и Полли оказалась там.

Я морщусь, уязвленная её словами.

У меня в голове раздается мягкий голос отца: *«Ты не виновата. Ты была всего лишь ребенком»*.

Мои руки начинают трястись, когда внутри все клокочет от злости. Меня уже тошнит от того, что мама переложила всю ответственность за то, что случилось с Полли только на меня. Это неправильно, это несправедливо.

— Не смей меня винить, — говорю я. — Она пострадала, потому что ты её не защитила. Ты её мать. Ты должна была сделать все, что в твоих силах, чтобы спасти её.

Мама бледнеет.

— Просто ответь мне на один вопрос: почему ты выбрали её, а не меня? Я знаю, что она твоя любимица, так что даже не пытайся это отрицать, — говорю я.

— Я и не отрицаю.

Даже, несмотря на то, что я это знала, услышать об этом было больно.

— Это правда, я любила Полли больше, чем тебя, — продолжает мать. — Ты была любимицей своего отца и на это есть причина.

— Что за причина?

Мама поворачивается к огню и закрывает глаза. — Джон не был отцом Полли.

Я где-то с минуту ничего не говорю, переваривая невероятную новость. Полли моя единокровная сестра? Но, полагаю, это все объясняет, почему мы так с нею не похожи.

— Кто её отец? — спрашиваю я, и ужасное подозрение уже закралось в мою душу.

Мать неуверенным движением показывает пальцем на человека с волчьими серебряными глазами, чей портрет висит над камином.

Париан Роуз.

— Нет! — вскрикиваю я, отшатываясь назад от картины.

— Он понятия не имел, что Полли его дочь, — оправдывает его мать.

— Ты сделала это, чтобы причинить боль Роузу, хотя он понятия не имел, что Полли его ребенок?

Она кивает. — Я собиралась ему все рассказать, просто ждала подходящего момента.

— Ты имеешь в виду, момента, когда это было выгодно бы тебе? — спрашиваю я, понимая к чему она клонит.

— Политика — это война, Натали, — отвечает она. — Мне нужна страховка. Если кто-нибудь узнает, что у Пуриана Роуза есть незаконная дочь, которую он подверг пыткам, это будет концом его карьеры.

— Ты собираешься его шантажировать?

— Да, — не лукавит она.

— Ты неподражаема. Ты не опасаясь, что он просто убьет Полли, чтобы правда не выплыла наружу?

Она смеется.

— Если он только пальцем её тронет, мои союзники в Центруме выпустят в свет ДНК-отчет, подтверждающий, что он её отец. Правда все равно выйдет наружу. Это не в первый раз, как я кого-то шантажировала — не надо во мне сомневаться.

Я сажусь в красное кожаное кресло и обреченно кладу свою голову на руки, пытаюсь осмыслить всю эту новую информацию. Предательство обжигает меня изнутри. Как родители все эти годы могли хранить от меня такой секрет?

Мама прикладывает палец к губам, пока изучающе на меня смотрит. Я вижу, что она пытается что-то для себя решить. Она щурит глаза.

— Натали, чем ты занималась с Сигуром Марвиком?

— Я не обязана отвечать, — говорю я, вставая.

Она хлопает рукой по столу из красного дерева, заставляя меня тем самым подпрыгнуть. Наше мгновение "единения" матери и дочери окончено. Я вздергиваю подбородок и вызывающе смотрю на неё.

— Я была на похоронах, — говорю я.

— На чьих? — медленно говорит мама.

— Анноры Фишер.

Красные губы матери сжимаются в тонкую линию.

— Кровной половинки Сигура?

— Ты её знала? — спрашиваю я.

— Еще как. Она была шишкой у Фронта Легиона "Освобождение" и причиной нескончаемых неприятностей, которые у нас возникали во время войны. Откуда ты её знаешь?

— Она была матерью моего парня, — говорю я.

Мама делает резкий вдох.

Я холодно улыбаюсь. Вот она реакция, которую я так ждала. Единственное, что мама ненавидит больше, чем Дарклингов — это предателей расы. Я стрелой вылетаю из её

кабинета, не обращая внимания на её окрик:

— А ну немедленно вернись, юная леди! — и тут же отправляюсь в свою комнату.

Вынув чемодан из-под кровати, я начинаю скидывать туда одежду. Я ставлю на кровать шкатулку и вынимаю из неё самые дорогие вещицы, оставляя нетронутыми часы своего отца. Я заложу остальное. Я немного за них выручу, но этого должно хватить, чтобы снять комнату в Центруме на несколько недель, пока не смогу устроить, чтобы забрать к себе Полли. Моя сестра не может с ней оставаться. У меня еще остались друзья в Центруме; они помогут. Мне просто нужно выбраться отсюда, подальше от этих чудовищ.

Внезапно у меня все плывет перед глазами и я закрываю глаза, чтобы головокружение прекратилось. В голове тут же возникает образ Эша. Я так подвела его. У него был такой вид, будто его все предали. Пожалуйста, пусть это не встанет между нами.

Дверь открывается и, шатаясь, не дождавшись приглашения, входит Себастьян. Его мундир Ищейки расстегнут, демонстрируя под ним белый жилет. Даже со своего места я чувствую запах алкоголя. Он, должно быть, выпивал с остальными Ищейками, после их успешной охоты с кадетами.

Он замечает чемодан.

— Куда это ты собираешься?

— Подальше отсюда.

— Не уходи. Я люблю тебя. Я хочу тебя, — произносит он заплетающимся языком.

— По-моему, тебе лучше уйти, Себастьян.

Он качнулся ниже, но мне удастся убрать свою щеку, как раз перед самым поцелуем.

— Отвали! — я отпихиваю его.

Он толкает меня, и я падаю обратно на кровать. Я роняю чемодан, все содержимое которого вываливается на ковер. Себастьян наваливается на меня сверху, и на мгновение, я вспоминаю Эша и, как мы лежали вот так еще сегодня. За исключением того, что он не заламывал мне запястья. Мое сердце бешено стучит в груди. В глазах Себастьяна нет света. В них только тьма и голод: это глаза хищника. Себастьян тянется своей ледяной рукой мне под топ и хватается за мою грудь.

— Нет! — кричу я.

Он прижимается ртом к моим губам и заставляет меня открыть рот своим языком. Я чувствую привкус алкоголя, обжигающего и горького. Я со злостью кусаю его нижнюю губу, и он что-то бормочет и бьет меня по лицу.

Он переворачивает меня на живот, толкая лицом в подушку. Я задыхаюсь. Мои пальцы нащупывают шкатулку на моем ночном столике, и я изо всех сил бью ею по Себастьяну. Удар! И меня больше никто не прижимает. Я бросаю шкатулку, и по ковру катится флакончик с Золотым Дурманом. Он трещит и ломается на осколки под моей ногой, когда я выбегаю из комнаты. Я не оглядываюсь. Просто бегу. Подальше от Себастьяна, подальше от своей прежней жизни, как можно быстрее.

Идет снег, воздух становится морозным, но я едва ли это замечаю. Я прохожу полмили, прежде чем остановиться. Я не имею понятия, куда мне податься и у меня нет денег. Куда теперь?

Я знаю только одного человека, который может помочь мне спрятаться.

Глава 34

Натали

Жук накидывает мне на плечи плед и протягивает чашку с сильно разбавленным чаем. Я благодарю его и потягиваю разбитыми губами чай. Его щека в том месте, где пострадала, была все еще розовой, но кожа уже выглядит почти зажившей. Хотя там наверняка останется шрам. Его живот перевязан и он с трудом передвигается, но в остальном он кажется в порядке. Лучше, чем я ожидала.

На его барже полным-полно активистов Людей за Единство. Я все рассказала Жуку и его тетке о плане моей матери заразить Дарклингов мутированным вирусом Разъяренных и в течение нескольких минут Роуч собрала остальных участников движения.

Роуч меряет шагами баржу, словно тигр в клетке, ее длинные дреды покачиваются у неё за спиной, когда она очень громко говорит по телефону со своим человеком в Новостях Блэк Сити.

— Говорю тебе, подруга, это все правительство, — говорит она. — Это они убили тех детей, подмешав яд в Дурман. Да, да, да, мы получим доказательства. Джуно, я не бросаю слова на ветер. Это правда.

Я ставлю чашку на стол. Движение заставляет меня вздрогнуть. Каждая частичка моего тела отзывается болью после нападения на меня Себастьяном. Я всхлипываю, меня одолевают воспоминания об этом, прежде чем я успеваю их отбросить. Жук осторожно обнимает меня.

Еще несколько недель назад я и представить себе не могла, что меня будет обнимать один из активистов Людей за Единство, не говоря уже о том, что я буду помогать им в том, чтобы остановить свою мать и прекратить продвижение Закона Роуза. Это рискованно, но я устала бояться своей матери, Пуриана Роуза. Их необходимо остановить. Мой папа это понимал и, мне кажется, Полли тоже так считает. Я найду способ защитить её.

— От Эша что-нибудь слышно? — спрашиваю я Жука.

— Нет, он не выходил на связь. Я отправил ему несколько сообщений, но, наверное, он занят с похоронами своей мамы и все такое. Может быть, он появится завтра в школе? — предполагает он.

— Конечно, — говорю я с сомнением.

— Он скоро вернется. Он же с ума по тебе сходит, — говорит Жук.

Я потираю свои запястья, в тех местах, где за них меня хватал Себастьян, а после повалил на кровать. Как я вообще могла его любить? Он совершенно не такой, как Эш. Эш добрый, верный и щедрый. Я закрываю глаза и думаю о губах Эша, как они целуют мои, об ощущениях, когда он пробегает своими пальцами по моей коже, как это здорово заниматься с ним любовью. Это были лучшие мгновения в моей жизни.

Тетка Жука вешает трубку и на её лице появляется широкая улыбка.

— Они покажут репортаж в утренних новостях, если мы сможем предоставить им доказательства. Правительство Стражей и не узнает, кто нанес им удар!

В комнату входит тощий блондин с покрасневшимся лицом. Он явно в приподнятом настроении. Роуч отправляла его к мистеру Табсу раздобыть немного Золотого Дурмана, так как я разбила флакончик, когда Себастьян напал на меня. А другие флакончики остались в лаборатории штаб-квартиры Стражей, и я ни за что не вернусь туда за ними, после того, что

случилось.

Он снимает рюкзак и высыпает содержимое на стол. Из него выкатывается больше двадцати флакончиков с Дурманом, вместе с дюжиной цифровых дисков, на которых, как мне известно, есть записи людей, посещавших притон мистера Табса.

— У меня не было возможности просмотреть много из отснятого материала, но этот диск говорит сам за себя. — Он вставляет диск в проигрыватель и включает телевизор.

Запись немного размыта, но она четко дает понять, что Курт передает мистеру Табсу кейс с Золотым Дурманом.

— Мы поймали этих мерзавцев с поличным, — говорит блондин.

— Отлично сработано! — говорит она.

Он ухмыляется.

— Я едва успел. Охранники Стражей рыщут по всему городу. Они подожгли лавку мистера Табса. Нет никаких сомнений, чтобы уничтожить улики. Мне просто повезло, что я оказался там первым.

Роуч улыбается.

— Превосходно, мы предоставим это доказательство Джуно. Завтра, в это же время, весь мир узнает, что творит правительство Стражей. Мы собираемся снести Пограничную стену раз и навсегда! Люди за Единство!

Все радуются. Все, кроме меня.

Папа, Сигур и я, стоим вокруг Солнечного Алтаря, на верху старой церкви, с которой открывается вид на гетто Легиона, и глядим на туманный восход солнца над городом. В отдалении, за стеной на стороне Стражей, я уже слышу шум фабрик, чернорабочих, которые отправляются на работу.

Лицо отца устремлено в небо, а глаза его закрыты. Он тихо молится. Он выглядит одновременно терзаемым духами и освобожденным. Он будто в аду и в раю. Я чувствую все то же самое. Кремация была быстрой; все, что осталось от мамы — это прах и пепел.

Я смотрю на Пограничную стену и надеюсь, что с Эвангелиной все в порядке. Мне бы хотелось справиться лучше с той ситуацией, которая возникла у нас с ней. Куда она отправилась? Сомневаюсь, что она останется в Блэк Сити. Может она пойдет в одно из других гетто Дарклингов на западе?

Охранники Легиона вернулись на стену, хотя теперь они не на своих привычных местах. Они подходят к друг другу, оживленно разговаривают. Они все еще злы; ведутся переговоры о восстании.

— Что теперь будет? — спрашиваю я.

Золотая маска Сигура поворачивается ко мне.

— Мы обнародуем эту информацию. Я надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы Закон Роуза не прошел. Есть также сочувствующие Дарклингам и это может быть сподвигнет их к действию. — Он смотрит на бледное рассветное солнце. — Эш, я чувствую, что грядут перемены. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Дарклинги воскреснут из небытия.

— Что станет с Эмиссаром, когда откроется правда?

— Пуриан Роуз должен будет наказать её, — говорит Сигур. — У него не будет выбора, кроме, как сделать из неё "козла отпущения", чтобы отвлечь внимание от себя. Это в его стиле.

— Неужели люди не разберутся, что он был замешан во всем этом? — спрашиваю я.

— Они, возможно, будут подозревать, но у них не будет доказательств. Пока не будет. Я приложу все усилия, чтобы их достать, — говорит Сигур.

— Почему бы Эмиссару просто не сказать правду, что её на это подбил Роуз? — спрашиваю я.

— Потому что она захочет защитить своих дочерей, — отвечает папа.

Меня охватывает внезапная паника.

— Но Натали все известно! Что с ней будет, если об этом узнает Пуриан Роуз?

— Он казнит её, — равнодушно отвечает Сигур.

— Что? Почему вы мне не сказали, что она в опасности? — я поворачиваюсь к отцу. — Я должен идти.

Он хватается за мою руку и тянет к себе. В его глазах сильная тревога.

— Папа, прошу тебя. Ты понимаешь, я должен защитить её. Ты бы сделал для мамы тоже самое.

Он выпускает мою руку:

— Будь осторожен.

Я бросаюсь к лодке, которая доставит меня обратно к Пограничной стене, позволяя своему сердцу вести меня к тому единственному, чего оно так жаждет: Натали.

Глава 36

Натали

Тетка Жука собрала сотни активистов Людей за Единство, протестующих на городской площади. Все что я вижу, это океан сердитых лиц и бесчисленное количество плакатов над головами, на которых красуются слоганы: *НИКАКИХ ГРАНИЦ ЕДИНЬЙ ГОРОД* У меня за спиной курсанты школьных старинных часов бьют девять часов, давая нам знать о начале занятий, но я не спешу внутрь здания. По левую сторону от меня, три креста отбрасывают на собравшийся народ на городской площади, длинные тени, демонстрируя власть Пуриана Роуза. Но не похоже, что сегодня это может кого-нибудь испугать. Мы все для этого слишком злы.

Над нами клубятся темно-серые тучи, грозящие разразиться дождем в любую минуту.

Роуч, как всегда со своим мегафоном, привлекает всеобщее внимание. Все происходящее снимают Джуно Джонс и остальные бригады новостей, кто пытается быть в курсе происходящего. Даже ЭсБиЭн тут, наблюдают с болезненным любопытством. Они ничего не сообщают. Как можно раскручивать историю, когда любимое правительство замешано в убийстве детей при помощи инфицирования Дурмана?

Этим утром Люди за Единство взламывают управление цифровыми экранами по всему городу и запускают в просмотр записи с камер видеонаблюдения мистера Табса, где Курт передает ему Золотой Дурман. За этим следует репортаж Джуно, который раскрывает план по инфицированию Дарклингов вирусом Разъяренных и нападению их на школу, как сообщает *"анонимный внутренний источник"* — среди друзей известный лучше, как Натали Бьюкенан.

Десять минут спустя после репортажа, Пуриан Роуз на канале новостей ЭсБиЭн отрицает свою причастность к случившемуся, решительно спихивая все на мою мать, называя её *"опасно неустойчивой женщиной с её собственными политическими взглядами"*.

Вскоре после этого *"таинственным образом исчезает"* Курт, а моя мама с Полли ударяются в бега вместе с Крейвеном.

Я прикусываю губу, внезапно запаниковав, испугавшись, что я все сделала неправильно. Что теперь будет с мамой? Со мной и с Полли? Но теперь слишком поздно, чтобы отступить. Как бы там ни было, мне придется жить с последствиями этих моих поступков.

Охранники Легиона на Пограничной стене взволнованы. Время от времени они бьют себя в грудь, глядя на часовых Стражей, патрулирующих поврежденную часть стены. Напряжение витает в воздухе и возникает ощущение, что он становится густым, как суп.

Я ожидаю в шаге от школы с Жуком и Дей, раздавая студентам листовки Людей за Единство. Я лениво царапаю рану на ноге, где ребенок Дарклингов укусил меня прошлой ночью.

— Я не уверена, что все еще хочу быть Эмиссаром. Я не хочу закончить так, как твоя мать, — говорит мне Дей, пока мы вручаем флаер парню, шагающему к школе.

— Тебе и не нужно. Ты бы никогда не позволила себе стать марионеткой Пуриана Роуза, — отвечаю я. — Стране нужны такие люди, как ты. Это наша единственная надежда, ведь что ни делается, все только к лучшему.

Дей улыбается мне.

— Скажи "нет" закону Роуза, — говорит Жук обожженными губами, всучивая листовку

девушке. Каждый день ему становится немножко лучше. На самом деле он должен был бы быть в постели, но он настоял на своем приходе сюда, чтобы поддержать свою тетю.

С тех пор, как взорвали стену, прошло всего два дня, а я уже замечаю перемену в людских настроениях. Теперь больше людей готовы слушать, они увидели истинное положение дел.

Грегори, одетый в полное обмундирование Ищеек, включая меч, поднимается вверх по лестнице и бросает на нас сердитый взгляд.

— На территории школы листовки распространять незаконно.

Я буравлю его свирепым взглядом. Это просто отвратительно, как он вообще может показываться мне на глаза, после того, как убил мать Эша. Он выдергивает листовки из моих рук и подбрасывает их в воздух, а потом убегает в школу. Листовки розовым конфетти разлетаются по земле. Я наклоняюсь, чтобы подобрать их, и вот тогда я чувствую его. Спокойное, ритмичное, еще одно сердцебиение рядом с моим.

Наблюдая за мной, у подножья лестницы стоит Эш. Его темные волосы шевелятся на ветру и хлещут по его красивому лицу. Он улыбается. Казалось бы, такой незначительный жест, но как много он означает. Я прощена. Я лечу вниз к нему, и уже готова было кинуться ему на шею, когда вспоминаю о телевизионных камерах поблизости. Я не могу обнять его. Не здесь, не сейчас, когда вся страна наблюдает. Это ранит. Мы стоим друг от друга на почтительном расстоянии, чтобы не вызывать подозрения.

Его глаза в беспокойстве округляются, когда он видит мое лицо: опухшие губы, синяки на щеках, побагровевшие глаза.

— Что случилось? — требовательным тоном спрашивает он.

— Себастьян, — просто отвечаю я.

— Он пытался её изнасиловать, — говорит Жук, сопровождаемый Дей, когда встречается с нами у подножья лестницы.

— Я прикончу его, — говорит Эш и все его тело трясется от ярости.

— Натали, иди внутрь, — вдруг говорит Дей.

— Почему? — спрашиваю, а потом я вижу его.

Себастьян.

Он выбирается из черной кареты, которая только что въехала на городскую площадь. На Себастьяне форма Ищейки, а меч перекинут через плечо. Под правым глазом красуется черно-синий фингал, в том месте, куда я его ударила шкатулкой. Он щурится от солнечного света и выглядит будто с похмелья. Вот и хорошо. Надеюсь, у него всю ночь крутило кишки. Он гаркает какие-то приказы гвардейцам, а затем идет напрямик к тетке Жука и выдергивает у той из рук мегафон. Ее веснушчатое лицо становится темно-красным от гнева.

— Протесты теперь незаконны! Все немедленно должны покинуть городскую площадь, — приказывает он.

— С каких это пор мы потеряли право на свободу слова? — орет Роуч, и камеры поворачиваются к ней. — Этого вы добиваетесь? Сначала заткнуть рот Дарклингам, потом нам? Вы собираетесь всех упрятать за этой стеной?

— Я не буду предлагать еще раз. Покиньте площадь немедленно! — говорит он.

— А то что?

Он бьет её по лицу рукоятью своего меча. Роуч падает на землю. Она сильно пострадала, но жива. Её кровь заливает мостовую точно так же, как кровь того паренька-полукровки.

— Роуч! — кричит Жук.

На лице Эша отражается ярость, ноздри его раздуваются, когда он смотрит на кровь, выплеснувшуюся на землю.

Себастьян поднимает свой меч, готовый снова её ударить.

— Отвали от нее на хрен, тварь! — кричит Эш Себастьяну. — Ты больше никому не причинишь зла!

— И кто же меня остановит? — насмешливо вопрошает Себастьян. — Ты?

Стража Легиона на стене начинает агрессивно бить себя в грудь, издавая звук как от военных барабанов, заставляющий всех людей съеживаться. Всех, кроме Себастьяна.

Люди смотрят на стражей, а потом на Эша.

Мое сердце замирает в ожидании.

Некоторые из тех людей, что поумнее, убегают, прежде чем Эш слегка кивает.

Со стены, одним за другим, спрыгивают гвардейцы Легиона. Черные тени на фоне грозового неба. Их черные одежды развеваются, словно крылья за спиной. Протестующие начинают кричать и разбегаться в разные стороны, когда Дарклинги оказываются у Эша за спиной.

— Стража! — вопит Себастьян.

И гвардейцы Стражей спешно перегруппировываются вокруг него.

Телевизионная камера продолжает все снимать.

Эш с Себастьяном застыли, уставившись друг на друга, в безмолвном противостоянии, ожидая, кто первым ударит...

— Сколько крови еще должно пролиться? — спрашиваю я.

В небе собираются черные грозовые тучи, которые бросают тени на городскую площадь.

Я думаю о Томе и Яне, о мальчике-полукровке, о своей матери. О Натали. Сколько еще людей должны страдать? Я больше не могу закрывать на это глаза. Пора действовать, даже, если это приведет к войне.

— Я не позволю тебе больше командовать нами, — говорю я, срывая с руки свой медный ID-браслет и бросая его на землю к ногам Себастьяна. — Это закончится здесь и сейчас.

Себастьян обнажает свой меч, а охранники Легиона свои клыки.

— Эш, прошу тебя. Не нужно, — умоляет Натали.

Она с отчаянием смотрит на меня. Её золотистые волосы подхватывает ветер и обнажает синяки на её лице. Мои клыки наполняются ядом. Я больше никогда не позволю ему причинить ей вред или кому-нибудь еще.

Капают первые дождинки.

— Не затевай драку — все равно проиграешь, — усмехается Себастьян.

Подходит и Жук, держась рукой за живот, чтобы встать рядом со мной. Он никогда не боялся драк. Дей берет его за руку. Следующей, с окровавленным лицом, к нам присоединяется Роуч, а за ней и несколько десятков Людей за Единство.

Дождевые капли начинают падать все быстрее и быстрее.

— Ты все еще в меньшинстве, — говорит он.

Школьные двери шумно распахиваются, и раздается топот сотни ног. На улицу выходят студенты и учителя. Большинство встает рядом со мной.

— Город един! — скандирует кто-то.

— Долой Стражей! — выкрикивают другие.

Остальные студенты присоединяются к Себастьяну. Грегори, проходя мимо меня, перехватывает мой взгляд. У меня в голове проносится образ, как он стоит над истекающим кровью телом моей мамы. Он, явно подумав о том же, довольно ухмыляется мне, обхватив рукой эфес меча.

Ярость сжигает меня изнутри.

Все закончится сегодня.

Я больше не буду жертвой.

Телевизионщики вращают камеры туда-сюда между противоборствующими сторонами.

— Что ты и твои друзья собираетесь делать, кровосос? — насмехается Себастьян.

Раздается раскат грома и дождь прорывает тучи.

Я бросаюсь в атаку.

Себастьян застигнут врасплох, никак не ожидая, что я наконец-то решусь. У него даже нет времени выхватить свой меч до того, как я оказываюсь поверх него. Мы валимся на землю и меч выпадает у него из руки, приземляясь рядом с нами.

Это толчок к борьбе, которую все так ждали. Вокруг начинает твориться кромешный ад.

— Смерть Дарклингам! — орет Грегори.

— Нет границ! — выкрикивает Жук. — Единый город!

Остальные орут во все горло: — В бой! — когда две стороны врезаются друг в друга. Они сталкиваются посреди площади. Пространство заполняет какофония звуков.

Мы с Себастьяном катимся по булыжникам. Кулаки так и мелькают.

— Я собираюсь прикончить тебя к чертям! — выкрикиваю я.

Том, Яна, Крис, мама, Натали. Эти имена так и звенят у меня в голове, придавая мне силы.

Я ударяю кулаком Себастьяну в лицо и выбиваю ему передний зуб. Вздвогнув, он на мгновение ослабляет хватку и мне удается высвободиться и прижать его к земле.

Слева от нас Страж-гвардеец делает движение в сторону Жука, но его перехватывает Роуч и сбивает на землю.

— Отвали от моего мальчишка! — орет она.

Себастьян плюет кровью мне в лицо.

— Я собираюсь убедиться, что шлюха Натали страдает из-за того, что она сделала, — говорит он.

Мои клыки полны яда и я обнажаю их.

Себастьян хватается за свой меч, валяющийся на земле рядом с нами. Я отклоняю назад голову, готовый вонзить свои клыки ему в горло и...

— Эш!

Моя голова поворачивается на звук голоса Натали.

Грегори одной рукой обнимает Натали за талию, а другой держит меч, приставленный к её горлу.

Сердце замирает.

— Отвали от Себастьяна, а то я перережу ей глотку, — говорит он.

Я отпускаю Себастьяна и откатываюсь от него. Он поднимается и как трус шаткой походкой убегает прочь.

— Отпусти её, Грегори, — говорю я.

— С удовольствием, — говорит он.

Он толкает её ко мне, и мы валимся на землю. Натали сильно вскрикивает, когда больно ударяется головой о мостовую. Меня охватывает жгучая злость на Грегори. Меня сильно трясет от гнева. Сначала он убил мою мать, а теперь угрожал Натали. Я собираюсь его убить.

Грегори поднимает меч и в его глазах жажда смерти.

— Это тебе за Криса, — вопит он.

Раздается удар грома.

Мы одновременно с Натали тянемся к мечу Себастьяна.

Блеск металла, момент некоторого сопротивления, прежде чем слышится страшный звук, когда лезвие разрывает плоть Грегори. Запах ржавчины (это кровь) щиплет ноздри.

Я ослабляю хватку, и меч падает на асфальт.

Грегори смотрит на яркое красное пятно, которое расплывается на его алом пиджаке. На его лице отображается замешательство, словно он пытается понять, как же оно туда попало. Из его горла вырывается два хриплых вдоха, прежде чем он замертво падает на землю.

Его бездыханное тело лежит между мной и Натали, меч Себастьяна у моих ног.

Я смотрю на Натали, которая с ужасом смотрит вниз на свои руки. Они покрыты горячей липкой кровью, как и мои.

На меня наваливается осознание всего произошедшего.

Грегори мертв.

Он — Ищейка.

Убийство Ищейки — это тяжкое преступление и его только что засняло национальное телевидение.

Глава 38

Натали

— Что это ты затеяла? — требовательно спрашивает мама, с размаху положив моё признание на стол передо мной.

Комната для допросов узкая и тесная. Стены обиты алюминиевыми листами, создавая впечатление, что вы словно сельдь в банке. Мои запястья и лодыжки скованы, и я одета в серое простое по колено платье, в форму всех женщин-заключенных в тюрьме Блэк Сити. Мои ноги босы и холодны. Тень от стола, падающая на мои ноги напоминает мне кровь Грегори, разлившуюся по земле. Я сглатываю сухой комок, застрявший в горле. Всю последнюю неделю, с тех пор, как нас с Эшем арестовали, все мои ночные кошмары были только о Грегори.

Мама одета в точно такое же серое платье и мне странно видеть её в такой простецкой одежде. Она была разоблачена, арестована и осуждена в течение сорока восьми часов за то, что отравляла Золотой Дурман и вот теперь ждала исполнения своего приговора. Пуриан Роуз не терял времени даром; он хочет побыстрее с этим разобраться. Ей удалось подкупить охранника, чтобы навестить меня сегодня.

— А что с Полли? — спрашиваю я.

— Не уходи от темы, — говорит она, но затем смягчается, — она в порядке. Марта забрала её в безопасное место, пока я все устраиваю, чтобы отправить её в Центр пожить с кое-какими моими друзьями.

Полли. Она должно быть очень напугана отсутствием меня и мамы.

Из угла комнаты за нами наблюдает небольшая камера видеонаблюдения, на ней мерцает красный огонек. Я кусаю нижнюю губу, прокусывая её до крови, отчаянно и испуганно, каковой я пытаюсь не быть. За дверями допросной я слышу звуки тюрьмы: шум от производства в ремонтных мастерских, лязг цепей, крики заключённых — мужчин и женщин.

Где-то там Эш. В последний раз, когда я его видела, его тащили несколько гвардейцев-Стражей в мужское крыло. Его лицо было все окровавлено и в синяках. Они порядком избили его.

— Почему ты так пытаешься защитить его? Он же кровосос, — говорит мать.

Она выглядит еще тоньше обычного, словно палочник, одни кожа да кости.

— Не называй его так, — говорю я.

Она меряет шагами камеру, проводя рукой по своим черным волосам.

— Я просто не понимаю, Натали. После всего того, что я сделала, чтобы защитить тебя, как ты можешь вот так запросто на это наплевать, ради какого-то мальчишки-Дарклинга?

— Я не собираюсь позволить его наказать за смерть Грегори, — говорю я.

Мама холодно смеется.

— Как благородно с твоей стороны. Ты ведь понимаешь, что он сознался в преступлении?

— Как и я. — Я указываю на лист бумаги на столе. — И я не собираюсь отказываться от своего признания, если ты на это надеешься. Они могут обвинить только одного из нас в смерти Грегори и это буду я.

Я произнесла это гораздо храбрее, чем ощущаю себя. Последнее, чего бы мне хотелось,

это оказаться в суде и быть осужденной, но я должна оставаться сильной, чтобы защитить Эша. Мне даже почти интересно, как они меня казнят. Повесят? Распнут? Застрелят? Мои руки начинают дрожать, моя решимость слабеет. Я думаю об Эше. Вот, ради кого я все это делаю. Он должен жить и продолжать бороться за права Дарклингов. Его жизнь важнее моей. Он нужен Людям за Единство и Дарклингам.

— Ты на полном серьезе думаешь, что Пуриан Роуз отпустит кого-нибудь из вас, так и не наказав, если вы оба признаетесь в убийстве того мальчика? — спрашивает мама. — Он хочет, чтобы вы оба были мертвы.

— Ему придется. Закон есть закон — два человека не могут быть осуждены за одно и то же преступление, — говорю я. Закон совместного несения наказания был отменен во время войны, чтобы обвинять в военных преступлениях военных и правительственных чиновников, если другой член их команды, совершил злодеяние. Иначе, они бы все были одинаково в ответе. — Так что, если он намерен изменить закон, который вряд ли одобрят, учитывая какой злой народ сейчас в правительстве Стражей, ему придется действовать в одиночку, — заканчиваю я.

Надеюсь, я права, в противном случае мы оба с Эшем будем мертвы.

В дверь барабанит охранник.

— Время истекло, — кричит он.

Язык прилипает к небу, когда я думаю, что, возможно, это последняя наша встреча.

— Что будет с тобой? — спрашиваю я её.

— Пуриан Роуз, вероятно, отправит меня в его "*реабилитационный центр*" в Центруме, — говорит она.

— Что это? Вроде тюрьмы для богачей?

— Что-то вроде того, — говорит уклончиво она. — Туда отправляют людей, чтобы как-то особо их наказать.

У меня по спине пробегают мурашки.

— Мама...

— Не волнуйся за меня, Натали. Я сумею сама о себе позаботиться.

К немалому моему удивлению, мама берет меня за руку.

— Прощу тебя, отрекись от своего признания. Я не хочу, чтобы ты умерла, — говорит она, а в её привычно холодных голубых глазах появляется беспокойство. Прядь черных волос выбилась из прически. Я сосредоточена на том, что подобное несовершенство меня успокаивает, что весьма странно.

— Натали...

Я пялюсь на наши руки.

— Прости, мама, — шепчу я. — Я просто не могу. Я люблю его. Ты должна знать, что это такое.

— Я очень сильно любила твоего отца. Как бы мне хотелось спасти ему жизнь. Я никогда не прощу себя за то, что позволила ему умереть. Ты очень похожа на своего отца, ты ведь это знаешь? — говорит она и в её голосе слышится неподдельная нежность, словно она гордится этим фактом.

— Так почему же ты изменила папе, если так сильно его любила? — спрашиваю я. Это не обвинение, нет, мне просто любопытно.

Она вздыхает.

— Потому что я амбициозная женщина и клиническая идиотка. Я не заслуживала

твоего отца. Он был слишком хорош для меня.

Дверь открывается и внутрь проходит охранник. Он заставляет маму подняться.

— Я люблю тебя, дорогая моя девочка, — кричит она, когда охранник выволакивает её из комнаты. Её тощие белые ноги пинают охранника, волосы распускаются и ниспадают красивыми волнами, обрамляя лицо. Она никогда прежде не выглядела такой прекрасной и дикой. Вот такой женщиной я буду помнить свою маму.

Дверь за ней захлопывается и по моим щекам бегут слезы.

— И я тебя люблю, мама, — шепчу я.

Это впервые, когда я произнесла эти слова вслух. Я действительно никогда не чувствовал этого раньше, а теперь ее нет. По крайней мере, она будет жить. Я не знаю, что это за *“реабилитационный центр”*, но это звучит лучше, чем моя судьба. Это приносит мне небольшое успокоение.

Я смотрю на красную лампочку мерцающую на камере видеонаблюдения. Где-то в тюрьме, другая камера наблюдает за Эшем. Я не хочу, чтобы он предстал перед судом, но он никогда не откажется от своего признания.

Все что я могу сделать — это надеяться, что осудят меня. Это единственный способ спасти его.

Зал Заседаний переполнен людьми и где-то еще тысяча протестующих собралась снаружи. В арочных окнах то появлялись, то исчезали плакаты, словно чертенок из табакерки. Все они гласили одно из двух: *НАТАЛИ БЬЮКЕНАН ВИНОВНА!* или *ЭШ ФИШЕР ВИНОВЕН*. Мнения полярно разделились, кого из нас следует наказать за смерть Грегори. Жук, Роуч и Дей сидят в смотровой галерее. Они показывают мне большие пальцы.

Я оглядываю комнату, в поисках Натали. Прошло две мучительные недели после нашего ареста, самые длинные четырнадцать дней в моей жизни. Единственное, что поддерживало меня, это мысль, что я снова увижу ее. Моё сердце ёкает, когда я замечаю её, сидящую за столом на правой стороне зала суда. Бледненькую и худенькую, в свободном сером платье. Ее руки и ноги, как и мои, скованы.

Наши взгляды встречаются, и я выдыхаю. Такое чувство, будто я задержал дыхание на эти несколько недель. На её губах играет слабая улыбка. Мы не должны выглядеть слишком счастливыми от того, что видим друг друга: никто, кроме наших ближайших друзей и семьи, не знает о наших отношениях, и я намерен продолжать в том же духе. Мы не хотим, чтобы к тому, в чем нас обвиняют, добавилось еще и "*предатель расы*". Вот за это нас точно осудят и казнят. По крайней мере, сейчас шансы пятьдесят-на-пятьдесят, что Натали освободят.

"Прошу, Господи. Не дай ей умереть. Только не ради меня".

Мне больно видеть, что рядом с ней никого нет. Опять же, я слышал, что её мать была отправлена в "*реабилитационный центр*" в Центруме. Это заставляет меня быть еще более решительным в том, чтобы очистить имя Натали и освободить её, чтобы она могла позаботиться о Полли.

Я едва заметно касаюсь рукой груди с той стороны, где сердце. Это маленький жест, но она знает, что он означает: я люблю тебя, я скучаю по тебе, я с тобой.

Тюремный охранник дергает меня за руку и тащит к столу, стоящему на левой стороне зала суда, напротив стола Натали. Папа меня уже ждет там. Он наспех обнимает меня и пытается скрыть свое потрясение от того, как я похудел.

— Где Сигур? — спрашиваю я папу.

— Его не пустили, — отвечает папа. — Он пытался...

— Это ничего. Ты здесь. А это главное.

В зал входит судебный пристав:

— Всем встать.

Внезапно я чувствую, будто мои нервы натянуты, как струны. Это все происходит наяву. Это не какой-нибудь там ночной кошмар. Это самое настоящие судебное заседание по делу об убийстве Грегори Томпсона.

Боковая дверь открывается и входит Кворум Трех, все одетые в красные мантии, как того требует протокол. Все в зале умолкают, когда судьи занимают свои места на помосте в центре комнаты. Первый судья женщина-Дарклинг, с вытянутым серьезным лицом. Я смутно припоминаю, что похоже видел её в Легионе, в первое своё посещение гетто. Кажется, её зовут Логан Хенрикк. Она здесь из-за меня, поскольку я полукровка, в Кворуме должен находиться один Дарклинг, для обеспечения непредвзятости решения.

Второй судья худой, как тростинка, мужчина с редяющими волосами, в очках с

толстыми линзами и крючковатым носом. Он садится справа. И, наконец, третий — мужчина лет пятидесяти, с безукоризненными темно-каштановыми волосами и волевым подбородком — садится между двумя другими судьями, тем самым показывая, что он старший среди них. Мне встречалось его лицо в газетах: его зовут Бенедикт Кнокс. Он же был главным судьей в процессе над Эмиссаром.

Натали смотрит на меня. Она тоже его узнает. У меня ноет сердце. Если он осудил Эмиссара, то у него может быть предубежденное отношение к Натали и он будет голосовать за то, чтобы осудить её.

— Садитесь, — говорит пристав.

Я не могу сосредоточиться на том, когда он объясняет, в каком порядке будет протекать заседание, но это ерунда. Папа мне уже все объяснил. Наше Бюро Уголовного Правосудия (БУП) составляет список свидетелей, который предоставляет Кворуму Трем. Затем судьи вызывают тех по одному, чтобы заслушать их показания. Кворум Трех действует, и как защитник, и как обвинитель в отношении подсудимого и может задать любой вопрос свидетелю, чтобы подтвердить или дискредитировать его показания. После того, как все свидетели опрошены, а улики предъявлены, Кворум Трех голосует и выносит вердикт.

Вся система пронизана коррупцией, потому как все сводится к тому что за список свидетелей БУП предоставит Кворуму. Как правило, свидетели подбираются в пользу того, кто больше заплатит: семья потерпевшего или обвиняемого. При любых других обстоятельствах, я бы нисколько не усомнился, что виновным назначали бы меня, но, учитывая тот факт, что Натали дочь Эмиссара, не самой популярной женщины у Пуриана Роуза в данный момент, есть вероятность, что он подсуетился и подобрал свидетелей в мою пользу. Я просто надеюсь, что меня он хочет осудить сильнее, чем её.

Слово берет главный судья, Бенедикт Кнокс. В зале суда командует его глубокий голос.

— Кворум желает заслушать показания Натали Бьюкенан.

Натали подходит к свидетельской трибуне, которая находится рядом с судейской платформой. Ее нежные руки сжались в кулаки. Она трясется. Я хочу обнять ее, поцеловать, сказать ей, что все будет хорошо. Все, что ей нужно сделать, это сказать им, что я убил Грегори и она будет свободна.

Она усаживается. Её глаза смотрят в мои.

"Скажи, что это я его убил", — безмолвно умоляю я.

— Пожалуйста, изложите свою версию событий, — говорит Логан Хенрикк. Ее голос удивительно легкий и музыкальный для такого серьезного вида женщины.

Натали облизывает губы. Она кратко рассказывает им о моей драке с Себастьяном, как он уронил меч в драке, и, как Грегори приставил клинок к её горлу.

— А что было потом? — спрашивает Логан.

— Грегори бросил меня на землю к Эшу. Он замахнулся своим мечом и стало ясно, что он хотел нас убить. Поэтому я схватила брошенный меч Себастьяна и вонзила его Грегори в грудь. — Натали смотрит на меня. — Это я, я убила Грегори Томпсона.

Зрители в смотровой галерее начинают взволнованно перешептываться.

Дей прячет лицо у Жука на груди.

Я мотаю головой. Натали, должно быть, понимает, что я хотел вовсе не этого.

Натали спускается со свидетельской трибуны и возвращается к своему столу, ни разу не взглянув на меня.

Меня вызывают следующим.

Когда я сажусь, судьи устремляют свои взоры на меня. В зале так тихо, что я слышу свое сердцебиение. Забавно, еще месяц назад у меня и пульса-то не было. Я смотрю на папу. Его глаза умоляют, чтобы я возложил всю ответственность на Натали.

— Расскажите вашу версию произошедшего, — говорит судья-тростинка.

Я повествую о тех трагических событиях. Все детали совпадают с теми, которые поведала Натали, за исключением того, кто же убил Грегори.

— Он занес меч у себя над головой, — говорю я. — Я понимал, что он собирается убить нас — он ненавидел меня, а я ненавидел его. Он убил мою мать.

Несколько зрителей охают.

— Продолжай, — говорит Бередикт Кнокс.

— Я понимал, что это лучшая возможность отомстить Грегори за то, что он сделал, — говорю я. — Поэтому я схватил меч Себастьяна и вонзил его в Грегори Томпсона.

Натали закрывает глаза. По её щеке скатывается слезинка.

Всё, я могу сесть на прежнее место. Логан Хенрикк хмурится, глядя на меня, когда я прохожу мимо. Я оказываю Дарклингам медвежью услугу, будучи обвиняемым в убийстве Ищейки, но мне плевать. Все, что имеет значение — это спасение Натали.

Призваны держать ответ и несколько свидетелей, кто присутствовал в тот день на площади. Каждый рассказывают свою версию событий. Кто-то говорит, что это моих рук дело, кто-то, что Натали. Так продолжается все утро, пока мы все не изматываемся, слушая их показания. Из напряженных поз судей становится ясно, что они начинают приходить в уныние. Как можно определить виноватого, когда половина свидетелей должно быть врет?

Итак, пока пятьдесят на пятьдесят.

— Сколько свидетелей осталось? — спрашивает у пристава Бенедикт Кнокс.

— Два, Ваша Честь, — говорит он.

Я делаю глубокий вдох.

Вот оно. Окончание судебного разбирательства. Все, что скажут два следующих свидетеля и определит нашу судьбу.

— Вызываю следующего свидетеля, — громко произносит Бенедикт Кнокс.

Когда в комнату в своей форме Ищейки входит Себастьян, зал затихает. На его груди поблескивает золотая медаль в виде розы. Так что, в итоге, он получил продвижение по службе.

Когда он проходит мимо, то одаривает меня ледяным взглядом.

Я улыбаюсь, позволяя зародиться искорке надежды, что Натали будет спасена.

Народ в просмотровой галерее привстает со своих сидений и подается вперед, в нетерпении скорее услышать, что же он скажет. Слова высокопоставленного чиновника такого, как Глава Ищеек, имеет большое влияние на суд. Если судьи оказываются в тупике из-за предыдущих показаний свидетелей то, сказанное им, может заставить Кворум приступить к голосованию.

Себастьян садится. Кворум задает несколько предварительных вопросов, прежде чем просит дать его свои показания. Я не смею вздохнуть.

— Эта тварь, — он указывает на меня, — набросился на меня. Мы боролись и во время драки, он обезоружил меня. Эш Фишер решил убить меня. Я избежал смерти только благодаря Грегори Томпсону. Он спас мне жизнь. Он был героем.

— Вы видели, что случилось дальше? — спрашивает Логан Хенрикк.

Да его там даже не было! Он сбежал, как трус.

Себастьян поворачивается, чтобы взглянуть на меня. На его лице появляется злобное выражение.

Вот оно. Его шанс поквитаться со мной.

Холодная улыбка играет на его губах.

Себастьян переводит взгляд на судей.

— Я видел, как Натали Бьюкенан подняла меч и ударила им в грудь Грегори Томпсона, — говорит он.

— Нет! — воплю я. — Это я его убил! Я!

Просмотровая галерея начинает шуметь.

Я смотрю на Натали. Она кажется почти... счастливой.

Я прячу лицо руками. Нет, нет, нет, нет, нет.

Себастьяна отпускают с трибуны свидетелей.

Что ж, он получил свой реванш. Он знал, что единственный способ отомстить мне, это навредить Натали.

— Тишина! — кричит пристав и весь зал вновь умолкает.

— Вызываю последнего свидетеля, — говорит Бенедикт Кнокс.

Я опускаюсь на своё сидение, понимая, что все кончено. Все цвета в мире, кажется, поблекли. Девушка, которую я люблю, будет казнена.

"Натали, прости".

Она мягко улыбается, пристально глядя на меня через весь зал. Она кладет руку на свое сердце, отражение моего предыдущего жеста.

"Я люблю тебя", — говорит она мне.

Я сглатываю ком, вставший поперек горла.

Дверь распаивается и входит Джуно Джонс. Её лицо ничего не выражает, хотя под глазами отчетливо видны темные круги, будто она не спала несколько дней. Пока она идет к свидетельской трибуне, то не смотрит ни на меня, ни на Натали. Она одета в плотно облегающую блузку с корсетом и кожаные штаны, её рыжие волосы гладко зачесаны назад и стянуты в пучок. В руках у неё небольшая черная сумка.

— Мисс Джонс, Вы, были на городской площади во время мятежа? — спрашивает Логан Хенрикк.

— Да, я делала репортаж для Новостей Блэк Сити, — отвечает она.

— Вы видели, как напали на Грегори Томпсона? — спрашивает Бенедикт.

Джуно мотает головой.

— Нет, я была слишком далеко. Но мы сняли инцидент на камеру.

Моё сердце начинает трепетать.

Джуно вынимает из своей сумки диск и протягивает его приставу, который в свою очередь ставит его в плеер, встроенный в экран. Когда монитор оживает, свет выключается. Я вижу, как люди вокруг меня, восторженно глазят в монитор.

На экране появляются кадры мятежа. Стоны и крики, и я как будто снова там, и слышу запах крови и страха. Оказываюсь в эпицентре драки между мной и Себастьяном. Мы на земле, наносим друг другу удары. Грегори держит клинок, приставленный к горлу Натали.

Мое сердце замирает, когда я смотрю, как будут разворачиваться события:

Я отпускаю Себастьяна, и он сбегает, забыв про свой меч.

Грегори толкает Натали на землю.

Он поднимает своё оружие.

Мы с Натали одновременно тянемся за мечом Себастьяна.

Оператор сбит с ног и падает на землю.

За кадром раздается вопль Грегори:

— Это за Криса!

Какое-то время, все, что можно увидеть — это ноги убегающих людей.

Затем раздается удар грома.

Камеру поднимают, чтобы показать...

Меня.

Держащего окровавленный меч.

Я бросаю меч на землю.

Комната оживает, когда люди начинают взволнованно переговариваться. В фильме есть все доказательства, которые им нужны. Все предельно ясно: я виновен.

Виновен.

Это слово, словно эхо, постоянно повторяется у меня в голове.

Виновен.

Папа опускает голову себе на руки.

Виновен.

Логан Хенрикк не может на меня смотреть.

— Мне так жаль, Эш, — говорит Джуно, когда её выводят из зала.

— Нет, он этого не делал! Это была я! Я убила Грегори Томпсона, пожалуйста, поверьте мне! — кричит Натали, а по её щекам катятся слезы.

Не могу поверить, что она все еще пытается защитить меня, когда прекрасно знает, что все кончено.

Я перехватываю её взгляд.

— Всё в порядке, — произношу я одними губами. — Это то, чего я хотел.

Я держу ее взгляд столь долго, насколько осмеливаюсь, пытаюсь дать ей понять, что все будет в порядке. Я чувствую, что эхо ее сердца бьется в унисон с моим.

Я слышу обрывки разговоров, доносящихся с просмотровой галереи.

— Себастьяна даже там не было, когда все случилось...

— Он сбежал...

— Он лгал про Натали...

Кворум трех быстро определяются со своими голосами.

— Всем встать, — говорит пристав.

Я поднимаюсь, неожиданно чувствуя, что у меня подгибаются колени.

Бенедикт Кокс поворачивается ко мне.

— Эш Фишер, суд убежден, что Вы виновны в убийстве Грегори Томсона. Настоящим Вы приговариваетесь к смерти через распятие.

Глава 40

Натали

— Тебе придется когда-нибудь выйти, — говорит Дей с другой стороны двери в спальню.

Я лежу на небольшой раскладушке, которую поставили в спальне Дей. После процесса, Майкл с Самриной радушно разрешили нам с Полли остаться у них, пока мы не сможем разобраться в своей новой жизни, теперь, когда мама была отправлена в реабилитационный центр в Центруме и нас выселили из штаб-квартиры Стражей. Её контактные лица, сказали, что позаботятся о нас, но я ни за что не хотела покидать Блэк Сити, ведь это моя единственная связь с Эшем. Марта живет с Роуч и Жуком, потому что здесь для неё не нашлось места.

Укус на ноге, оставленный Дарклингом, чешется и я его раскорябываю, радуясь боли. Я хочу что-нибудь почувствовать, хоть что-нибудь, кроме горя.

В комнату входит Дей, одетая в элегантное черное платье с корсетом, которое я одолжила ей как раз для этого случая. Жук задерживается в дверях. Он одет в темно-зеленый костюм. Зеленый. Любимый цвет Эша.

— Ты должна пойти, — говорит Дей.

Я снова прячу голову под подушку, чтобы они не могли видеть мои слезы. Я не могу смотреть на то, что произойдет дальше. Я уже была свидетелем смерти одного любимого человека, в ту ночь, когда был убит мой отец. И не собираюсь снова через это проходить. Я просто не могу.

— Он хочет тебя видеть, — мягко говорит Дей, поднимая подушку с моей головы.

— Я никуда не пойду, — упрямлюсь я.

— Это последняя возможность увидиться с ним. Неужели ты её упустишь? — спрашивает Дей.

— Я не могу смотреть, как его казнят. Я просто не могу. Я так сильно его люблю, я... — мое горло душат слезы.

Дей обнимает меня, пока я плачу.

— Я не могу пойти, просто не могу, — говорю я, спустя какое-то время.

Дверь за ними тихонько закрывается.

— А Натали идет? — слышу я, как Эм-Джей спрашивает у Дей.

— Нет, — говорит он. — Пошли, мы опоздаем.

Минуту спустя хлопает входная дверь.

Я сажусь и бросаю подушку через всю комнату, одновременно крича во все горло, пока воздух не заканчивается в легких.

В направлении моей комнаты шаркают шаги и дверь слегка приоткрывается. Входит Полли, одетая в халат и розовые тапочки. Она присаживается на край моей кровати. Она тербит кончик локона своих блестящих черных волос и смотрит на меня своими волчьими глазами, прямо как её отец Пуриан Роуз. За исключением того, что её глаза полны сострадания, а не ненависти.

— Прости. Я не хотела тебя расстраивать, — говорю я.

Она бросает на меня взгляд, которым спрашивает: *"ты в порядке?"*

Губы дрожат, слезы готовы политься ручьем.

— Они собираются его убить.

Она колеблется, потом протягивает бледную руку и кладет ее поверх моей. Я позволяю себе заплакать. Спустя несколько минут, я вытираю глаза, которые все выплакала, а Полли выдает мне нечто похожее на улыбку.

Я смотрю на часы на туалетном столике. Одиннадцать тридцать. Эша казнят в полдень. Мы идем на кухню, я включаю портативный телевизор и листаю каналы в поисках каких-нибудь новостей. Полли, пытаюсь меня утешить, сжимает мою руку.

Я останавливаю свой выбор на Новостях Блэк Сити, которые передают казнь в прямом эфире. Джуно с мрачным лицом стоит посреди толпы. Тысячи людей на площади, еще больше тысячи заполнили боковые улицы. Джуно что-то говорит в камеру, но я не слышу что это, потому что выключила звук. Я не хочу слышать то, что они говорят об Эше, будто знают какой он. Для одних он предатель своего штата, который убил Ищейку, для других худший из преступников. Для меня он прекраснейший человек, которого я впервые встретила под мостом. Парень, который целовал меня на крышах. Парень, который любил меня. Парень, спасший мне жизнь.

Я закрываю глаза.

* * *

Грегори держит меч у моего горла. Лезвие врезается в мою кожу.

— Отпусти её, Грегори, — говорит Эш.

— С удовольствием, — отвечает он.

Он толкает меня на землю рядом с Эшем.

Грегори поднял меч, в его глазах жажда убийства. Он собирается убить Эша — я это знаю наверняка. Я должна остановить его!

— Это за Криса!

Раскат грома.

Я тянусь за мечом Себастьяна одновременно с Эшем.

Моя рука первая дотягивается до оружия. Я вскакиваю на ноги.

Блеск стали, секундное сопротивление, прежде чем лезвие проникает в тело Грегори. Горячая кровь брызжет мне на руки. О, Боже... о, Боже, что я наделала?

Я поворачиваюсь к Эшу.

Он отбирает у меня меч.

С лезвия течет кровь Грегори.

Он бросает оружие на землю.

* * *

Вот, что на самом деле произошло в тот день беспорядков. Я убила Грегори, чтобы спасти любимого. В фильме Джуно просто-напросто отсутствует самый важный момент, потому что оператора сбили на землю.

И теперь Эш отправляется на казнь, чтобы спасти меня. Как я могу позволить ему умереть в одиночестве, когда он будет распят из-за меня? Я нужна ему!

— Мне нужно идти! — говорю я Полли.

Я хватаю пальто и выбегаю из дому.

Пожалуйста, я должна успеть!

— Пьяница!^[3] — говорю я.

Отец кладет карты рубашками вверх на мою тюремную койку.

— Хорошая игра.

— Мне кажется, ты мне подыгрывал, — говорю я, с наигранным весельем.

— Вот еще, зачем бы мне это делать? — отвечает он в тон мне.

Они позволили папе быть со мной в тюремной камере в эти последние часы моей жизни. Этим утром у нас состоялась краткая встреча и с Сигуром, что было приятной неожиданностью. Должно быть, он потянул много ниточек и подкупил еще больше охранников, чтобы увидиться со мной. Я прислонился спиной к стене. Гарри, долговязый тюремный охранник с короткими рыжими волосами несет мне тюремный поднос. На подносе единственный стакан с пинтой свежей крови. Мой последний обед. Гарри искренне мне улыбается.

— У тебя гости, — говорит он, ставя поднос на кровать.

У меня в животе начинают порхать бабочки и появляется крошечный лучик надежды, что может быть это Натали. Я приглаживаю свои непослушные волосы. Они снова выются и топорщатся в разные стороны.

Возле решетки появляются Дей с Жуком. Они не смотрят мне в глаза, когда я смотрю на них.

— Ей не позволено было прийти?

Они ничего не говорят.

Папа берет меня за руку и сжимает её. Я вытираю свои глаза рукавом рубашки; материал тюремной одежды толстый и колет мне кожу.

Жук сквозь решетку протягивает мне газету. Я просматриваю заголовки. В основном это статьи о предстоящем голосовании за Закон Роуза и как люди ищут выход, чтобы проголосовать против, раздраженные тем, как относятся к Дарклингам в Легионе и злые на правительство Стражей за то, что те отравили Золотой Дурман. Люди больше не могут закрывать глаза на все происходящее. С тех пор, как в воздухе витает ветер перемен, количество активистов Людей за Единство возросло. Жаль, что я не увижу всего этого сам.

Я переворачиваю страницу, и на меня смотрит мое собственное лицо.

— Эй, да я попал на третью страницу.

Никто не смеется.

— Ого, а почему у всех такие вытянутые физиономии? Кто-то умер что ли? — спрашиваю я.

— Эш, — говорит папа.

Дей рыдает навзрыд, а Жук, успокаивая, обнимает её. Я стараюсь не смотреть, сжигаемый ревностью. Как бы мне хотелось, чтобы Натали была здесь.

— Мы должны вернуться на свои места, — тихо говорит Жук минуту спустя. — Мы будем прямо перед тобой. Ты нас не пропустишь, братан.

Яжимаю руку Жука через решетку, и он очень долго её не отпускает.

— Я люблю тебя, чувак. Ты мой лучший друг, — шепчет он.

— Эй, ты заставишь Дей ревновать тебя, если не отпустишь мою руку, — дразню я его.

Дей пытается рассмеяться, по её карамельным щекам струятся слезы. Она держится на Жука, когда они уходят. Он успевает дойти до середины коридора, прежде чем разрыдаться самому.

Папа встает на колени на твердый бетонный пол и я присоединяюсь к нему, чтобы помолиться. Я стараюсь произносить слова, обращенные к Всевышнему в Вечном саду, убедительно, или, по крайней мере, чтобы они звучали таковыми для моего отца. Я знаю, ему это нужно, возможно, даже больше, чем мне. Не думаю, что в раю есть место для таких, как я, но меня это как-то не особо тревожит. Может быть, я отправлюсь в Небытие вместе с мамой?

Я так благодарен папе, что он здесь со мной прямо сейчас. Я много лет гадал, каково это, если бы моим отцом был Дарклинг, который по-настоящему "понимал" меня, но теперь я понимаю, что все это время рядом со мной был такой человек. О лучшем отце я и не смел бы мечтать. Он заботился обо мне, любил, и он никогда не забывал меня, как бы не было трудно. Я горжусь тем, что был его сыном.

Я слышу позвякивание ключей Гарри, когда те ударяются об его ногу, прежде чем вижу его. Он отпирает тюремную дверь.

— Пора, парень, — говорит он скорбно.

Папа помогает мне подняться на ноги. Я немного опираюсь на него. Внезапно мои плечи опускаются, будто на них что-то давит, ноги наливаются свинцом. Сквозь маленькое оконце моей камеры проникает солнце. Солнечный свет покалывает мне кожу, но это даже приятно, оно напоминает мне, что я все еще жив.

— Хороший день для казни, — говорю я Гарри.

Он морщится.

— Ты должен оставить здесь свою одежду, — говорит мне Гарри, глядя себе под ноги.

Я сбрасываю рубашку и штаны, радуясь, что можно уже избавиться от материала, от которого у меня зудела кожа. Я не особо возражаю быть раздетым. В подобной уязвимости есть некая свобода. Мне нравится, как холодный воздух ласкает кожу. Вокруг талии я оборачиваю льняную ткань, в конце концов, там же будут дети.

— Может, мне просили что-нибудь передать? — с надеждой спрашиваю я.

— Прости, парень.

Я должен принять, что она не придет. Я никогда её больше не увижу. Я поворачиваюсь к папе, который занят тем, что подбирает мою одежду и складывает её в аккуратную стопку на койке, оттягивая неизбежное. По его мужественному лицу стекает слеза.

— Папа?

Он поспешно вытирает глаза:

— Да?

— Позаботься ради меня о Натали. Я и Сигура попросил о том же. Убедись, что с ней все будет хорошо. Обещай мне.

— Обещаю, — говорит он.

Его печальные глаза изучают мое лицо, и я понимаю, что он пытается запомнить меня в мельчайших подробностях. Я не могу поверить, сколько страданий выпало на его долю. Сначала он потерял маму, теперь вот меня. Это самое худшее, что может случиться. Никто не должен видеть, как умирает его ребенок.

Гарри протягивает кандалы.

— Секунду. — Я переворачиваю папины карты, лежащие на моей койке и улыбаюсь. Значит он все-таки позволил мне выиграть.

Гарри сковывает мои запястья и лодыжки и ведет меня по длинному коридору в ожидании передвижной тележки снаружи. Безликие заключенные суют свои пальцы сквозь прутья тюремных камер, когда я прохожу мимо, напоминая мне, что я не одинок. Папа, молча, идет в нескольких шагах позади. Время молитв прошло.

Я пробираюсь через оживленные улицы, отчаянно пытаюсь добраться до городской площади, находящейся почти в миле отсюда. Вот уже, как минут десять я пытаюсь продвинутся вперед, а ушла едва за угол дома Дей. Похоже, что у меня ничего не выходит и меня начинает охватывать паника. Должен быть лучший способ добраться до площади.

Казнь Эша транслируется на больших экранах на крышах. Его доставили на городскую площадь. Он выглядит напуганным, хотя и пытается это скрыть. Его сверкающие черные глаза глядят прямо в камеру и мне чудится, что он смотрит прямо на меня.

— Эш, я иду! — выкрикиваю я.

Люди вокруг поворачиваются в мою сторону и их глаза округляются. Они все начинают тыкать в меня пальцами и шушукаться.

— Это она...

Тень закрывает небо. Люди вокруг вопят. Надо мной в солнечных лучах сверкают радужные крылья и я понимаю, что это Сигур. Он пикирует вниз, на толпу и народ разбегается кто куда. Я съёживаюсь, стараясь оказаться подальше от него.

— Я не собираюсь тебя обижать, — говорит он.

Я усмехаюсь:

— Вы пытались меня убить.

— Да, пытался, — соглашается он. — Но я здесь сейчас не для этого.

— А для чего?

— Мое самое величайшее сожаление в жизни, что меня не было рядом с Аннорой, когда она отправилась в Небытие. Ты нужна Эшу, как никогда.

— Откуда Вы узнали, где меня искать? — спрашиваю я.

— Эш попросил меня приглядеть за тобой, — говорит он. — Когда тебя не оказалось дома в Высотке, я отправился на твои поиски.

Он протягивает мне свою бледную руку.

— Пойдем, я отведу тебя к нему, — говорит он.

Я смотрю на Сигура, затем на толпу преграждающую мне путь. Я никогда пешком не доберусь до Эша вовремя. Это может быть моим единственным шансом. Я протягиваю руку Сигуру и он притягивает меня к себе, так что я оказываюсь прижатой к его груди. Его крылья делают один взмах, потом другой и мы уже парим над городом. Холодный воздух хлещет по лицу и я обнимаю ногами его длинный худощавый торс, цепляясь за свою жизнь. Адреналин бьет по венам, когда он поднимается все выше и выше в облака. Я впиваюсь ногтями в его ледяное тело. Я никогда прежде не летала с крылатым Дарклингом и это страшно. Я продолжаю думать, что он сбросит меня случайно или намерено.

Когда мы уже подлетаем к городской площади, ритм моего сердцебиения сбивается, но вскоре я понимаю, что это не мое сердцебиение — это сердечный ритм Эша.

Когда я шагаю на городскую площадь, меня оглушает рев толпы. Мне делается дурно, когда я вижу кресты, все три, выстроенные вдоль стены. Который будет моим?

Отец садится рядом с Жуком и Дей в смотровой будке, рядом со школой, где сидят и следят остальные VIP-персоны. Я знаю, им не хочется за этим наблюдать, но они здесь ради меня. Я смотрю в толпу, пытаюсь найти в море лиц Натали, но её здесь нет, хотя я замечаю её горничную, Марту, закутанную в черную ткань, почти скрывающую её. Я слабо улыбаюсь ей, хоть сомневаюсь, что она может это увидеть, благодарный, что она здесь, несмотря на риск, которому себя подвергает.

На Пограничной стене стоят охранники Легиона и я ожидаю увидеть среди них Сигурано и его нет. На одной из боковых улиц мелькает фигура в синем плаще и я на секунду задумываюсь, не Эвангелина ли это, но я уверен, что она давно покинула город. Наверное, это даже хорошо: не хочу, чтобы она видела, как я умираю и знала, что осталась единственным полукровкой в целом мире, и что наш род стал на шаг ближе к вымиранию.

Сильный ветер поднимает пепел с обгоревших домов, окружающих нас, поднимая черные хлопья тлена в воздух. У меня такое чувство, что я внутри гигантского снежного шара. А ведь это на самом деле очень красиво и почему я прежде не замечал?

К кресту, находящемуся по середине подходит Себастьян, одетый в парадную форму Ищеек, увешанную медалями. Я замечаю, что медаль в виде золотой розы пропала. Предполагаю, что его понизили в звании, после того, как был пойман на "лжи" при даче показаний. Я получаю небольшое удовольствие от этого факта, тем более, что он вообще-то говорил правду. Он выглядит старше своих лет с бритой головой, с тату в виде розы и каменным выражением лица. Позади него священник обрызгивает крест эссенцией акации. Её пары заставляют сжиматься моё горло в спазмах. Поэтому я думаю, что этот крест предназначенся мне.

Себастьян пристально смотрит зелеными глазами в мои и не отводит взгляд.

— Акация сильно убыстрит процедуру, кровосос. Хотя ты этого и не заслуживаешь, — объясняет он.

Под "*процедурой*" он подразумевает мою казнь. Очевидно, что они хотят сделать побыстрому для тех зрителей, кто остался дома и смотрит происходящие по телевизору — нет ничего скучнее, чем медленная казнь.

— Я собираюсь с наслаждением наблюдать за твоей смертью, — говорит он. — Надеюсь ты сгоришь, как и остальные.

Я пытаюсь сглотнуть, но во рту пересохло. Я вспоминаю как разорвалось тело Яны в огне и я просто надеюсь, что со мной не произойдет того же. Моя аллергия на акацию не такая сильная, как у чистокровных Дарклингов, хотя при таком количестве, которым полили крест, я в этом не уверен. Но может быть, мне повезет. Я смеюсь нелепости этой мысли. Повезет? Меня вот-вот собираются распять.

Себастьян обращается к аудитории и читает свиток. Его голос разносится по всей городской площади.

— За убийство Ищейки Грегори Томпсона, Эш Фишер приговорен к смерти через распятие.

Ноги ватные, колени подгибаются и я собираю волю в кулак, чтобы остаться стоять. Я не хочу выглядеть испуганным на глазах у всех страны. Я должен быть храбрым. Я справлюсь.

Как бы мне хотелось, чтобы Натали была здесь.

Публика начинает роптать, приходя в волнение, напоминая мне о последних казнях, произошедших здесь. Я смотрю на школьную башню с часами, справа от меня. Одна минута до полудня; представление начинается. Я снова смотрю на постамент для зрителей. папа еле сдерживает слезы, пытаюсь быть мужественным ради меня. Жук обнимает Дей. Сигура по-прежнему нет, как и Натали, но я не теряю надежды, что она появится.

Часы бьют.

Один...

Толпа умолкает.

Два...

С меня снимают оковы.

Три...

Крест опущен.

Четыре...

Меня привязывают к кресту серебряными цепями. Они выжигают мне кожу.

Пять...

Пары акации проникают в мои легкие, вызывая удушье.

Шесть...

Священник произносит над моим телом молитву.

Семь...

Охранники с помощью лебедек поднимают крест.

Восемь...

Крест в вертикальном положении.

Девять...

Моё сердце оглушительно колотится.

Десять...

Рыдание отца разносится по всей площади.

Одиннадцать...

В памяти мелькает образ Натали.

Двенадцать...

— Остановитесь!

Сигур приземляется в центре толпы и ставит меня на ноги.

— Остановитесь! — снова кричу я.

— Натали! — выкрикивает Эш, его голос надломлен.

Толпа расступается, когда я бегу к нему. Себастьян хватает меня, пытаюсь оттащить, но Сигур рычит на него, обнажая длинные клыки. Себастьян меня отпускает.

Я добираюсь до креста и смотрю на Эша. Он задыхается, его кожа идет волдырями от экстракта акации. Щупальца дыма уже ласкают его руки, заставляя кожу на них чернеть.

— Эш, я люблю тебя! — кричу я ему.

Его кожа трескается. Едкий запах горелого мяса, щиплет ноздри, когда пламя начинает лизать его обожженную кожу.

Я вытягиваю руку и прикасаюсь к его ноге. Я могу дотянуться только до его ног. Мое сердцебиение ускоряется, в то время как его становится слабее с каждой секундой.

— Борись, Эш! Пожалуйста, я люблю тебя. Не покидай меня.

Внезапно вспыхивает пламя, охватывая его руки в бушующие сферы. Яркие желтые, оранжевые и красные языки пламени растворяются в друг дружке, когда огонь вьется и тянется к небу, раздуваемый ветром. Они полыхают словно крылья, ужасающие и прекрасные. Феникс восстает из пепла.

Толпа охает.

Эш задыхается, его грудь содрогается от напряжения. Его блестящие черные глаза смотрят вниз и перехватывают мой взгляд. Вокруг него парят хлопья пепла.

— Я люблю тебя, — снова говорю я. — Ты...

— ...нужен мне, пожалуйста, не оставляй меня, Эш, — говорит она мне.

Жар лавой течет по моим рукам, словно тысячи кинжалов впиваются и царапают мою кожу, заставляя каждое нервное окончание взрываться мучительной болью. Ощущения почти невыносимы, будто с костей сдирают плоть, но я все равно отказываюсь кричать.

— Я люблю тебя! — повторяет она.

Ей не следовало этого говорить, не здесь, не перед телекамерами. Она следует глазами за моим взглядом и сердито смотрит на репортеров.

— Слышите меня! Я люблю его. Я люблю Дарклинга, и не стыжусь этого. Мы не сделали ничего плохого.

— Натали, нет... — запинаясь я.

В толпе распространяется взволнованный шепот. И это уже не та толпа, что наблюдала за смертью Тома и Яны. Эти люди видели слишком много за последние недели, их глаза открылись на многие вещи. Один за другим, они поворачиваются спинами к сцене, отказываясь смотреть, как я умру так же, как сделали охранники Легиона во время казни Тома и Яны. У Пуриана Роуза достаточно власти, чтобы казнить нас, но недостаточно её, чтобы заставить нас смотреть. Это небольшой, но все же явный знак протеста против Стражей. Я уверен, что где-то там, в Центруме, у Пуриана Роуза, глядя на это, случится припадок.

Натали снова прикасается к моей ноге, посылая электрический разряд сквозь мое тело, который заставляет мое сердце вспыхнуть. Оно бьется более интенсивно, соединяясь с ритмом её собственного сердца.

Я неуверенно вздыхаю. Воздух снова достигает моих легких. Я чувствую приближение конца.

Нет, нет. Не сейчас. Я не готов.

— Все хорошо, Эш, — шепчет Натали. — Я здесь. Ты не один.

Наши сердца бьются в унисон, и я сосредотачиваюсь на этом успокаивающем ритме.

Затем появляется ощущение, будто зимний холод ползет по моим лодыжкам и поднимается выше, к животу, как дыхание смерти.

Вот оно.

— Эш, нет, — всхлипывает она.

— Всё нормально, — говорю я.

Ба-бум ба-бум ба-бум.

— Оставайся со мной, — умоляет она.

Ба-бум ба-бум.

Я вдыхаю воздух, но мои легкие не наполняются им.

— Я люблю тебя, Эш.

Лед сковывает моё сердце.

Ба-бум...

Я знаю — он мертв. Его сердце перестало биться у меня в груди.

Я опускаю руку.

Себастьян делает знак охранникам потушить огонь. Он смотрит на меня холодным, жестким взглядом, злобная ухмылка застыла на его губах. Он получил то, чего хотел. Эш мертв. Люди в толпе снова поворачиваются к сцене, желая еще раз взглянуть, как Эша будут снимать с креста. Я смотрю в ближайшую из телекамер.

— Это сообщение для Пуриана Роуза. Я осознала кое-что о Вас. Вы терроризировали нас, ссорили семьи друг с другом, заставляли нас бояться Дарклингов, а зачем? Потому что без нашего страха не будет и Вашей власти, — говорю я, — Что ж... Я больше не боюсь Вас. Я не собираюсь прожить свою жизнь в страхе. С этого дня у Вас нет власти надо мной или жителями этого города.

Жук поднимается и кричит, потрясая кулаком в воздухе.

— Ни страха, ни власти! Ни страха, ни власти!

Его протест подхватывают остальные участники движения Люди за Единство, затем уже вся толпа вместе с ним, и вот уже волна протеста захватывает весь город, словно раскаты грома, раздаются слова протеста в один голос:

— Ни страха, ни власти! Ни страха, ни власти!

Я снова стою лицом к кресту. Эш лежит на земле, его руки и грудь почернели от ожогов. Себастьян грубо срывает серебряные цепи с запястий и лодыжек Эша. Металл впечатался в его кожу, и я прикрываю свой рот, чтобы заглушить рыдания

Преподобный Фишер, Дей, Жук и Сигур присоединяются ко мне. Мы все смотрим в молчании, как преподобный Фишер бережно приподнимает тело сына и любовно приглаживает его волосы. Я жду, что они пошевелиятся и обовьют пальцы его отца, как обычно происходило, но все остается по-прежнему. Ничего не меняется.

Дей и Жук обнимают меня. Я сдерживаю слезы.

— Мы должны приготовить его для Со'Камуру, — мягко говорит Сигур.

Отец Эша качает головой.

— Его похоронят по человеческим обычаям. Так же, как он был воспитан.

Сигур не спорит.

Себастьян крутится неподалеку. Доставлена деревянная повозка, чтобы забрать тело Эша.

— Я хочу первая с ним попрощаться, — говорю я.

Преподобный Фишер осторожно кладет тело обратно на землю, и я опускаюсь на колени рядом с Эшем. Отодвигаю прядь волос с его закрытых глаз. Он выглядит таким умиротворенным, как будто просто спит.

— Так начинается мое сердце, так начинается наша жизнь, навечно, — шепчу я.

Я прижимаюсь своими губами к его.

Электрический разряд проходит между нами. Он пронизывает мое тело, направляясь прямо к сердцу.

У меня перехватывает дыхание.

Секунда, и возникает слабое сердцебиение.

Я хватаю Эша за руку, и сердцебиение становится сильнее.
Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.
Его глаза открываются.

Натали поддерживает меня, перекинув мою забинтованную руку себе через плечо, пока мы покидаем госпиталь. Ожоги никогда не заживут полностью, даже несмотря на мои способности Дарклингов к регенерации, они навсегда останутся, как напоминание о моей казни. Прошло несколько дней со времени моего *"чудесного воскрешения"*, как назвали это газеты. Конечно, мы с Натали знаем правду. Когда мое сердце перестало биться, это пробудило дремавшие в моей крови бактерии Трипаносома вампириум, которые обеспечили мои органы кислородом, которого хватило, чтобы не дать умереть моему мозгу. Затем, когда Натали поцеловала меня, мое сердце снова заработало... и вот я здесь.

Очевидно, правда не столь впечатляющая, как идея некоторых людей о том, что я могу быть мессией. "Черный Феникс" прозвали они меня. Парень, который возродился из пепла.

Мне не очень претит идея быть парнем с плаката Людей за Единство, но, по крайней мере, я такой не один. После её телевизионного всплеска эмоций во время моей казни, Люди за Единство предложили Натали быть их представителем. Они объединились с Легионом Фронта Освобождения, чтобы защитить город от репрессий, которые нас ожидают после того, как весь город скандировал "Ни страха, ни власти!"

Я переживал за Натали, что её арестуют, после того, как она прилюдно призналась, что любит меня, но этого не произошло. Должно быть, правительство Стражей испугалось того, что может произойти, если кого-нибудь из нас арестуют; эта искра может воспламенить гражданскую войну.

Мы идем в сторону моего дома, вдоль пограничной стены. Я не чувствую никакого желания быть на другой стороне. Все, что мне нужно, рядом со мной.

Конечно, я бы хотел увидеть, как однажды стена падет. Ведь все еще есть разница во мнениях граждан по поводу того, должны ли мы восстановить Дарклингов в их правах в обществе. Возможно, однажды это все же произойдет, но все еще нужно преодолеть большое количество разногласий. Мы не можем вернуться к тому положению вещей, которое было до войны, когда Дарклинги питаются людьми, при этом отравляя их Дурманом. Нам нужно найти новое решение, которое удовлетворило бы всех. Решение, которое не придет к нам в одночасье, как не устает мне напоминать Роуч.

До тех пор, я буду проводить как можно больше времени с Натали. Не каждый день выпадает шанс жить и второй шанс быть с любимой девушкой.

Она улыбается мне, её красивые голубые глаза искрятся.

— Я люблю тебя, — говорю я ей.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она, затем целует меня. Мы входим в Высотку и находим мой дом, расположенный между двумя уснувшими гигантами, как и всегда, за исключением того, что я немедленно понимаю, что что-то не так. Церковь выглядит, как после землетрясения — скамьи перевернуты, священные книги разбросаны по полу, окна разбиты.

— Что происходит?

Папа с тревогой смотрит на, окружающих его, Стражей.

— К тебе пришли, посетитель в твоей комнате, — отвечает отец.

И только тогда я замечаю, что один из охранников приставил к шее отца кинжал. Он еле

заметно качает головой из стороны в сторону. Я стараюсь выглядеть небрежным, но мной овладевает паника. Натали берет меня за руку, и мы направляемся к колокольне.

— Кто бы это мог быть? — шепчет она.

Я пожимаю плечами.

— Есть только один способ это выяснить.

Я открываю дверь.

Пуриан Роуз стоит у арочного окна, погружая зубы в кроваво-красное сердцевидное яблоко с деревьев, растущих на кладбище. Золотой сок стекает на его нижнюю губу, и он вытирает его большим пальцем, одновременно поворачивая на нас свои холодные серые глаза.

— Надеюсь ты не возражаешь, но я сорвал яблоко в вашем саду, — говорит он мне своим странным елейным голосом.

— Да не вопрос. Они всё равно все червивые, — говорю я.

Пуриан Роуз улыбается нам своей неестественной улыбкой. Вблизи его кожа имеет очень неприятный, натянутый вид, и его волосы неестественно черные. Он аккуратно кладет недоеденное яблоко на подоконник.

— Чего Вы хотите? — спрашиваю я.

Он устало вздыхает.

— Я чувствую, что в последнее время пренебрегал своими духовными обязанностями. Пора уделить чуть больше внимания своей пастве.

Его угроза предельно ясна: он наблюдает за мной и отцом.

— Если вы причините вред моему отцу.... — рычу я.

Пуриан Роуз холодно улыбается мне.

— Ну, всё зависит от тебя, не так ли?

— Каким образом?

— Должен признать, хоть я и очень религиозный человек, но все же был удивлен увидеть твое воскрешение из мертвых. Некоторые могли бы сказать, что это был знак свыше. — Он прищуривает на меня свои глаза. — Я, конечно, осведомлен лучше. Твое воскрешение не было чудом. Ты можешь умереть так же просто, как и все остальные.

— Что Вы хотите этим сказать? Помимо того, что в следующий раз Вам придется найти более действенный способ казни для меня? — говорю я.

— Я хочу сказать, мистер Фишер, что я очень не люблю лжепророков. Особенно тех, которые разрушают те общественные устои, к которым я стремился последние пятнадцать лет, выстраивая все очень осторожно.

— Тогда почему бы Вам не арестовать меня или убить? — спрашиваю я. — Прямо здесь. Это Ваш шанс.

— Я ничего бы так не желал, как перерезать тебе горло, но если я это сделаю, то превращу тебя в мученика, и дам Людям за Единство больше возможностей заручиться поддержкой против меня. — Он смотрит в окно на Блэк Сити. — И арестовав тебя, я лишь вызову гнев. Похоже на то, что жители этого города к тебе очень привязались. Слышал, они зовут тебя Черным Фениксом? *"Парень, который возродился из пепла"*.

Мое сердце замирает.

Пуриан Роуз снова смотрит на нас.

— Нет, мистер Фишер, я намерен порвать тебя на части, кусок за куском, пока ты не станешь умолять о пощаде.

Он выметается из комнаты и дверь с грохотом захлопывается за ним.

Как только он уходит, Натали притягивает свое лицо к моей груди. Её всю трясет. Я держу её, пока она не успокаивается.

— Почему он не может просто оставить нас в покое? — наконец произносит она.

— Он пытается запугать нас, — говорю я, отпуская её. — Но ему не удастся. Если он хочет драки, тогда он её получит.

Я шагаю к арочному окну туда, где Пуриан Роуз стоял за мгновение до этого. Оглядываю город, сожженные руины домов, разгромленных во время войны, тысячи белых крестов, украшающих городское кладбище, знакомую черную линию на горизонте, отделяющую нас от Дарклингов.

На моем подоконнике остается лежать наполовину съеденное яблоко, как напоминание о его угрозах. Я выбрасываю огрызок в окно.

Натали берет меня за руку и у меня сжимается сердце.

— Я думала, война закончилась, — грустно говорит она.

Вместо ответа я прижимаюсь своими губами к её. Её теплое тело прижато к моему, и я обнимаю её вот так какое-то время. У меня не хватает смелости сказать ей, что я на самом деле думаю: *Война только начинается.*

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Кифоз (др.- греч. кúφος согнутый, горбатый) — в общих случаях представляет собой искривление верхнего отдела позвоночника. Может быть как приобретённым, так и наследственным.

Баст — древнеегипетская богиня радости, любви и всего хорошего. Изображалась в виде кошки или львицы.; Бастет

Пьяница - карточная игра.